

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 13

**Теоретические и методологические аспекты
изучения языкового сознания**

Сборник научных трудов молодых ученых

Екатеринбург
2011

УДК 482
ББК Ш I

Редакционная коллегия:

Т.А. Гридина, доктор филол. наук, проф. (ответственный редактор); **Н.И. Коновалова**, доктор филол. наук, проф.; **Т.В. Гоголина**, канд. филол. наук, доц. (ответственный за выпуск); **Е.Н. Иванова**, канд. филол. наук.

Рецензенты:

О.Б. Акимова, доктор филол. наук, проф. (Российский государственный профессионально-педагогический университет); **М.Э. Рут**, доктор филол. наук, проф. (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина).

LINGUISTICA JUVENIS. Сборник научных трудов молодых ученых. Выпуск 13. – Екатеринбург, 2011. – 175 с.

ISSN 2309-5768

В сборнике представлены научные статьи студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей по вопросам антропологической лингвистики: рассматриваются проблемы лингвокультурологии, дискурсивной деятельности говорящих, семантики и прагматики слова и текста, а также лингвометодические аспекты анализа языковых единиц.

Сборник представляет интерес для специалистов-филологов, аспирантов и студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами современной лингвистики.

ISSN 2309-5768

©ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2011
©LINGUISTICA JUVENIS, 2011

А.А. Андреева, Е.Н. Иванова
Екатеринбург

**Синтаксическая норма XVIII века
в эпистолярных текстах**

Ключевые слова: история русского литературного языка, деловая письменность XVIII века, разговорный синтаксис.

Становление нормы является конечным результатом развития системы языка, которая в итоге осознается и филологами, и носителями языка. «Норма есть познанная система. В постижении этого, в становлении нормы важна роль работников слова, но также и ученых. В XVIII веке эту роль исполнил М.В. Ломоносов» [Колесов 1989: 62].

Процесс формирования литературных языков нового типа происходит в XVIII столетии не только в России, но и во многих европейских странах. Неотъемлемыми характеристиками литературного языка нового типа являются «полифункциональность, общезначимость, кодифицированность и дифференциация стилистических средств» [Живов 1996: 14].

Для создания ситуации выбора нормативного варианта необходим такой уровень развития естественного (народного, разговорного) языка, «когда в результате функционального усложнения речевых формул уже образовались различные стили, т. е. уже произошло углубление структуры языка» [Колесов 1989: 54]. К началу XVIII столетия в России сложилась подобная ситуация, а над системой естественного языка уже надстроилось несколько стилиевых уровней с равноценными для общей структуры национального языка вариантами.

Однако следует признать, что при всех достоинствах нормализаторской деятельности М.В. Ломоносова в области морфологии, синтаксическая норма, закрепленная им в «Российской грамматике», отличается излишней умозрительностью и бессистемным описанием синтаксических единиц.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что письма и распоряжения Прокофия Акинфиевича Демидова (1710—1786) еще не становились предметом лингвистического анализа в аспекте изучения становления языковой нормы рус-

ского литературного языка в России во второй половине XVIII века.

Цель статьи – охарактеризовать особенности проявления синтаксической нормы второй половины XVIII века в эпистолярных текстах П.А. Демидова.

Материалом исследования послужили рукописные тексты документов второй половины XVIII века – письма и распоряжения П.А. Демидова (121 письмо). Эти тексты написаны писцами, П.А. Демидов диктовал их, а потом собственноручно заверял.

Для синтаксического анализа текстов П.А. Демидова выбранные факты сгруппированы по принадлежности их к крупным классам – структурным единицам синтаксиса русского языка. Сначала анализируются словосочетание, затем простое предложение, потом – сложное (сложносочиненное, сложноподчиненное, бессоюзное).

1. Словосочетание

Тип синтаксической связи – **согласование**

М.В. Ломоносов в Российской грамматике пишет, что «имена прилагательные, местоимения и причастия должны с существительными, к которым прилагаются, быть согласны в роде, числе и падеже» [Ломоносов 1952: 269]. Однако в письмах П.А. Демидова это соблюдается далеко не всегда, в частности наблюдаются отклонения от этой нормы, что может быть связано с восприятием категории рода как семантической. Например:

- *от 1 сентября ваше пис[ь]мо получено, а'во'ономъ, что бабье лето у'васъ приехал, а'у'нась уже 7 и 8 числа два дни былъ снегъ, тол[ь]ко без'мороза;*

- *да'меня порадоваль г[о]с[по]д[и]нь Кошелевской: в'списке ево было 24 красавицъ;*

- *да'ты хоть отцу Марке прикажи;*

- *оная деревня заложена от'г[о]с[по]д[и]на Князева и'просрочена, и'во'время записки, какъ Князевъ беспокоень, для того надобно проворнай ч[е]л[о]в[е]къ.*

Но в большинстве случаев согласование в словосочетаниях нормативное: *отдать изъ других своихъ крепостныхъ крестьянъ; впредь такого желъза спрошено будетъ.*

Тип синтаксической связи – управление

В текстах П.А. Демидова широко представлено предложное управление. Отметим случаи архаичного уже для второй половины XVIII века вида управления:

● **для** + род. п. (в значении «из-за»): *онъ пишет, все тыки, с лукавствомъ, и для того я подо всякимъ пунктомъ подписал для твоего известия, что добро и что лукаво; которой завтра поедить в Танбовъ для записки просроченной деревни г[о]с[по]д[и]на Князева;*

● **за** + тв. п. (в значении «из-за, вследствие»): *точиюс за удалением лесовъ и протчими недостатки в казну Вашего Императорского Величества почти никакой прибыли оныя уже чрез нескол[ь]ко л[ѣ]тъ не приносятъ; Колыванской и Рож[д]ественской заводы еще описью за дал[ь]нимъ расстояниемъ и не окончаны;*

● **между** + тв. п.: (пространственное значение) *имѣющуюся между Нижнотагил[ь]ским брата моего и моимъ Невьянскимъ заводами дистанциос лесов; о расстоянии между заводовъ; (абстрактное значение) живитя поживитя между люд[ь]ми; да я между разговорами и от господ опекуновъ приметиль; а понежес между именами прикащиков; по вышеписанному учин[ен]ному между нами полюбовному розделу;*

● **по** + мест. п. (в значении «после»): *по привозе в указныя м+ста железо долговременно не принимается; по наступлении нынешнего зимнего времени в ноябре и декабря до 9 числа; всемъ по размене;*

● **про** + вин. п. (в значении «для»): *и ежели впред у меня ж на заводах про другие заводы покупка хлеба происходит[ь] будетъ, то и бол+е цена возвысится; будучи кузнецъ в Туле, рачениемъ своимъ достигъ и умножилъ про армию всероссийскую салдатцаго ружья;*

● **чрез (через)** + вин. п. (в значении «при помощи»): *да з большою нуждою чрезъ полицию Щербина захватили; чрезъ вызовъ и приохочивание людей къ тѣмъ заводамъ на житье въ Сибирь;*

● **против (противу)** + род. п. (пространственное значение): *на'обменъ противъ вышеписанныхъ*; (абстрактное значение) *пожалуй, суди меня **противу** онаго; оное **противу** совести непохвал[ь]но; где учутся съ'женщинами **противъ** преданиевъ святых дурачитца*. Этот предлог управляет родительным падежом, и, как видно из примеров, реже употребляется в пространственном значении и расширяет свое более абстрактное значение. Подобные семантические изменения характерны и для предлога *между*.

Повтор предлогов являлось специфической чертой синтаксиса уже в древнерусском языке, он служило целям логического выделения слов в предложении. Чаще всего происходило перед однородными членами и перед определением (приложением) и определяемым словом. В древнерусских памятниках предлог повторяется в тех случаях, когда необходимо выделить логически важную часть [Стеценко: 109–110]. Эта особенность синтаксиса проявлялась преимущественно в памятниках деловой письменности, отражавшей живую разговорную речь, и с XVIII в. начинает утрачиваться. Однако в текстах П.А. Демидова периодически отмечается повтор предлогов: *у'нас кудряво, да'все в'обманахъ, да'в'приказных догатках; а'болъя от'вась ожидаю описания о'червахъ и'о'корму; за'уголь за'третью часть за 5931 коробъ хотя по'полуполтине положить*.

Тип синтаксической связи – **примыкание**

Примыкание неизменяемых частей речи в письмах П.А. Демидова нормативное, аналогичное современному: *покорно прошу всемъ кланятца; мне тыки все худо веритца; оную траву очень любятъ овцы*.

В письмах П.А. Демидова на уровне словосочетания отмечается следование норме, описанной в грамматике М.В. Ломоносова, и при этом зафиксировано некоторое количество архаизмов.

2. Простое предложение

В своих текстах П.А. Демидов активно использует конструкции, осложняющие простое предложение: однородные члены, обособленные члены, обращение, вводные слова. Приведем примеры указанных синтаксических конструкций.

Обособленное обстоятельство образа действия, выраженное деепричастным оборотом: *разверстать на три жъ части, **применяясь** к работе и золоченью и **уравнивая** штука против штуки, а потомъ и в сходстве веса; где какому мастерству обучилис[ь], о томъ, **закрывая** свои происки, умолчали.*

Обособленное определение, выраженное причастным оборотом, стоящим перед определяемым словом: ***означенныя** в указе Липския и Боринския заводы; **розданныя** в долг д[е]нги собрать.* Обособленное определение, выраженное причастным оборотом, стоящим после определяемого слова: *молотовыя заводы, состоящия в Нижегородскомъ уезде **Верхней и Нижней Чюгунские** на речке Чюгунке, на крепостной купленной земле; с Сибирскихъ желъзныхъ заводовъ, **пожалованныхъ** в прошломъ 1702 году, желъзо в Адмиралтейство по обрascамъ и укладамъ ставить.*

Ряды однородных членов – дополнений (с предлогами и без них): ***блюда, торелки, мисы, лошки, солоницы и прочее** разверстать и развесить на три части равномерно; оставише послъ родителей нашихъ движемое **имъние, золото, серебро, алмазные вещи, домовые уборы и всякое имъние;** заводамъ, дворовому и прочему строениямъ зъ землями и угодыями, и зъ действующими инструмънтами, также **мл[ь]ницами, и скотнымъ дворомъ** какъ и выше, в первомъ пункте упомянуто быть при техъ частяхъ.*

Отмечаются предложения с обращением без пунктуационно-оформления:

М[и]л[о]стивый Г[о]с[у]д[а]рь Марка Ивановичъ

*Благодарствую, **г[о]с[у]д[а]рь,** за пис[ь]ма, а по лености мой не възыци, что ретко пишу.*

*Здесь, **мой батюшка,** зело в моде всякие пустоши.*

***Батюшка Иванъ Афонасьевичъ** вчера я к вашему благословению поутру приезжал.*

Как правило, само обращение оформляется отдельной строкой. Так выглядит зачин некоторых писем: распространенное обращение в первой строке, во второй – этикетная фраза:

*Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая
г[о]с[у]д[а]р[ы]ня императрица Елисаветъ Петровна, само-
держца всероссийская, г[о]с[у]д[а]р[ы]ня всемилостивѣй-
шая.*

Бьетъ челомъ...

В письмах П.А. Демидова используются конструкции с вводными словами: *и'можно сказать, еще не'видали*; такъ, *пожалуй, попроси Его Высокопревосходител[ь]ства*; или, *может быть, посланныя мои разбираетъ*; *которыя, какъ видно, будутъ принуждение к'дѣлу чинить*.

Простые предложения в текстах Демидова в основном двусоставные (номинативных предложений нет вообще, что видимо, связано с целью и стилем текстов) и распространенные:

И'хотя Екатеринбургская канцелярия ис'того гиттенъ форвартера Сусорова доношения оное к'Нижнотагил[ь]скимъ брата моего заводамъ довол[ь]ство лѣсовъ уже видѣла, однако выше означенного имѣющейся мѣжду Невьянскимъ и'Нижнотагил[ь]скимъ заводами дистанции половинного разделения не'отменила.

Канцелярия – подлежащее, *видѣла, не'отменила* – однородные сказуемые. Предложение распространено согласованными и не согласованными определениями, дополнениями, обстоятельством места.

Однако в текстах писем отмечается и некоторое количество односоставных предложений, например:

Поздравляю з'благополучнымъ приездомъ да'благодарствую за'сообщение со'осокинского дела (определенно-личное).

П.А. Демидов использует в своих текстах конструкции с уточняющими членами: *по'повелению ево, брата моего*; *повелѣно дѣду нашему, туленину Никите Демидову, велено мнѣ именованному*.

Специального рассмотрения в текстах П.А. Демидова заслуживает порядок слов. Первое, что обращает на себя внимание, это отрыв зависимого слова или группы слов согласованного

определения от определяемого: *оные проданные от'меня крестьяня; в'разные по указомъ мѣста поставки; отводные по'вышеписанному при'отце нашемъ к'доставшемуся мне заводу лѣса.*

Подлежащее и сказуемое нередко также оказываются не рядом, связываются по смыслу, часто не до конца осознаваемому современным читателем; обнаружить грамматическую основу предложения стоит определенных усилий, особенно если учесть объем высказывания. Например:

А'послѣ вышепоказанного определения чрезъ шеснатцать дней, то есть августа 11 числа того'ж [1]758 году, оная'ж канцелярия совсемъ противно первой своей резолюции по'происку поминаемого прикащика Андрѣева учинила вновь определение, оставя вышеоб[ъ]явленныя жалованныя деду моему грамоты и'полюбовной нашъ разделъ, чтоб имѣющуюся между Нижнотагил[ъ]ским брата моего и'моимъ Невьянскимъ заводами дистанцію лесов обоимъ нашимъ заводскимъ кантонамъ разделить пополамъ.

В письмах П.А. Демидова на уровне простого предложения отмечается, во-первых, следование соответствующей норме и, во-вторых, внесение черт разговорного синтаксиса в письменный текст (особенно, ассоциативный порядок слов).

3. Сложное предложение

Синтаксис сложного предложения в письмах П.А. Демидова имеет ряд особенностей. С одной стороны, он достаточно развит, автором используются различные конструкции и разнообразные средства синтаксической связи, а с другой – не всегда возможно увидеть границы предложений, и тогда большое высказывание напоминает скорее нанизывание простых синтаксических конструкций. Например:

И'такимъ наглымъ лесовъ моих к'Невьянскому заводу вконецъ опустошениемъ от'поминаемого прикащика Андрѣева какъ ни'много я изубытченъ и'прискорбно обиженъ, однако'жъ, наблюдая Вашего Императорскаго Величества правы и'всякую к'брату моему умеренность, чтоб не'произвести пущей ссоры,

не'дерзнулъ мимо каманды бит[ь] челомъ, а'просил в'Г[о]с[у]д[а]рственной Бергъ коллегии, дабы до'разсмотрения в'той коллегии вышеявленного канцелярии Главного заводоу правления представления в'подтверждение того самого представления запретить отводные по'вышеписанному при'отце нашемъ к'доставшемуся мне заводу лѣса, прикащикомъ брата моего безмернымъ множествомъ вырубая, опустошати, противу котораго прошения моего справедливая и'беспристрас[т]ная резолюция оной коллегии и'последовала, и'посланъ в'тое канцелярию указъ, чтоб до'разсмотрения онаго дѣла по'вышеписанному вновь мѣжду Невьянскимъ и'Нижнетагил[ь]скимъ заводами лѣсов назначению рубить запретить, а'между темъ оная коллегия некосня и'к'точному решению двоекратно дѣло слушала.

В письмах П.А. Демидова на уровне предложений широко представлены средства синтаксической связи простых предложений в составе сложного – союзы и союзные слова.

Выражением сочинительной связи выступают такие сочинительные союзы, как *а, и, но, однако, да (=и), да (=но); как... так, ни... ни, или* (разделительный союз и в значении отождествления), *не токмо, но и*. Например:

Говорить онъ гораздъ, а'дела нетъ.

*Вы не'сумневайтесь, онъ приходилъ к'Настасье Ивановне с'поздравлениемъ Новаго года, тол[ь]ко сумневаюс[ь], Настасья Ивановна холодно его отбаярила, **однако** Сахаровъ не'спесивъ.*

*В'Москве'ли или в'Питере Ситников определяетца, онъ очень усердлив был, **да**'чортъ знаетъ что ему зделалось.*

***Как** не'удалось, **такъ** и'перевернулся лисицею.*

Достаточно развита в авторских текстах и подчинительная связь. Она выражается с помощью таких подчинительных союзов, как *буде, если, ежели (ж), ежели... то, понеже, как, яко, будто, который/которой, каков, кой, что, чтоб, чтобы, дабы, ибо, кто, потому (что), где, кроме* и др. Например:

Буде** по'заводамъ явятся какие иски от'помещиковъ в'беглыхъ людяхъ и'крестьянахъ и'угодыхъ, те убытки, **что

вступило при'деде и'отце нашем, очищать и'нести всеъ троимъ обще поравну.

После горшки переносятся на открытый воздух, и **когда** растения уже достаточно подросли, их вынимают из горшков и сажают в грунт или, **если** растения очень нежные, в горшки побольше.

Прошу Его Высокопревосходительству, Настасье Ивановне, г[о]с[по]д[и]ну Рыбасу и'графу Миниху от'меня нижайшей поклонъ, **а'ежели** кому неприятно, **такъ** промолчи, **дабы** насъ съ тобою не'выбрали.

Бѣднѣхъ или щоголей, **кои** потеряли свой хлѣб, **разказовъ** ихъ **потакай** съ сожалѣниемъ, **дабы** не расквелить кого, а отъ нихъ не перенимай.

В эпистолярных текстах отмечается использование подчинительных союзов (например: *который*) в начале предложения. Хотя это несколько условно: границы между высказываниями говорящим и пишущим проводилась нестрога. Видимо, поэтому связь между конструкциями могла осуществляться при помощи союза *который* (*которая, которое, которые*), т.е. явление или событие, о котором шла речь в предыдущем предложении, продолжало характеризоваться и в последующем предложении, связь при этом поддерживалась именно этим союзом. Например:

А'за'тою поставкою по'оному всевысочайшему имянному указу онъ, **дѣдъ** нашъ, въ'ево пол[ъ]зу к'содержанию и'размножению заводовъ всем[и]л[о]стивѣйше пожалованъ желѣзо продавать повольною цѣною в'российскихъ городѣхъ, и'поморских, и'сибирскихъ кому похочетъ. А'**которые** заводы под'вѣдениемъ сибирскаго губернатора да'заводы'же дѣяка Борина и'Переслава-Рюмина, и'кто такие заводы'жъ впрѣдъ построятъ, и'с'тѣхъ заводовъ желѣзо и'военные припасы имать в'Адмиралтейство и'в'Артилерию по'росчету'жъ, чтобъ ему, **дѣду** нашему, в'томъ была помочь.

В начале предложения Демидовым особенно часто используются союз *а* и комбинации союзов: *а ежели, и ежели, и если, а понеже, и когда* и некоторые еще. Например:

А'потому что на'Васильевъ островъ для худаго л[ь]да опасно и'подумат[ь], не'токмо ехать к'празднику, так'то, мой другъ, по'пословице – какъ сабаки делать нечево, такъ лежа битку лижитъ. А'уповаю тебѣ сие не'во'гнев будетъ, что навралось.

И ежели течение возметъ, то совершенно чрезъ присылку комиссионеровъ: въ конторѣ порученной капиталъ по крайней мѣрѣ вдвое умножится.

Неоднозначен вопрос о выделении бессоюзного сложного предложения в текстах П.А. Демидова. Обратим внимание на то, что, во-первых, синтаксические конструкции, как правило, объемны, во-вторых, границы предложений нечетко просматриваются и, в-третьих, пунктуация еще не оформилась должным образом: знаки препинания практически отсутствуют в предложениях, поэтому отражение на письме интонации и особенностей высказывания не наблюдается. Бессоюзие как вид синтаксической связи в авторских текстах существует в зачаточном состоянии. Например: Г[о]с[по]д[и]нъ Иванъ Васильевичъ Шнидеровъ подлинно *совестной* и'доброй ч[е]л[о]в[е]къ, которой сего дня *отправился* к'вамъ, дорогою онъ *издержалъ* скупю; я *всю ево историю прилагаю* при'семъ. В этом примере два последних простых предложения в составе сложного присоединены без помощи каких-либо союзов. Но в письмах П.А. Демидова бессоюзные предложения встречаются реже, чем союзные.

Прямая речь в письмах, как правило, пунктуационно не выделяется. Роль передачи прямой речи выполняет частица *де*:

*На что мне он, господин капитан, сказал, я **де** оной указ знаю, и что **де** ты мне сделаешь, что я так учинил? Я **де** о том в Кабинет Вашего Императорского Величества писал.*

Среди писем П.А. Демидова можно выделить два типа: первый – официальные прошения, челобитные, репорты в вышестоящие инстанции. Такие документы оформляли особо выученные писцы, которые знали, как это сделать, поскольку, по-

видимому, имели при себе определенные памятки, формы, дающие возможность написать документ в соответствии с ними. Синтаксис здесь сложнее, имеются повторяющиеся обороты, больше морфологических архаизмов. Например:

В'Г[о]с[у]д[а]р[ь]ственную Бергъ коллегію

*На'полученной от'оной сего февраля 11 числа запросъ, в'котором прописано, не'им[е]ю'ль я каких **по'заводам тягостей**, и'буде имею, то показат[ь] об'том имянно, и'какое к'тому **вспомощество** потребно, и'на'оное от'дворянина Прокофья Демидова покорнейше известие.*

*В'прошлом [1]745-м году **по'имянному** высочайшему блаженныя и'вечной славы достойныя памяти г[о]с[у]д[а]р[ь]ни императрицы Елисаветъ Петровны **указу**, данному генерал-маэору и'Г[о]с[у]д[а]р[ь]ственной Бергъ коллегіи президенту Томилову повелено ехать в'Сибирь и'для охранения описат[ь] покойного отца моего Акинфия Никитича Демидова все оставшие после ево имения заводы, вотчины и'прочее при'нас, детях ево, при'которой описи из'Сибир[и] от[ъ]ехал, и'после того даже и'пон[ь]не в'тамошних заводах быт[ь] мне не'случилос[ь], и'за'темъ, **какие оные заводы имеютъ тягости** и'какое к'тому **вспомощество** потребно, н[ь]не я показат[ь] не'могу.*

Февраля 13 дня 1763 году

Часто в таких документах повторяется конструкция *по'имянному указу*, указывающая на источник информации.

Вторую группу документов представляют письма П.А. Демидова к родственникам и близким людям. В этих документах конструкции более простые, свойственные скорее разговорной речи, меньше архаики. Например:

Г[о]с[у]д[а]р[ь] мой Марка Ивановичъ.

*От 23 октября ваше пис[ь]мо получено, а'во'оном, что машенникъ **Миколка** от 23 же к'вамъ писалъ. **Вотъ какой онъ плутъ**, всио сказываетъ какъ вы шелите и ленитесь, а'тол[ь]ко пустеками бумагу марааете.*

*Микулишина приказала с'вашею радос[т]ью васъ поздравить, что **Алексаику** с'петькай **Федюшка** [об ордене].*

Да'еще приказала вась с'племянником поздравить и'таперя у'вась одни харчи марчи, тол[ь]ко жаль обарь мастера, твоего дарагова кума: нечемь ему похвастать, какъ то онъ простыль от'вашей компании.

Что на'двухъ прошедших почтахъ писано, пожалуйста, скажите мне. Желаю благополучия и'остаюсь съ'почтениемъ готовымъ слугою

Прокофей Демидовъ

В текстах П.А. Демидова иногда отсутствует членение текста на абзацы. Писцами членение текста, как правило, производится по смыслу: абзацный отступ отсутствует в тех случаях, когда речь идет об одном событии или ряде событий, тесно взаимосвязанных между собой. Часто присутствует деление письма на пункты, каждый из которых представляет собой самостоятельный абзац, особенно это касается официальных донесений и рапортов.

При исследовании писем П.А. Демидова можно обозначить следующие синтаксические особенности текстов:

1) наличие синтаксических архаизмов (в предложных и беспредложных конструкциях на уровне словосочетания; повторение предлогов и союз *а* в начале предложения);

2) использование союзной и бессоюзной связи, в рамках союзной – сочинительной и подчинительной;

3) построение предложений и конструкций различных типов на основе синтаксических связей и схем предложений в зависимости от авторской необходимости;

4) ввод чужой речи с помощью частицы *де*;

5) большой объем высказывания-предложения;

6) односоставные (глагольные) предложения как примета разговорной речи;

7) ассоциативная связь между членами предложения (отрыв подлежащего от сказуемого, согласованного определения от определяемого слова).

В ходе проведенного анализа синтаксических конструкций отмечены некоторые тенденции синтаксической нормы второй половины XVIII века, выявленные при анализе эпистолярных текстов.

Так, на уровне словосочетания отмечаются три вида синтаксической связи – согласование, управление, примыкание. В текстах очевидна роль предлогов, как более архаичных (*для, между, чрез, против*), так и более современных.

В эпистолярных текстах П.А. Демидова простое предложение может быть односоставным (безличным или инфинитивным) и двусоставным, причем подлежащее и сказуемое обычно располагаются не рядом. Простое предложение может быть осложнено рядами однородных членов (как с обобщающим словом, так и без него), обособленными членами (определениями, приложениями, обстоятельствами), обращениями, вводными словами.

В письмах и распоряжениях П.А. Демидова выявлены сложные предложения, как сложносочиненные, так и сложноподчиненные. Данные типы синтаксической связи имеют нормативные средства выражения – союзы и союзные слова. Сложные союзные предложения в текстах строятся по разнообразным структурным схемам.

Сложные бессоюзные предложения могут быть квалифицированы с большой долей условности, поскольку в конструкциях возникает скорее окказиональный пропуск союза.

Однако определенные типы документов требуют пишущего субъекта использования однотипных конструкций, определенных для этих типов деловых писем.

Синтаксическая норма XVIII века в эпистолярных текстах характеризуется в целом соответствием той норме, которая представлена в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. Кроме того, в синтаксисе писем отмечены архаические черты, связанные с предшествующей письменной традицией деловой коммуникации, и признаки разговорного синтаксиса, берущие начало от живой речи. Естественно, ни те, ни другие особенности не отражены в синтаксической норме XVIII века. Анализ эпистолярных текстов выявил такую тенденцию синтаксической

нормы, как последующую дифференциацию в зависимости от стиля – официально-делового и разговорного.

Литература

Живов В.М. Язык и культура России XVIII века. – М., 1996.

Ломоносов М.В. Российская грамматика [1755] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7: Труды по филологии. – М.; Л., 1952.

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. – М., 1977.

©Андреева А.А., 2011

©Иванова Е.Н., 2011

**К.Г. Баданина
Нижний Тагил**

Особенности восприятия общественно-политической лексики иноязычного происхождения

Ключевые слова: язык СМИ, стилистические нормы, терминологичность лексики, оценочность, психолингвистический эксперимент.

Ежедневно каждый носитель русского языка сталкивается с общественно-политической лексикой иноязычного происхождения, активно используемой в выпусках новостей, на страницах различных газет и т. п. В силу своей терминологичности, иноязычного происхождения, многозначности, некоторой размытости и обобщенности семантики данная лексика достаточно

трудна для восприятия: «политическая лексика терминологична», а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются (в политическом языке) не всегда так же, как в обычном [Демьянков].

Процессы восприятия и понимания названных лексических единиц осложняются также их способностью выражать различные оценки, причем зачастую выражаемая оценка лишь косвенно связана с лексическим значением самого слова: «для сферы политики характерно выхолащивание из слова основного значения и усиления связанных с ним коннотаций» [Маслова], положительных либо отрицательных.

Таким образом, исследуя заимствованную общественно-политическую лексику, мы наблюдаем некое противоречие: с одной стороны, она терминологична, а слова-термины, как известно, характеризуются однозначностью и отсутствием эмоционально-экспрессивных коннотаций, а с другой, – зачастую многозначна и оценочна. Объяснить данное несоответствие можно тем, что «политический язык» совмещает в себе черты научного и публицистического стилей, иными словами, совмещаются информативная функция, стремление к точности, конкретности, лаконизму, объективности изложения и функция воздействия; политическая заостренность, желание дать оценку называемой реалии.

Чтобы исследовать некоторые особенности восприятия носителями русского языка общественно-политической лексики и подтвердить вышеизложенные тезисы, мы провели небольшой эксперимент. Его участникам предлагалось дать определение данному слову, обозначающему данное общественно-политическое понятие, а также указать оценку, которую это слово выражает: положительную, отрицательную или нейтральную. Для эксперимента были выбраны заимствованные слова, достаточно часто встречающиеся в политической журналистике: *оппозиция, демократия, санкция, коррупция, бюрократия, Талибан, исламизм, фальсификация, модернизация, миссия, экстремизм*. Данные слова отличает общественно-политический характер, книжность и терминологичность, а также способность в определенном контексте или без него выражать ту или иную оценку называемого понятия.

Исследуя толкования перечисленных единиц, мы пришли к выводу, что эти толкования зачастую совпадают со словарными дефинициями данных слов, но даются обобщенно, неуверенно. Часто испытуемые выбирали лишь одно слово, определяющее понятие обобщенно, неточно и односторонне. Например, лексема *оппозиция* толковалась как противоречие; противопоставление; противоположное мнение; *демократия* – как свобода слова, печати; свобода, равенство, братство; народная власть; *санкция* – как норма взыскания; мера чего-либо; исполнение; документ; постановление; наказание разрешение, *фальсификация* – подделка; подделка бумаг; обман; подмена. Встречались вполне точные, исчерпывающие определения названных слов, но чаще всего испытуемые видели либо денотат слова (обозначение класса однородных предметов), либо его сигнификат (характеристика свойств, признаков этих предметов). Например, в слове *Талибан* некоторые опрошиваемые выделили денотативное значение (группа, группировка, движение), а в лексеме *демократия* – сигнификативное, то есть они не назвали явление, а лишь, зачастую неполно, его охарактеризовали (свобода, народная власть).

Процесс определения подобных общественно-политических лексем осложняется их многозначностью. Самым ярким примером из предложенного списка является слово *санкция*. Данная лексема, на первый взгляд, хорошо знакомо каждому: ее часто используют политики и журналисты. Но, как показал эксперимент, лексическое значение этого термина нам почти неизвестно, особенно тяжело мы воспринимаем его двузначность. Напомним, лексема *санкция* исторически восходит к лат. *sanctio* – «нерушимое, строжайшее постановление». Дело в том, что санкции как «меры воздействия на личности, организации или государства» делятся на «негативные» (запрещающие) и «позитивные» (разрешающие) [Адамчик 2007: 716]. Интересно, что участники опроса толковали понятие как «негативная санкция», причем зачастую либо слишком обобщенно, либо слишком конкретно, односторонне: норма взыскания; строжайшее постановление; наказание; карательные или предупредительные меры; меры, принимаемые рядом стран как ограничительные в отношении другого государства.

Итак, используя данные примеры, мы показали, что общественно-политическая лексика иноязычного происхождения сложна для восприятия и толкования. Зачастую мы улавливаем лишь часть лексического значения такого слова, а если оно многозначно, то видим одно его значение. Это связано с обобщенной, абстрактной семантикой подобных слов.

Как было сказано выше, общественно-политическая лексика, даже первоначально нейтральная, часто выражает различные оценки, проявляющиеся в контексте, а иногда и без него. Данное добавочное оценочное значение иногда становится настолько типичным для определенного слова, что носитель русского языка в первую очередь воспринимает, осознает именно его, а уже потом осмысляет основную семантическую наполненность лексической единицы, ее непосредственную связь с реальностью. Часто в сознании носителя языка второй этап не наступает, так как значение оценки, которую выражает слово, остается скрытым от него.

Подтверждение данному феномену мы также нашли в настоящем эксперименте. Так, некоторые участники не смогли дать определения словам *бюрократия*, *Талибан*, *экстремизм*, но, несмотря на это, отметили, что они выражают отрицательную оценку, называют что-то негативное.

По мнению участников эксперимента, наиболее яркой оценкой наделены следующие общественно-политические термины: *демократия*, *коррупция*, *бюрократия*, *Талибан*, *фальсификация*, *модернизация*, *экстремизм*. Приведем примеры.

Термин *демократия* стойко воспринимается как нечто положительное, позитивное. С этим, скорее всего, связаны те характерные черты демократии как политического режима, которые испытуемые выделили: свобода (слова, печати, выбора), власть народа (в выборе правительства). Напротив, слово *коррупция* все участники опроса обозначили как резко отрицательное. Напомним, отрицательная оценка содержится не только в современной семантике данного общественно-политического понятия, но и, по данным Большого латинско-русского словаря, в значении латинского *conruptio* – «сворачивание, подкуп; порча, упадок» и т.д., с которым данная лексема исторически связана, так как отрицательная оценка содержится в семантическом ядре слова

коррупция и носители русского языка осознают этот негативный компонент, определяя коррупцию как взяточничество; пренебрежение законами; использование социального положения в личных целях.

Подобный эффект вызывает и термин *фальсификация*, используемый в политических текстах, в основном, для обозначения ложных, искаженных результатов политических выборов. Отрицательная оценка также заключена в смысловом ядре, денотате слова, сравните лат. *falsificatus* «поддельный, подложный» [Адамчик 2007: 832]. Действительно, с помощью данной лексической единицы называют негативное явление общественно-политической жизни, и носитель языка, безусловно, воспринимает, осознает эту оценку, даже неточно переставляя себе лексическое значение слова. Так, в ходе нашего эксперимента были даны следующие толкования: обман; замена чем-то фальшивым; подделка; заведомо ложная дача показаний.

Иначе нужно подходить к слову *бюрократия*. Словари выделяют первичные значения данной леммы: 1) «власть высших руководителей и их чиновников»; 2) «необходимый элемент управления – слой служащих крупных организаций, в т.ч. служащие государственного аппарата» [Адамчик 2007: 157]. Приведенные толкования характеризуют лемму *бюрократия* как нейтральную, не выражающую оценку. Но, как и многие общественно-политические иноязычные термины, она в процессе функционирования приобрела новые лексико-семантические варианты, выражающие резкую отрицательную оценку называемой реалии. Так, только один участник эксперимента определил слово как нейтральное, остальные увидели в нем нечто негативное, отрицательное: бумажная волокита; чиновничий произвол; неисполнение чиновниками своих обязанностей.

Самыми сложными для восприятия оказались понятия *Талибан*, *экстремизм*, *исламизм*. Примечательно, что данные лексические единицы в настоящее время активно используются в российских и западных СМИ, причем в определенном контексте они все чаще выражают отрицательную оценку и все реже нейтральную. Данный эксперимент показал, что его участники чувствуют и осознают это «передвижение» по смысловой оси координат к отрицательному полюсу, но рассказать о значении

и происхождении названных понятий не могут. Так, одиннадцать опрошенных отметили, что слово *Талибан* выражает отрицательную оценку, но лишь двое связали это понятие с исторической территорией: политическое движение в Афганистане. Несколько человек отождествляют движение талибов с кавказскими народами или чеченской республикой, хотя связаны они лишь косвенно. Некоторые увидели взаимосвязь между Талибаном и исламом как религией (политическая система, пропагандирующая исламские ценности; что-то связанное с исламом; вера), но и здесь отрицательную оценку мы считаем необоснованной. Лишь один человек связал понятие Талибан с терроризмом.

Более логичной и обоснованной оказалась отрицательная оценка, которую выделили участники эксперимента в лексическом значении слова *экстремизм*. Большая часть увидела главный компонент семантики слова: крайние меры, взгляды, связала слово с другими лексемами, называющими что-то негативное: насилие, террор, милитаризм.

Самым трудным для участников опроса оказалось понятие *исламизм*. Дело в том, что, несмотря на свою распространенность в современной политической журналистике, данное понятие является довольно молодым. К тому же, в современных словарях нет точного и однозначного определения названному слову. В некоторых из них оно приравнивается понятию *ислам*: «религиозная система ислама» [Ушаков]. Но все чаще в политических текстах данная нейтральная лексическая единица наполняется новыми значениями и оценками, в основном, отрицательными. Например, Михаилу Леонтьеву принадлежит следующая фраза, относящаяся к результатам революции в Египте: «Радикальные исламисты [у власти] – это война. Не потому что они злые, а потому, что они ничего другого миру дать не могут» («Однако», 10.02.2011). На наш взгляд, смысл, который современные политики и журналисты вкладывают в понятие *исламизм*, наиболее полно отражает следующее, также неоднозначное, определение: «это крайне воинственная и мобилизующая идеология, развитая на основе избранных священных писаний, текстов, легенд ислама, исторических прецедентов, организационного опыта и современных обид и печалей» [Садик Аль-Азм]. Примечательно, что участники опроса при толковании слова

разделились на примерно равные части. Одни увидели в нем непосредственную связь с исламом как религией (религиозное учение, проповедующее ислам; течение ислама; ислам) и нейтральную оценку, которую это слово может выражать. Другие обратили внимание именно на негативные компоненты в лексическом значении единицы, определив ее как организацию, оправдывающую свои противозаконные действия религией, фанатичную приверженность идеям ислама, связь с терактами.

Таким образом, во-первых, мы подтвердили, что общественно-политическая лексика иноязычного происхождения в силу своей терминологичности, многозначности, абстрактности тяжела для восприятия и понимания. С подобными словами мы сталкиваемся ежедневно, они называют важнейшие общественно-политические процессы, явления в нашей стране и за рубежом, но зачастую лексическое значение данных слов мы осознаем искаженно, неверно, слишком обобщенно или неполно и односторонне. Во-вторых, мы установили, что, несмотря на терминологичность, общественно-политическая лексика способна выражать в определенном контексте и без него различные оценки. Данные оценки закрепляются за конкретными словами, и мы, как носители языка, начинаем воспринимать их оторвано от лексического значения и истории того или иного слова. Другими словами, политический текст носители языка воспринимают на уровне «плохо – хорошо», зачастую понимая и осознавая его полностью или частично искаженно либо не понимая вообще. Это подводит к выводу о значимости словарной работы с подобными лексемами в школе и в вузе, необходимости их толкования в самих политических текстах, роли воспитания и обучения политически грамотного члена общественной жизни страны.

Литература

Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.html>.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/PolDis.html>.

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm>.

Новейший словарь иностранных слов и выражений / Под ред. В.В. Адамчика. – Минск, 2007.

Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>.

Садик Аль-Азм. Что такое исламизм? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/a/amusxja_m/060222_amper_islam.shtml.

©Баданина К.Г., 2011

Е.С. Беликова
Екатеринбург

Использование PR-средств в деятельности муниципальных органов власти: коммуникативный аспект

Ключевые слова: текст, интернет-сайт, PR-коммуникация, «формула Лассуэлла», канал коммуникации.

В настоящее время в деятельности государственных структур законодательной и исполнительной власти разного уровня особое значение приобретает PR-коммуникация.

Это происходит на всех уровнях управления, начиная от муниципального и регионального и заканчивая федеральным и международным.

В нашем случае анализ использования PR-средств проводился на базе муниципального органа власти – администрации Ленинского района города Екатеринбурга.

PR-коммуникация включает совокупность специфических особенностей своего применения в зависимости от сферы и целей деятельности. Эта специфика может выражаться в выборе каналов связей, методов и приемов работы с аудиторией, и, конечно, используемых PR-средств субъектом коммуникации. Зачастую именно использование PR-средств определяет возможность достижения коммуникативной цели.

Согласно трактовке С.М. Емельянова, PR-средства представляют собой «совокупность информационных технологий, используе-

мых субъектом PR для достижения поставленных целей» [Емельянов 2007: 41].

Классифицировать PR-средства можно по различным критериям. Рассмотрим две классификации, предложенные С.М. Емельяновым.

По направленности информации можно выделить две группы средств.

1. Средства исследования общественного мнения («горячие линии», мониторинг радио- и телепередач, личные контакты, консультации и другие каналы информации). Данные средства предназначены для получения необходимой информации об объекте PR.

2. Средства воздействия на общественность или объект PR (пресса, выставки, конференции, рассылки по почте, факсу и др.). Главное назначение этих средств заключается в том, чтобы создать оптимальную коммуникативную среду для базисного субъекта, позитивное общественное мнение о его социальной деятельности, а также обеспечить реализацию других задач в его интересах [Емельянов, 2007: 41].

По характеру источника информации и способу взаимодействия субъекта и объекта PR-средства можно разделить на:

- 1) средства массовой информации (печать, радио, телевидение);
- 2) речевые коммуникации (устные выступления, переговоры, беседы и т.п., а также тексты письменных сообщений или PR-тексты);
- 3) интернет;
- 4) специальные события (пресс-конференции, брифинги, презентации, деловые встречи выставки и др.) [Емельянов, 2007: 42].

Основываясь на том, что PR-средства являются одним из элементов PR-коммуникации, на наш взгляд, приведенная классификация не позволяет в полной мере раскрыть эту взаимосвязь. Поэтому мы предлагаем упорядочить PR-средства следующим образом:

1. PR-средства, используемые в письменной PR-коммуникации;
2. PR-средства, используемые в устной PR-коммуникации.

Рассматривая специфику использования различных видов PR-средств в работе администрации Ленинского района г. Екатеринбурга, необходимо выявить основные направления деятельности отдела по работе с общественными организациями и СМИ администрации Ленинского района г. Екатеринбурга как основного

«генератора» коммуникации данного учреждения с целевыми группами общественности.

Согласно положению о деятельности отдела по работе с общественными организациями и СМИ, а также должностной инструкции, основная цель (миссия) отдела заключается в работе с общественными организациями и СМИ.

Следовательно, в задачи отдела входит:

1. Взаимодействие администрации района и ее структурных подразделений со СМИ; обеспечение печатных и электронных СМИ достоверными материалами о важнейших социально-экономических и общественно-политических событиях района, размещение информации на официальном Интернет-сайте администрации Ленинского района;

2. Организация работы с общественными организациями, политическими партиями и движениями, религиозными конфессиями;

3. Участие в культурно-массовых мероприятиях, проводимых администрацией района и ее структурными подразделениями;

4. Участие в подготовке выборных кампаний на территории района в пределах полномочий и в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, направления деятельности подразделения можно обозначить следующим образом:

- коммуникационное (осуществление взаимодействия администрации района и ее структурных подразделений с жителями района, со СМИ, типографиями, общественными организациями, политическими партиями и движениями, религиозными конфессиями, администрацией г. Екатеринбурга);

- информационное (обеспечение печатных и электронных СМИ достоверными материалами о важнейших социально-экономических и общественно-политических событиях района, размещение информации на официальном Интернет-сайте администрации Ленинского района; предоставление жителям района достоверной информации о важнейших социально-политических и экономических событиях района, мерах, принимаемых администрацией района, для решения вопросов по социально-экономическому развитию района);

- социокультурное (участие в культурно-массовых мероприятиях, проводимых администрацией района и ее структурными подразделениями);

- организационное (организация работы с общественными организациями, политическими партиями и движениями, религиозными конфессиями; участие в подготовке выборных кампаний на территории района в пределах полномочий и в соответствии с действующим законодательством);

- аналитическое (отслеживание материалов, вышедших в СМИ о событиях различных сфер жизнедеятельности, в том числе получившим огласку по инициативе администрации Ленинского района, ее структурных подразделений).

Учитывая разнообразие задач и направлений работы администрации Ленинского района, отметим, что для наиболее полного раскрытия коммуникативного аспекта, следует провести информационный анализ используемых PR-средств. Принимая во внимание, что основной упор в учреждении делается на *письменную* PR-коммуникацию, рассмотрим PR-средства, применяемые в данном типе PR-коммуникации.

Так, информационный аспект, на наш взгляд, предполагает характеристику информации с точки зрения ее смысла и содержания, а также описание способов и коммуникативных тактик, приемов достижения цели.

В отечественной и зарубежной теории коммуникации, по нашему мнению, не разработан в достаточной степени целостный подход к анализу и оценке PR-деятельности, поэтому предлагаем рассмотреть PR-средства с точки зрения реализации коммуникативной модели.

На сегодняшний день в науке представлено несколько моделей коммуникации. Каждая из них является «схематизированным, упрощенным отражением реального коммуникационного процесса» [Василик 2003: 68]. На наш взгляд, для проведения анализа реализации коммуникативной модели в текстах, подготовленных в администрацией Ленинского района г. Екатеринбурга, может быть использована модель Лассуэлла. Выбор данной модели исследования объясняется «ее удачной формулировкой, рамки которой позволяют включить не только теоретические рассуждения, но большой массив эмпирических данных» [Василик 2003: 69]. Кроме то-

го, данная «формула» достаточно универсальна, так как для описания коммуникативного процесса предполагает ответ на последовательно возникающие вопросы: *«кто сообщает? – что сообщает? – по какому каналу? – кому сообщает? – с каким эффектом?»*.

Непосредственно коммуникатором («кто сообщает?») в рассматриваемых нами текстах является отдел по работе с общественными организациями и СМИ администрации Ленинского района г. Екатеринбурга. Все материалы создаются по его инициативе, но следует учитывать, что в структуру администрации Ленинского района входит еще двадцать подразделений, которые также могут являться инициаторами сообщений. Так, например, в архиве отдела присутствуют материалы, созданные представителями отделов и секторов: отделом инспекционного контроля, коммунальной энергетики и развития жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), по организации бытового обслуживания населения, социальной и молодежной политики, координации работы учреждений здравоохранения, культуры.

Информационным поводом для создания материалов становятся события, происходящие на территории Ленинского района г. Екатеринбурга. Они могут как относиться к отдельным направлениям деятельности, таким, как образование, ЖКХ, здравоохранение, так и быть интегрирующими различные сферы жизнедеятельности.

Отдел по работе с общественными организациями и СМИ выполняет коммуникативные функции, поддерживая связи администрации Ленинского района с учреждениями, находящимися на его территории. Так, зачастую, сторонние организации с помощью рассылки по электронной почте, большая часть которой – пресс-релизы, информируют отдел о событиях, предстоящих в районе. Сюда же относится информация, предоставляемая администрацией г. Екатеринбурга и другими органами государственной власти. Эти материалы (без внесения каких-либо изменений) публикуются отделом на официальном сайте с соответствующей ссылкой на учреждение, ставшее инициатором сообщения. Примером могут служить материалы, предоставленные пресс-службой Уральского государственного горного университета, Компанией ООО «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия», общественной организацией «Шаг» и благотворительным фондом «Зоозащита», Управлением Пенсионного

фонда РФ в Ленинском районе г. Екатеринбурга, отделом военного комиссариата Свердловской области по Октябрьскому и Ленинскому районам г. Екатеринбурга.

Нередко отдел по работе с общественными организациями и СМИ администрации Ленинского района г. Екатеринбурга становится коммуникатором сообщения, публикуя информацию, взятую с Интернет-сайтов, что объясняется информационным направлением деятельности отдела.

Переходя к следующему вопросу «формулы Лассуэлла», а именно, «что сообщает» (не касаясь жанровой принадлежности текстов), мы можем выделить несколько типов текстовой материалов, классифицированных по принадлежности к инициатору сообщения:

- материалы, предоставленные структурными подразделениями администрации Ленинского района г. Екатеринбурга;
- материалы, предоставленные сторонними организациями;
- материалы, взятые с Интернет-сайтов;
- материалы, созданные отделом по работе с общественными организациями и СМИ.

Как уже отмечалось выше, чаще всего это материалы, связанные с событиями различных сфер жизнедеятельности района.

Рассматриваемый нами канал коммуникации – официальный Интернет-сайт администрации Ленинского района г. Екатеринбурга («по какому каналу?»), на котором публикуются все типы рассмотренных нами текстовых материалов. Этот канал является ключевым, так как вся деятельность организации освещается именно с его помощью. Ежедневное обновление информационных материалов и их удобное структурирование (по рубрикам «Новости», «Мероприятия») позволяют быстро сориентироваться в Интернет-пространстве и найти необходимую информацию. В связи с этим целесообразно рассмотреть следующее звено модели Лассуэлла – адресат сообщения («кому сообщает»).

Под адресатом сообщения (типичным представителем целевой аудитории сообщения) можно понимать жителя Ленинского района, обладающего компьютерной грамотностью и владеющего минимальными навыками работы в сети Интернет. Эти характеристики достаточно общие, так как на этом этапе проведения информационного анализа, нами рассматриваются в целом информаци-

онные материалы, опубликованные на официальном сайте администрации Ленинского района.

Оценку эффективности коммуникации администрации Ленинского района г. Екатеринбурга с целевой аудиторией («с каким эффектом?») в настоящее время провести невозможно, в связи с тем, что данный аспект не входит в приоритеты деятельности учреждения. В отделе по работе с общественными организациями и СМИ администрации Ленинского района этому вопросу не уделяется достаточно внимания. Отсутствуют механизмы реализации обратной связи, к тому же, у организации нет установки на организацию двустороннего общения. Таким образом, мы можем отметить, что администрация Ленинского района, выбирая одностороннее взаимодействие, придерживается модели информирования общественности, «направленной на предоставление оперативной и точной информации» [Старикова 2006: 15].

С нашей точки зрения, перспективным в реализации PR-коммуникации муниципальных органов исполнительной власти может стать аспект налаживания механизмов «обратной связи». Организации такой двунаправленной коммуникации должно способствовать как развитие институтов гражданского общества на местном уровне (общественных движений и ассоциаций и, как следствие, формирование общественного мнения и гражданской позиции населения), так и поиск действенных каналов «приема» информации от жителей Ленинского района г. Екатеринбурга и учет их оценки текущей ситуации при реализации социально значимых проектов.

Литература

Емельянов С.М. Теория и практика связей с общественностью. Вводный курс. – СПб., 2007.

Василик М.А. Основы теории коммуникации. – М., 2003.

Старикова Ю.А. Паблик рилейшнз (PR). Конспект лекций. – М., 2006.

©Беликова Е.С., 2011

А.А. Ваисова, Е.Н. Иванова
Екатеринбург

**Редакторская правка XIX века в области графики
и орфографии**

Ключевые слова: кодификация орфографии, фонетическое написание, гиперкоррекция, журнал «Русский архив».

Практика редактирования XIX века в некотором смысле уникальна: нередко издателями и редакторами, которые осуществляли соответствующую деятельность на профессиональной основе, становились писатели и журналисты. Родоначальником этой традиции стал А.С. Пушкин, и впоследствии в течение всего XIX столетия многие литераторы принимались за издательское дело. Например, Н.И. Греч, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский.

В данной статье предпринята попытка выявить закономерности графических и орфографических исправлений при подготовке к изданию и публикации личных писем XVIII века, сознательно вносимых редактором XIX века.

Объектом нашего исследования являются два текстовых массива: первый представлен оригинальными рукописными письмами П.А. Демидова, созданными им во второй половине XVIII века, второй – этими же документами, изданными в XIX веке. В ходе исследования проанализированы 45 писем, опубликованные в журнале «Русский архив» в XIX веке. Самое раннее из них датировано 1763 годом, последнее – 1785 годом. Количество писем за каждый год неодинаково. Жанровое своеобразие текстов характеризуется принадлежностью большинства писем (43) к частной переписке. Среди текстов отмечается трактат «О пчелах» (с элементами публицистики) и «Сказка»¹ (запись устной речи).

Материалом исследования являются графико-орфографические маркёры несовпадений в текстах оригинала и публикации, которых выявлено более 3500.

Отличительной чертой языковой ситуации второй половины XIX в. является кодификация орфографии, которая, в свою очередь, связана с целенаправленной нормализаторской деятельностью Я.К. Грота. Он закрепил в качестве нормативных следую-

¹ Этот жанр обозначен редактором П.И. Бартевым при публикации XIX в.

щие написания: написание *h* («ять») в корнях и в окончаниях, *ъ* на конце слов, *i* перед гласными буквами, в окончаниях *-аго/-яго*, в окончаниях прилагательных мужского рода в именительном и винительном падежах *-ый/-ий*, в окончании прилагательных множественного числа *-ья* и др. [Мещерский 1994].

Письма Прокофия Акинфиевича Демидова (1710—1786) привлекли внимание издателя журнала «Русский архив» Петра Ивановича Бартенева (1829—1902), возможно, одиозностью фигуры автора (напомним, что П.А. Демидов еще при жизни прослыл чудаком и его биография полна домыслов и анекдотов). Особенностью данного издания является своеобразная, используя современный термин, концепция издания: он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю русского дворянства в XVIII и XIX вв. Иными словами, издатель журнала специализировался на публикации документов этого типа.

Одно время «Русский архив» получал правительственную субсидию и был освобожден от предварительной цензуры (выделено нами. — *А.В., Е.И.*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что правка текстов делалась исключительно редакторами журнала и не имела отношения к политической сфере. Исключительный знаток фамильных и бытовых отношений среди высшего и культурных верхов среднего дворянства, Бартенев, помимо собственных публикаций и исследований, снабжал чужие публикации своими важными по заключающемуся в них фактическому материалу примечаниями [Шикман 1997]. Завершая краткую историко-культурную справку об авторе, редакторе и журнале, отметим, что к публикациям документов в «Русском архиве» делались ценные библиографические, мемуарные и литературные приложения.

Принимая во внимание различное состояние орфографической нормы, мы выявили «нормативные блоки» в области графики и орфографии, по которым распределились маркёры несовпадений в текстах XVIII века и текстах XIX века.

В оригинальных текстах П.А. Демидова отмечается преобладание **слитного написания** служебных частей речи внутри фонетических слов при одновременном раздельном написании (**а суши много**): *отпчель, исыскивать, втаковые времена, авзиму* и т.д.

Редакторская правка касается этого вида написаний:

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>непослушают</i>	<i>не послушают</i>
<i>повекселю</i>	<i>по векселю</i>
<i>аневпублике</i>	<i>а не вь публике</i>
<i>оттого</i>	<i>от того</i>
<i>ябы</i>	<i>я бы</i>
<i>анетак</i>	<i>а не так</i>
<i>абыло</i>	<i>а было</i>
<i>таперета</i>	<i>тапере-то</i>
<i>атолько</i>	<i>а только</i>
<i>аежели</i>	<i>а ежели</i>

Написание, имеющее свои архаические корни, подвергается редакторской правке в связи с тем, что этого требовала норма XIX века.

Фонетические написания слов, преобладавшие над всеми прочими в текстах XVIII в., противоречили закреплённому морфологическому принципу русской орфографии и, соответственно, подвергались редакторской правке.

- 1) в области гласных:
 - а) аканье: *мадели, карабли, матарыгу, кали, салдать*, и т. д.;
 - б) иканье: *тонинькимъ, низинькихъ, молодинкой* и т. д.
- 2) в области согласных:
 - а) озвончение: *прозбы, зделать, згребать, збрасывать* и т. д.;
 - б) оглушение: *искупцовъ, блиско, Безборотке* и т.д.;
 - в) аккомодация: *случитца, осмотритца, охотитца* и т. д.
 - г) упрощение групп согласных: *солдацкаго*.

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>мадели</i>	<i>модели</i>
<i>карабли</i>	<i>корабли</i>
<i>матарыгу</i>	<i>мотарыгу</i>
<i>кали</i>	<i>коли</i>
<i>салдать</i>	<i>солдать</i>

<i>ладна</i>	<i>ладно</i>
<i>тонинькимъ</i>	<i>тоненькимъ</i>
<i>низинькихъ</i>	<i>низенькихъ</i>
<i>молодинкой</i>	<i>молоденькой</i>
<i>прозбы</i>	<i>просьбы</i>
<i>зделать</i>	<i>сдѣлать</i>
<i>згребать</i>	<i>сгребать</i>
<i>збрасывать</i>	<i>сбрасывать</i>
<i>искупцовъ</i>	<i>изъ купцовъ</i>
<i>блиско</i>	<i>близко</i>
<i>Безборотке</i>	<i>Безбородкѣ</i>
<i>случитца</i>	<i>случитъся</i>
<i>осмотритца</i>	<i>осмотрѣться</i>
<i>солдацкаго</i>	<i>солдатскаго</i>

Написание буквы *i* («и десятеричное») в текстах П.А. Демидова также можно квалифицировать как фонетическое, поскольку звуковые значения данных букв совпали еще в старославянском языке. Использование этих графем выглядит непоследовательным: для писцов XVIII века в написании слов буква *и* и буква *i* являются графическими вариантами, только в обозначении чисел данные буквы употреблялись в соответствии с их истинными числовыми значениями [Иванова 2008: 84]. Например, *Юлѣи Июль*. Чаще всего писец использовал только букву *и*: *гераниум, Академии художествъ, Вкрикъ камисариате, божие*.

Правка редактора сводилась к последовательной замене букв *и* на *i* в соответствующих позициях: *гераниумъ, Академиі художествъ, Въ Кригсъ-комисариатѣ, Божіе*.

Написание *h* (ять) в письмах П. А. Демидова. В текстах XVIII века отмечаются следующие написания:

- 1) этимологически верное написание: *послѣ, обрѣзовать, бѣлыя, подрѣзовать, болѣя* и т.д.;
- 2) фонетическое написание (*e* вместо *h*): *делаемъ, примечай, сметы, безделица, сосед, резво* и т. д.;

3) гиперкорректное написание (*h* вместо *e*): *мhду*, *будh*, *мhжду*, *увеселhния*, *понежh* и т.д.

В этом случае редакторская правка касается второго и третьего видов написания. Обозначим эти случаи:

Письма П.А.Демидова	«Русский архив»
<i>чемъ</i>	<i>чhмъ</i>
<i>народе</i>	<i>народh</i>
<i>делить</i>	<i>дhлить</i>
<i>увидеть</i>	<i>увидhть</i>
<i>решетки</i>	<i>рhиетки</i>
<i>семячекъ</i>	<i>сhмячек</i>
<i>детямъ</i>	<i>дhтям</i>
<i>посейте</i>	<i>посчhйте</i>
<i>летним</i>	<i>лhтним</i>
<i>всехъ</i>	<i>всчhъ</i>

Письма П.А.Демидова	«Русский архив»
<i>мhжду</i>	<i>между</i>
<i>бhс</i>	<i>безъ</i>
<i>Лебhдева</i>	<i>Лебедева</i>
<i>увеселhния</i>	<i>увеселения</i>
<i>мhду</i>	<i>меду</i>
<i>берhжно</i>	<i>бережно</i>
<i>понежh</i>	<i>понеже</i>
<i>бhзсильный</i>	<i>безсильный</i>
<i>берhски</i>	<i>березки</i>
<i>надлhжитъ</i>	<i>надлежитъ</i>

Поскольку этимологически верное написание *h* было кодифицировано именно в XIX в., то редактор как представитель этой эпохи правил все случаи неверного использования *h*.

Написание *Ъ* в конце слова. В текстах XVIII века отмечаются следующие написания:

1) верное написание с точки зрения нормы XIX в. (на конце слов): *воздухъ, стануть, тонинькимъ, онъ, аршинъ* и т.д.;

2) неверное написание с точки зрения нормы XIX в.: *чтоб, от, расположил, течениев, гераниум* и т.д. В свою очередь это написание связано с предшествующей письменной традицией, а именно: с использованием выносных букв, при которых *Ъ* не выносился.

3) гиперкорректное написание (с точки зрения XIX в.) после шипящих на конце слова: *пропадешъ, хошъ, уладишъ, нашъ, мышъ* и т. д.

Здесь правка касается второго и третьего случаев.

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>чтоб</i>	<i>чтобъ</i>
<i>гераниум</i>	<i>гераниумъ</i>
<i>предавал</i>	<i>предавалъ</i>
<i>пленных</i>	<i>пл^hнныхъ</i>
<i>летним</i>	<i>л^hтнимъ</i>
<i>також</i>	<i>такожъ</i>
<i>вашим</i>	<i>вашимъ</i>
<i>проденут</i>	<i>прод^hнутъ</i>
<i>пожаловал</i>	<i>пожаловалъ</i>

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>пропадешъ</i>	<i>пропадешь</i>
<i>пронюхаешъ</i>	<i>пронюхаешь</i>
<i>уладишъ</i>	<i>уладишь</i>
<i>хошъ</i>	<i>хошь</i>
<i>нашъ</i>	<i>нашь</i>
<i>тешъ</i>	<i>тѣшь</i>
<i>мышъ</i>	<i>мышь</i>
<i>сушъ</i>	<i>сушь</i>
<i>оставляешъ</i>	<i>оставляешь</i>

Орфографическая норма, закреплённая Я.К. Гротом, диктовала постановку *Ъ* в конце слова. И редактору, как представителю своей эпохи, было необходимо исправлять все случаи неверного написания.

В письмах П.А. Демидова отмечается гиперкорректное с точки зрения XIX в. написание *Ъ* в середине слова: *продолъжаетъ*, *притѣти*, *възыскано*, *предѣков*, *въспомощельствовать*. Обратим внимание на то, что исторически обусловленным является написание *Ъ* и между согласными. Это своеобразный рефлекс действия очень древнего закона открытого слога [Мещерский 1981: 24].

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>предѣковъ</i>	<i>предковъ</i>
<i>продолъжаетъ</i>	<i>продолжаетъ</i>
<i>достинѣство</i>	<i>достоинство</i>
<i>уполномоченныхъ</i>	<i>уполномоченныхъ</i>
<i>въспомоществовать</i>	<i>вспомоществовать</i>
<i>конѣфискаци</i>	<i>конфискациѣ</i>
<i>притѣти</i>	<i>притѣти</i>
<i>възыскано</i>	<i>взыскано</i>
<i>конѣфирмаци</i>	<i>конформации</i>
<i>отѣдала</i>	<i>отдала</i>

Обозначение мягкости предшествующего согласного. В текстах XVIII века встречаются следующие написания:

1) обозначение с помощью мягкого знака: *генеральской, сиятельства, удивительнее, радетьельныя, сколько и т. д.*;

2) пропуск *ь* в соответствующей позиции, что было связано с ещё одной архаической особенностью графики – использованием выносных букв, при написании которых *ь* не выносился: *сумнительно, дѣтми, болше, столко, Вулфа и т.д.*;

3) написание *ь* после *р*. Возможно, оно связано с особенностями московского произношения: *смерьти, государьству, государьственнаго, сверьхъ*.

Здесь, также как и в предыдущих случаях, редакторская правка касается второго и третьего видов написания:

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>толко</i>	<i>только</i>
<i>письмо</i>	<i>письмо</i>
<i>малчиков</i>	<i>мальчиков</i>
<i>безделникомъ</i>	<i>бездѣльникомъ</i>
<i>денгами</i>	<i>деньгами</i>
<i>нелзя</i>	<i>нельзя</i>
<i>сколко</i>	<i>сколько</i>
<i>поболше</i>	<i>побольше</i>
<i>свиделствоваль</i>	<i>свидетельствовалъ</i>
<i>Вулфа</i>	<i>Вульфа</i>
<i>смерьти</i>	<i>смерти</i>
<i>государьству</i>	<i>государству</i>
<i>государьственнаго</i>	<i>государственнаго</i>
<i>сверьхъ</i>	<i>сверхъ</i>

Обозначение мягкости согласного на конце слова. В текстах XVIII века отмечаются следующие написания:

1) обозначение мягкости: *отъказались, разсмотреть, згребать, збрасывать, переменять* и т.д.;

2) отсутствие обозначения, связанное с написанием выносных букв, которое не сопровождалось выносом *ь*: *делат, переменялас, посылат, хотелос, тапер* и т.д.;

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>посабачус</i>	<i>посабачусь</i>

<i>переменилас</i>	<i>перемени- лась</i>
<i>тапер</i>	<i>таперь</i>
<i>делат</i>	<i>дѣлать</i>
<i>посылат</i>	<i>посылать</i>
<i>разъехалис</i>	<i>разъехались</i>
<i>бросилос</i>	<i>бросилось</i>
<i>хотелос</i>	<i>хотелось</i>
<i>поправилос</i>	<i>поправилось</i>
<i>попродолжус</i>	<i>попродол- жусь</i>

Отдельного комментария требуют случаи **обозначения мягкости ч** в середине и в конце слова. Данное написание встречается редко, но хотелось бы отметить, что этимологически верным считается написание *ь* после *ч*, однако норма XIX века диктовала постановку *ѣ* в конце фонетического слова. Поэтому в письмах П.А. Демидова мы сталкиваемся с этимологически верным, но ненормативным написанием *ь* после *ч*: *Ивановичь*, *высечьь*, *Яковлевичь*, *Игнатъевичь* и др.

Редактор «Русского архива» П.И. Бартенев последовательно заменяет *ь* на *ѣ* по общему правилу обозначения конца слова:

Письма П.А. Де- мидова	«Русский ар- хив»
<i>Ивановичь</i>	<i>Ивановичѣ</i>
<i>высечьь</i>	<i>высечьѣ</i>
<i>Яковлевичь</i>	<i>Яковлевичѣ</i>
<i>Игнатъевичь</i>	<i>Игнатъевичѣ</i>
<i>Григорьевичь</i>	<i>Григорье- вичѣ</i>

Что касается использования **букв ѣ и ѣ** в качестве **разделительного твердого и разделительного мягкого знака**, то стоит сказать, что в текстах отмечаются случаи как их написания, так и их отсутствия в данной позиции, но последнее встречается крайне редко, что может свидетельствовать о большей последовательности в данном случае, чем в других:

1) постановка *Ъ* и *Ь*: *отъезде, разъехались, изъяснение; в улье, счастья, курачьих, пьет, Емельяна, сподадьей, здьяконицей, вранье, воскресенье, спесью, Ильине;*

2) пропуск *Ъ* и *Ь*: *отездъ, Емелянушка.*

Редакторская правка касается только второго случая:

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>отездъ</i>	<i>отъезд</i>
<i>Емелянушка</i>	<i>Емельянушка</i>

Использование **заглавных букв** при написании имен собственных весьма непоследовательно в оригинальных текстах П.А. Демидова, что является, скорее, соблюдением традиции [Иванова 2008: 85-86]. Встречается как их использование на письме, так и отсутствие, причем одно и то же слово в разных письмах может быть написано по-разному. В письмах П.А. Демидова с заглавной буквы пишутся, как правило, имена людей: *Миколe, Марке, Иваном*; фамилии: *Каменской, Ситникове*; отчества: *Ивановичь, Демидовичь*; названия городов: *Москва, Питер, Лондон*; заглавная буква используется при вежливом обращении: *Его Высокопревосходительство, Государыня*, но есть и *государыня*. Слова *богъ* и *божеский* пишутся обычно со строчной буквы, но встречается и написание этих слов с заглавной буквы: *Богъ*. Наименования учреждений пишутся с заглавной буквы: *Московской Воспитательной дом, Государственная Юстиць-коллегия, Сенат*. Заверяя своей подписью текст, Демидов, как правило, писал свою фамилию со строчной буквы: *Прокофей демидов*. Названия месяцев в текстах XVIII века пишутся со строчной буквы, но норма XIX в. диктовала их написание с заглавной буквы. Этот случай, как и все остальные случаи непоследовательного использования заглавной буквы, подвергался редакторской правке.

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>Московской Воспитательной домъ</i>	<i>Московскій Воспитательный Домъ</i>
<i>Июль</i>	<i>июле</i>
<i>небожеское</i>	<i>не Божеское</i>
<i>гсдрня</i>	<i>Государыня</i>

<i>исабакинское</i>	<i>и Собакинское [дело]</i>
<i>Академии художествъ</i>	<i>Академіи Художествъ</i>
<i>Вкрикъ камисариате</i>	<i>Въ Кригсъ-комисариатѣ</i>
<i>божие</i>	<i>Божіе</i>

В письмах П.А. Демидова отмечено значительное количество **сокращений** при написании слов. Они весьма последовательны и касаются ряда однокоренных слов: *гсдрь* (*гсдрство*, *гсдрственнымъ*) – встречается более 10 раз, *гсдн* (*гсда*) – встречается более 20 раз, *млть* (*млстивый*) – встречается более 5 раз; *мсце* (месяце), *члвк* (человек), *Гсди* (господи), однокоренные слова если и встречаются, то пишутся целиком, без использования сокращений; есть сокращения типа: *ру* (рублей), *ко* (копеек). Сокращения с пропуском гласных букв и некоторых согласных имеет давнюю традицию, сложившуюся еще в уставном письме. Титлование слов являлось не переменным атрибутом кириллического архаического текста. Конечно, все эти виды сокращений подвергались активной правке редактора. В случае возможных сокращений, ставших, очевидно, традиционными в XIX в., редактор мог его оставить, сделав более полным, но также мог удалить его совсем, написав слово без сокращения.

Письма П.А. Демидова	«Русский архив»
<i>мсце</i>	<i>мѣсяцѣ</i>
<i>гсдрь</i>	<i>государь</i>
<i>гсдрственнымъ</i>	<i>государственнымъ</i>
<i>млстивая</i>	<i>милостивая</i>
<i>Гсдрня</i>	<i>Государыня</i>
<i>гсда</i>	<i>господа</i>
<i>члвка</i>	<i>человѣка</i>
<i>1 ру</i>	<i>1 рублю</i>
<i>15 ко</i>	<i>15 коп.</i>

В хо-
лиза
орфо-

де ана-
графико-
графи-

ческих маркёров несовпадений выявлены закономерности в редакторской правке, которую последовательно вносил П.И. Бартнев, готовя к публикации письма П.А. Демидова.

Редакторской правке **подвергались**:

1) архаическое слитное написание служебных частей речи с самостоятельными;

2) фонетические написания слов;

3) фонетическое и гиперкорректное написание *h* в корнях слов и флексиях;

4) написание *Ъ* в середине слова и отсутствие *Ъ* на конце слов;

5) написание *Ъ* после шипящих;

6) отсутствие *Ь* в середине и в конце слова для обозначения мягкости предшествующего согласного;

7) непоследовательное использование заглавных букв;

8) использование титлования при сокращении слов.

Таким образом, выявленные особенности в редактировании текстов XVIII века свидетельствуют о системном характере правки. Редактор, безусловно, знал тенденции орфографической нормы XIX века и руководствовался ими при издании эпистолярных источников XVIII века. Можно говорить о том, что к концу XIX века наметились закономерности в области литературного редактирования, и редактор вполне сознательно вносил соответствующие изменения в текст.

Литература

Иванова Е.Н. Графика и орфография писем А. Демидова // Скоропись XVIII-начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста. – Челябинск, 2008.

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1981.

Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. – М, 1997.

©Ваисова А.А., 2011

©Иванова Е.Н., 2011

С.Б. Вискунова, Р.Ю. Шебалов
Екатеринбург

**Ретро-мотивы в современной рекламе:
к постановке проблемы**

Ключевые слова: рекламный дискурс, медиаконтент, феномен ностальгии, картина видения.

Феномен ретро обладает большим социально-психологическим, культурологическим, прагматическим и экспрессивным потенциалом, что обуславливает его востребованность в самых разных сферах человеческой деятельности, связанных с креативным осмыслением и преобразованием окружающей действительности (культуре и искусстве, рекламных и маркетинговых коммуникациях, различных практиках социального взаимодействия – от институционализированных государством форм управления массовым сознанием общественности до стихийно существующих социальных стереотипов и пр.).

В социально-психологическом аспекте явление ретро опирается на феномен ностальгии.

Ностальгия в широком смысле – это «тоска не только по своему прошлому, но и по ушедшим эпохам, в которых ностальгирующий никогда не жил, и даже по эпохам, которых никогда не существовало в реальности» [Чикишева 2009: 272].

Б. Рассел противопоставлял память (ностальгия, как известно, в значительной степени основана именно на памяти) воображению по признаку отсутствия в случае воображения соотнесённости с прошлыми событиями. «Образы памяти и образы, порождаемые воображением, не различаются по своим внутренним свойствам. Их отличает то, что память сопровождается верой, которую можно выразить словами “Да, это было”» [Савельева 2005: 205-206]. Память занимает настолько важное место в человеческом сознании, что воспоминания в живом языке приобретают некоторые свойства материальных предметов: «Они (образы или картины прошлого) могут вести вполне самостоятельную жизнь – вставать, оживать, возникать, воскресать в па-

мяти, их можно также вызвать или восстановить» [Вельцер 2005: 29].

Как отмечает С. Бойм, «ностальгия не всегда ретроспективна, она может обращаться просто к иным пространствам и другим временам. Ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство» [Бойм 1999: 16].

Тяга людей к прошлому – факт самосознания человека, в т.ч. его культурной рефлексии. Кроме того, некоторые исследователи обращают внимание на то, что ностальгия помогает ориентироваться в быстро меняющемся постмодернистском мире, когда основополагающие представления о мужчине, женщине, привычках, манерах, законах, обществе и Боге поставлены под сомнение, разбиты и испытывают столь сильное потрясение, которого не было никогда прежде. А знание истории (равно как и всеобщие ностальгические настроения) усиливает не только личностную, но и коллективную и национальную идентичность, чем повышает значимость народа в его собственных глазах [Новиков 2009].

Основными сферами человеческого бытия, в которых проявляется ностальгия, являются повседневность, культура и искусство, а также историческое познание.

В современной социологии достаточно большое внимание уделяется содержанию понятия «ностальгия» применительно к повседневной жизни людей. Ср.: «С повседневной ностальгией сталкивается каждый взрослый человек, которому есть что вспомнить, и политики, производители товаров, специалисты по рекламе и связям с общественностью умело играют на ностальгических мотивах людей» [Зборовский 2003: 17].

Г.Е. Зборовский провел в 2000 г. опрос российских эмигрантов, проживающих в финском городе Турку, с целью выявить и охарактеризовать ностальгические настроения у социальной общности – русскоговорящих эмигрантов в Финляндии и влияние этих настроений на их повседневную жизнь [Зборовский 2001].

Им были сделаны следующие выводы в отношении повседневной ностальгии:

1. Выраженность ностальгических настроений зависит от способа конструирования повседневного пространства. «Дом»

для многих бывших российских граждан это их любимая, удобная квартира, семья, дети, друзья, соседи и т.д. В рамках нового «дома» накапливалась определенная память, история, тесно связанная с «домом» там, в России. Можно сказать, что феномен «дома» в этом случае сам по себе цикличен: от старого «дома» человек переходит к «новому», в котором пытается сохранить элементы старого. Причем многие часто возвращаются на некоторое время в старый «дом», в Россию, где у них остались родственники, друзья, чтобы снова почувствовать «дух» прежней жизни.

2. Отношение эмигрантов к обычаям и традициям, «привезенным» с Родины – желание их сохранить и тщательно соблюдать в «новом» обществе, воссоздать прежний уклад жизни – явное проявление ностальгии. Одна из таких традиций – встреча Нового года. Тоска по особой атмосфере праздника объясняет то, что встреча Нового года стойко ассоциируется с Россией [Зборовский 2001: 36]. Многие респонденты говорят, что этот праздник следует отмечать именно в России, потому что там, как им кажется, даже воздух насыщен настоящим новогодним настроением, предвкушением чего-то необычного, радостного. Элементы памяти – «знаковые вещи» привносят в «новый дом» особый смысл, компенсируя утрату былого, вызывают теплые воспоминания. Бережно хранимые вещи, привезенные из России, это, прежде всего, память о людях.

3. Тоска по советской / русской культуре: музыке, фильмам, книгам является общей для всех живущих в Финляндии выходцев из бывшего СССР. Это значимые привычные и обычные элементы повседневности, связанные с Родиной. К тому же восполнение потребности в чтении на русском языке, просмотре фильмов и прослушивании музыки очень важно для людей и по другой причине. Для многих это основное средство обучения детей русскому языку и, что существенно, эти книги и фильмы помогают не забыть язык тем, кому редко удается читать и говорить на нем. Музыка, фильмы, книги и телевидение – своеобразный фон, заполняющий пустое пространство свободного времени чем-то знакомым, привычным, родным. Однако самый важный элемент повседневности – телевидение. Те, у кого есть российский телеканал, имеют возможность «создавать» у себя

дома привычную домашнюю среду, когда в комнате «разговаривает» по-русски телевизор, на кухне «поет» русским голосом магнитофон и не нужно напрягаться, чтобы понять чужую речь.

Просмотр русского канала вообще выглядит как своего рода «таинство», «за которое не жаль отдать большие деньги. Голос, говорящий по-русски с экрана телевизора, – это «домашний» элемент прежней жизни, смысл которого в Финляндии трансформируется – из элемента повседневности он превращается в ценность, окрашенную ностальгией» [Зборовский 2001: 28]. Телевидение и радио дают людям ощущение принадлежности к группе «русских», осознание того, что, «держа руку на пульсе», они неизмеримо ближе к России. Следовательно, с одной стороны, российское телевидение обеспечивает «подогрев» ностальгических настроений, а, с другой – демонстрирует эмигрантам реалии российской жизни во всей «красе», давая возможность оценить все плюсы их своевременного переезда.

Ускорение исторического времени, повышение темпов общественных перемен, характерные для развития современного общества, приводят к увеличению социальных рисков и неопределенности будущего. Динамизм и противоречивость социальных процессов становятся фактором актуализации ностальгии, которая постепенно превращается в неотъемлемую часть повседневности отдельных индивидов и социальных групп [Вельцер 2005: 67].

Первоначально ностальгия понималась как чувство утраты, вызванное невозможностью вернуться в привычное пространство, где человек жил раньше. Изменения в обществе приводят к появлению новой формы ностальгии, связанной с невыполнимостью другого желания, возвращения времени прошлого. На этом этапе правомерно говорить о возникновении социальной ностальгии как явления повседневности [Гидденс 1999: 178].

Искусство в значительной мере «питается» ностальгией. В литературе, например, есть отдельные «ностальгические» жанры – мемуары и автобиография.

Ностальгическое сознание может провоцировать исследовательские поиски в области политической истории. По выражению А.С. Панарина, «консерваторы – это люди ностальгические, которые не фиксируют сегодняшний момент, а ищут и находят в

прошлом своей страны некий классический образец общественного устройства, лучшую эпоху, «золотой век», к которому необходимо вернуться. У консерваторов всегда есть та или иная референтная инстанция, определённая идеальная эпоха, с которой они себя отождествляют и ценности которой защищают. И эта эпоха – не нынешняя. Консерваторы всегда смотрят в прошлое, отстаивают традиционные для данного общества, привычные формы общественной жизни от посягательств со стороны как левых, так и правых сторонников «нового порядка». Консерваторы – это люди, которые, прежде всего, дорожат историческим наследием своей страны» (Цит. по: [Новиков 2006]).

Таким образом, в основе исторического познания лежат часто неосознанные ностальгические мотивы. Можно даже предположить, что романтическая ностальгия является важным фактором выбора человеком профессии историка. Во всяком случае, не вызывает сомнений, что ностальгия автора исторического труда в значительной степени накладывает на этот труд субъективный отпечаток [Концеваров 1998: 312].

Существуют социально-психологические предпосылки изучения феномена ностальгии. В современном обществе она все чаще приобретает форму «психологического эскапизма, направленного в прошлое, становится результатом появления целой группы социальных страхов людей перед лицом общества риска и глобальных перемен» [Национальная социологическая энциклопедия 2001: 358].

Политические предпосылки изучения феномена социальной ностальгии состоят в том, что манипуляция массовыми настроениями становится важной частью политической борьбы и управления государством. Ностальгические образы прошлого все более активно используются в рамках диалога власти и общества, они модифицируются и перетолковываются с целью легитимации ценностно-нормативной структуры [Фенько 1993: 38].

Целесообразно говорить и о социокультурных предпосылках изучения социальной ностальгии как чувственного механизма «взаимодействия» системы, пропагандируемой властными чело- века с прошлым. Она возникает как особый способ постижения культуры и обеспечения преемственности между прошлым, настоящим и будущим, помогает людям в особой форме пере-

жить прошлое и почувствовать дух ушедших эпох. Существуют и социальные предпосылки изучения ностальгии, которые опосредованы ситуацией, сложившейся в обществе, поскольку эта проблема затрагивает повседневные жизненные интересы людей, влияет на их образ жизни и поведение [Философия и методология истории 2005: 212-216].

Ностальгия – социальный феномен, пронизывающий все сферы жизнедеятельности личности и общества [Социологический словарь 2001: 376]. Использование механизмов его формирования, поддержания и «подогрева» как в политической, так и социокультурной сферах позволяет управлять общественным сознанием и поддерживать необходимый государству социальный тренд.

Фиксация и репрезентация разнообразных ностальгических переживаний, характерных для человека, обуславливает необходимость определения специфического носителя ретросмыслов. В качестве такого носителя мы выделяем *ретромотив*, под которым мы предлагаем понимать относительно устойчивый элемент ретро-семантики, имеющий самостоятельное культурное значение и достаточно четко идентифицируемый в пределах социокультурного контекста.

Одним из наиболее ярких проявлений эксплуатации «ностальгического» кода является использование ретро в современной рекламе. В этом смысле интерес вызывает телевизионная реклама. Специфика медиаконтента, представленного в современном рекламном пространстве телевидения, предоставляет широкие возможности по включению в него разнообразных маркеров, использующие визуальный и аудиальный каналы коммуникации как наиболее эффективно воздействующие на потребителя.

Например, в серии рекламных роликов пива «Stella Artois» («Triple Piano», «Apartomatic» и др.) широко используются визуальные маркеры эпохи 1960-х годов (одежда и особенности внешнего вида персонажей, отсылающие зрителя к стереотипным представлениям о стиле того периода, атрибуты городского пространства – автомобили, здания и пр.) – все это, с одной стороны, направлено на актуализацию соответствующих социальных стереотипов современного потребителя, с другой, – позво-

ляет в ограниченном пространстве ролика воспроизвести ностальгический «миф» о прошедшей эпохе, в которой многое кажется приятным, простым и комфортным. В данном случае обладающим каналом передачи ретро-семантики является визуальный, звуковое сопровождение в роликах выполняет вспомогательную функцию.

В рекламе радиостанции «Ретро-FM», напротив, акцент сделан на аудиальный канал, т.к. основу сюжета составляет непрофессиональное исполнение популярной в 1980-х годах в Советском Союзе песни А.Б. Пугачевой «Айсберг» сотрудником современной компании в своем офисе. Ретро-семантика усиливается здесь за счет юмористического эффекта: в момент исполнения в кабинет заглядывает начальник, привлеченный знакомой мелодией, вызвавшей у него «приступ» ностальгии.

Использованные ретро-мотивы (визуального и аудиального характера) воздействуют на зрителя за счет актуализации психосоциальных характеристик человеческой личности, а именно тяги людей к прошлому, воспоминания о прошлых временах, стремления ощутить ту атмосферу вновь.

Таким образом, можно предположить, что использование ретро-мотивов в современном рекламном контенте является не только модным приемом привлечения внимания зрителя через актуализацию в его сознании воспоминаний и/или определенных социальных стереотипов («ностальгических» по своей природе), но и достаточно действенным механизмом моделирования новых прагматических смыслов за счет обращения к культурно и социально маркированным детерминантам общества эпохи потребления. В этом смысле изучение ретро-мотивов представляется перспективным с точки зрения расширения научных представлений о ценностном компоненте современной картины мира.

Литература

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века. Случай Ильи Кабакова // НЛЮ. – 1999. – № 39.

Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный Запас. – М., 2005.

Гидденс Э. Социологическая энциклопедия: справочник. – М., 1999.

Зборовский Г.Е. Социальная ностальгия: к исследованию феномена. – М., 2001.

Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: опыт социологического исследования // СОЦИС – 2003. – № 3.

Концеваров М.И. История стилей XX века. – СПб, 1998.

Национальная социологическая энциклопедия / Под ред. А.И. Алексеева. – М., 2001.

Новиков Е.В. Лики ностальгии // Человек. – 2006. – № 3. Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/povikov_liki.html (дата обращения 24.09. 2011).

Савельева И.М. Социология знания о прошлом. – М., 2005.

Социологический словарь. – М., 2001.

Фенько А.Б. Ностальгия // Человек. – 1993. – № 6.

Философия и методология истории / Материалы Всероссийской научной конференции 25-26 ноября 2005 г. / Отв. ред. С.Г.Калашников. – Коломна, 2005.

Чикишева А.С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре. Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. – М. – Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. – 2009.

©Вискунова С.Б., 2011

©Шебалов Р.Ю., 2011

Н.А. Воробьева, К.А. Кукшинов
Екатеринбург

**Фразеологизмы с компонентами «черт» и «дьявол»,
характеризующие человека в русском и английском языках**

Ключевые слова: сопоставительный анализ фразем, лингвокультурологический подход, духовная культура народа, картина мира.

В настоящее время возрастает интерес к изучению духовной культуры народа (представления о сверхъестественной силе, народных праздниках и обрядах, народном календаре природы, мифологических и библейских персонажах и т.д.). Подобные исследования позволяют выявить особенности менталитета того или иного этноса. Анализ фразеологизмов с компонентами «черт» и «дьявол» представляет особый интерес, так как языковые единицы, характеризующие ментальный мир человека, дают возможность проникнуть вглубь национальной культуры, в сферу вымышленного, нереального, сакрального, отражающего мифологическое в национальном сознании.

Материалом для данной статьи послужили извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского и английского языков устойчивые сочетания с компонентами «черт» и «дьявол», характеризующие человека.

Рассмотрим основные черты сходства и различия в репрезентации образов черта и дьявола в русских и английских фразеологизмах.

В английском языке, в отличие от русского, синонимы слова *Devil* (дьявол) актуализируют признаки «существо, обитающее в аду» (ср. *minister of hell, god of underworld, prince of darkness*); «правитель» (ср. *prince of darkness, prince of evil*); «падший ангел» (ср. *fallen angel, god of the underworld*). Носители английского языка называют дьявола «богом подземного мира» (*god of the underworld*), но при этом слово «god» пишут со строчной буквы, что свидетельствует о разном отношении к дьяволу и Богу. В русском языке подобных выражений не было найдено, что, на наш взгляд, указывает на невозможность замены лексемы *дьявол* на лексему *Бог*, относящуюся к противоположному семантическому полю.

В русских фразеологизмах с компонентом «черт» закрепились представления носителей языка о внешнем виде персонажа нечистой силы (например, «существо со звероподобной внешностью», «существо с уродством», «существо лысое», «существо с волосами»). Подобных примеров в английском языке выявлено не было.

Сходным в русском и английском языках является наличие большого количества синонимов, называющих представителей

нечистой силы. Возможно, это связано со стремлением носителей языка уйти от прямого наименования черта или дьявола, чтобы не вызвать его появления, не навредить себе или близким, не навлечь на себя беду.

Интересным является тот факт, что в русской культуре основными признаками дьявола и черта являются те, которые характеризуют их внешность, а в английской – те, что говорят о происхождении, месте их обитания. Также для носителей английского языка не являются актуальными такие признаки черта и дьявола, как «враг рода человеческого», «олицетворение зла», базовые для русской культуры.

Фразеологизмы анализируемой группы используются для характеристики:

1. Внешнего вида человека. Например, *лысый черт; на лице черт в свайку играл; черт (тебя) надевал*. (Ср. в англ. языке: *handsome devil*).

2. Особенности характера человека: *сам черт ему не брат; в тихом омуте черти водятся; характер (натура) у кого как у дьявола; злой как дьявол; хитер (хитрый) как дьявол; ловок (ловкий, проворен, проворный) как дьявол*. (Ср. в англ. языке: *he that serves God for money will serve the devil for better wages; proud as Lucifer; no dare-devil; demon lover; the devil of a fellow*). Стоит отметить, что даже если подобные выражения используются для характеристики положительных качеств человека (ума, ловкости и др.), то сравнение с нечистой силой придает им отрицательный оттенок. Например, *умен как черт (дьявол)* ‘об умном, но обычно злом человеке’. В ряде случаев происходит полное или частичное отождествление человека с нечистой силой: *черт чертом*. Вероятно, о человеке, который близок по своим отрицательным качествам черту, а может быть, превосходит его. (Ср. в англ. языке: *hell on wheels; limb of hell; the prince of darkness; his Satanic majesty; regular demon; devil's spawn*).

3. Действий человека, его деятельности: *влюбиться как черт в сухую ракуту; черт дернул за язык кого; крутиться, точно его черти на сковородке поджаривают*. (Ср. в англ. языке: *to be a demon (devil) for (to) work; a naughty little devil; be a devil; the devil makes/finds work for idle hands; the devil take the hindmost; give the devil his due; needs must when the devil drives*).

Кроме этого, в английском языке фраземы с компонентом «дьявол» употребляются для выражения отношения к счастью, удаче: *a lucky devil; poor devil*. Подобных устойчивых сочетаний в русском языке не было найдено, но представление о том, что сверхъестественные силы способны оказать влияние на жизнь человека, закреплено во фразеологических единицах типа *черт дернул, черти принесли* и т.д.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентами «черт» и «дьявол», характеризующих человека в английском и русском языках, позволил сделать вывод о том, что нет признаков, характеризующих чёрта и дьявола, которые противоречили бы друг другу в английской и русской культуре. Это говорит об общности восприятия «духов зла» носителями данных языков. Сходство представителей зла в разных лингвокультурах заслуживает внимания. Дж. Б. Рассел полагает, что «это сходство предполагает наличие врожденной общности психических реакций на восприятие зла. Эта общность, несомненно, есть, поскольку многие общества исторически не связанные, имеют схожие представления о существах, олицетворяющих зло» [Рассел 2002: 213].

Литература

Воробьева Н.А. Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.

Коновалова Н.И. Динамический аспект интерпретации фразеологизмов с сакральным компонентом // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. – Екатеринбург, 2004.

Мокиенко М.М. Славянская фразеология. – М., 1989.

Передриенко Т.Ю. Концепты «Бог» и «дьявол» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006.

Рассел Дж. Б. Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества. – СПб., 2002.

©Воробьева Н.А., 2011

©Кукшинов К.А., 2011

А.А. Голубева

Екатеринбург

Языковая игра как способ формирования философского познания (на примере загадки)

Ключевые слова: языковая игра, философское познание, психолингвистический эксперимент.

В современном обществе вопрос о формировании философского познания, как осознанного процесса, остается открытым. В воспитании и обучении становление мировоззренческих взглядов происходит весьма спонтанно. Нам представляется возможным процесс формирования философского познания сделать целенаправленным при помощи языковой игры.

Понятие «языковая игра» было введено философом Л. Витгенштейном, который дает следующее определение: «языковая игра – это вся совокупность речевой деятельности людей, а также сама реальность, которую люди воспринимают только через призму языка» [см. об этом: Витгенштейн 1994].

Рассматривая операционально-ассоциативную природу языковой игры и определяя её как форму лингвокреативного мышления, Т.А. Гридина отмечает: «Важно то, что языковая игра является транслятором особого типа сознания – игрового, обеспечивающего многомерность проживания разных ситуаций **в условно-реальном измерении, выявляющего интенцию носителей языка к его творческому использованию и позволяющего судить о мотивации такого поведения**» [Гридина 2008: 7].

Так, языковая игра обнажает особый характер сознания ребенка, проявляя своеобразие его мышления и индивидуально-творческие черты в языке и речи. Подобно тому, как ребенок в поиске слов создает новые, окказиональные номинации, в поиске ответов на вопросы о тайнах мироздания, бытия, о месте человека в мире, в природе – рождаются образы, характеризующие мировоззрение говорящего. Эти образы находят свое отра-

жение в создании детьми различных произведений литературных и фольклорных жанров (например, детское поэтическое творчество [см. об этом: Голубева 2011]).

В нашем исследовании мы рассматриваем жанр загадки, который выявляет особенности видения мира и осознания окружающей действительности ребенка.

Историк культуры Й. Хейзинга, изучая игру как уникальный феномен, отмечает: «Можно было бы сделать вывод, что загадка по сути и изначально является священной игрой, то есть что она лежит поверх границ, разделяющих игру – и серьезное; она чрезвычайно весома, нисколько не теряя при этом своего игрового характера» [Хейзинга 2003: 117].

В старину люди верили в магическую силу загадок, отгадывая которые, человек «подчинял» себе природу. Загадки отгадывают герои и вожди в мифах, женихи и невесты во время свадебных обрядов. В сказках, обрядовых песнях, балладах загадки выступают в связи с мотивами испытаний героев, проверки их знаний. Так, обязательным условием обряда инициации является прохождение юношами испытания мудрости через загадки [см. об этом: Аникин 2001].

Постепенно загадки утрачивают магическое представление в глазах людей, становятся одним из средств воспитательного процесса. «Несомненна педагогическая значимость загадок: они помогают ребенку увидеть мир в его многообразных связях и ассоциациях, почувствовать красоту знакомых обыденных предметов и явлений» [Мартынова 1997: 26]. Именно создание и отгадывание загадок помогает организовать формирование философского познания.

Платон, говоря о бессмертии души, приходит к рассуждению о познании: «раз душа бессмертна <...>, то нет ничего такого, что бы она не познала» [цит. по: Хрестоматия по философии 2004: 14]. Следовательно, в нашей душе заложено стремление к познанию, а, возможно, и некоторые предпосылки к тому или иному восприятию действительности, отношению к окружающему миру.

Продолжая размышления о познании, Аристотель приходит к выводу, что судить об истине не имеет смысла, так как окружающие нас вещи изменяются и никогда не остаются на одном и

том же месте. Философ утверждает: «...невозможно, чтобы высказывания были все ложными или все истинными <...> если все высказывания ложны, то не говорит правду и тот, кто это утверждает, а если все истинны, то и утверждение, что все высказывания ложны, также не будет ложным» (Цит. по: [Хрестоматия по философии 2004: 24-25]). Так, мы обращаемся к вопросу объективности и субъективности всех видов познания, а именно философского.

Философское познание представляет собой особый тип целостного познания мира. Спецификой философского познания является стремление выйти за пределы фрагментарной действительности и найти фундаментальные принципы и основы **бытия**, определить место человека в нём. Так, философское познание представляет собой многоаспектное явление, включающее субъективную и объективную оценку мира, мировоззренческие предпосылки, обобщенное и аксиологическое знания, методы рационального знания. Эти аспекты проявляются в процессе освоения человеком окружающей действительности, в поиске смысла тех или иных явлений, в стремлении углубиться в суть природных процессов и постичь свое *Я*.

Для того, чтобы определить, возможно ли процесс формирования философского познания сделать целенаправленным, мы провели эксперимент. Учащимся пятого класса МАОУ «Лицей №180» г. Екатеринбурга было предложено создать загадки на темы природы, мироздания, космоса, Бога, окружающего мира и его устройства. В данном эксперименте участвовали ученики пятого класса, так как к этому времени учащимися пройден и повторен материал по теме «Загадка как фольклорный жанр».

Авторами загадок стали 12 учеников. Получено 40 загадок. Из них 38 охарактеризованы по следующему алгоритму:

1. Определение области философского познания, к которой относится предмет или явление, скрытые в загадке;
2. Выявление структуры загадки с точки зрения применения метафорического переноса;
3. Установление принципа объективности/субъективности оценки мира.

Загадки-вопросы, несущие в себе фактическое свойство предмета или явления, не зашифрованное метафорически или

лексически не рассматриваются по перечисленным признакам, т.к. в таких загадках не проявляется образное мышление, а значит, мы не можем судить о влиянии языковой игры на процесс философского познания. Это такие загадки, как:

1) Благодаря нему растения приобретают зеленый цвет (*Хлорофилл*);

2) Кто создал человека? (*Бог*).

Рассмотрим примеры, которые наиболее наглядно демонстрируют признаки каждого из трех критериев.

1. Область философского познания:

- Божественные существа

Щербаков Д.

Создал Землю, создал воду

И живое на земле (*Бог*).

Подшивалов Н.

Он всегда лучезарен,

Также он всеславен,

Обладает могущественной силой,

Правит всей жизнью правдивой (*Бог*).

Ефремов Г.

Крылатый человеческий облик

Летает в небесах иногда,

Сопровождает он по жизни,

Но нам не виден никогда (*Ангел*).

Из приведенных выше загадок следует, что образы божественных существ в мировоззрении детей имеют некий сходный образ: они невидимы, т.е. непознаваемы человеком абсолютно. Интересно, что две загадки о Боге отличаются друг от друга: в первой лишь сообщается о создании Богом жизни, а во второй использованы яркие эпитеты для описания образа: лучезарен, всеславен, могущественной, правдивой. Это свидетельствует об индивидуальном восприятии Бога каждым ребенком. Также дети обращаются к образу ангела, который в течение жизни сопровождает человека. Можно говорить о том, что ребенок чувствует защиту ангела и представляемые образы пробует передать с помощью таких художественных средств, как олицетворение, метафора, эпитет. Таким образом, мы прослеживаем,

как с помощью языковой игры в загадке дети стремятся к описанию божественных существ, их свойств, назначения.

- Космос и элементы его пространства

Баландина А.

Сметая все в пути своем,
К Земле огромный шар летит.
Спасаться надо нам вдвоем,
Ведь это огненный... (*Метеорит*).

Пащенко М.

Красивая, жилая
Планета родная,
Твоя и моя.
Это ... (*Земля*).

Обращаясь к космосу и элементам его пространства, дети ярко выражают своё отношение к описываемым явлениям, например, по представлению А.Баландиной, метеорит – опасный для жизни объект, который «сметает все на своем пути», а «жилая» планета является «родной» – считает М.Пащенко. Это является показателем того, что учащиеся пятого класса активно размышляют над свойствами и положительными или отрицательными характеристиками окружающей их действительности. Это и есть философское познание.

- Явления природы

Щербаков Д.

Падают с ветки
Золотые монетки (*Осенние листья*).

Анонимный автор

Беленькая собачка в подворотню глядит (*Сугроб*).

Природа с раннего детства сопровождает жизнь каждого человека, поэтому к пятому классу в мировоззрении учащихся ее явления представлены очень красочно. Авторы загадок активно используют приемы языковой игры, которая позволяет им полноценно проявить свое философское познание: сугроб становится «беленькой собачкой», осенние листья обретают образ «золотых монеток».

- Животный мир

Пуртова А.

Большой, ушастый,
И почти не опасный (*Слон*).

Абрамова А.

Необычный дом без крыши,
Живут там трудолюбивые существа,
Но не пчелки (*Муравейник и муравьи*).

Загадки, содержащие в себе зашифрованный образ представителей животного мира, интересны тем, что могут скрывать как образ редко встречающегося животного (не часто встретим живого слова), так и образ насекомых, за которыми, наверняка, не раз наблюдал автор. Это говорит о том, что философское познание может развиваться как в направлении неопознанного, малознакомого, так и в сфере хорошо известных явлений.

2. Структура:

- Признак зашифрованного образа назван прямо

Абрамова А.

Огромная звезда среди планет,
Она сверкает с рассветом и закатом
И выделяется среди других.
Вы, наверно, догадались, ведь это... (*Солнце*).

- Признак зашифрованного образа назван с использованием метафорического переноса

Даровских

Вот и дедушка хромой
Вышел из дому сюда.
Любит спать ведь он зимой,
Но как странно – летом спать он не обожает.
Угадай-ка ты, дружок, что за дедушка такой (*Солнце*).

Чеплухина А.

То я булка, то рожок. Ты узнал меня, дружок? (*Луна*).

- Зашифрованный образ охарактеризован через отрицательное сравнение с использованием метафорического переноса

Лаврова

Летит, но не птица.
Воюет, но не зверь (*Ветер*).

- Признак зашифрованного образа назван комбинированно: и прямо, и с использованием метафорического переноса

Подшивалов Н.

Тайна природы имеется,
Всегда по земле она стелется,
Днем переливается яркими цветами,
И поэтому становится красивыми местами (*Водопад*).

При классификации полученных загадок с точки зрения применения метафорического переноса, мы обнаружили, что приемы языковой игры помогают детям познавать самые различные сферы действительности, недоступные им в обыденной жизни. Интересно то, что А.Чеплухина создает загадки, в которых зашифрованный образ называется от первого лица. Таким образом, усиление художественной изобразительности и влияние на формирование философского познания – главные функции языковой игры в изученных нами загадках.

3. Оценка мира с точки зрения субъективности и объективности:

- Субъективная

Пащенко М.

Ласковое, теплое
Смотрит в оконце,
Дарит веснушки
Ребятишкам... (*Солнце*).

Лаврова

Когда оно есть, мы рады, а когда его нет – мы грустим (*Солнце*).

Загадки этой группы отличаются тем, что описанные в них явления выражены с субъективной точки зрения, передают эмоциональное отношение к ним автора. Так, веснушки, возникающие на коже, далеко не каждым воспринимаются даром и оцениваются положительно: некоторые говорят о них с негативом, некой обидой на природу. Радость и грусть характеризуют личное восприятие ребенка. Так можно говорить о воздействии на философское познание индивидуальных черт каждого человека, заложенных природой.

- Объективная

Чеплухина А.

С неба падаю звездой, а в ладошку водой (*Снег*).

Загадки, содержащие в себе объективную оценку мира, говорят об умении детей извлекать из перечня свойств того или иного явления те, которые наиболее конкретны и понятны для других. Снег падает с небес всегда в виде снежинки (звезды), а попав в человеческую ладошку, тает и становится водой.

- Комбинированная

Пащенко М.

Красная планета

Полна тепла и света.

Смотрит на нас

Загадочный ... (*Марс*).

Загадки комбинированного типа с точки зрения субъективности и объективности оценки мира демонстрируют авторскую разносторонность в понимании явлений жизни, что говорит о мировоззренческой зрелости, которая характеризуется влечением в объективные свойства предмета индивидуальных представлений о нем. Так, например, характеристика планеты определением *красная* является объективной, но автор вносит и свое личное видение, говоря: «смотрит на нас загадочный». Философское познание этих детей можно охарактеризовать как многоуровневое, сложное, включающее в себя как восприятие внешних фактов о предмете, так и его внутреннее осмысление.

Анализ материала свидетельствует, что загадка является прекрасным средством посвящения детей в круг философских вопросов. Но не всегда дети школьного возраста способны самостоятельно обращаться к языковой игре и загадке. Родители и учителя, на наш взгляд, должны привлекать детей к такой творческой деятельности. Очевидна роль загадки, и, следовательно, языковой игры в становлении мировоззрения, развитии как абстрактного, так и предметного мышления, активизации творческого потенциала. Существует необходимость систематического осознанного применения загадки, как способа философского познания.

Литература

Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М., 2001.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Избр. философские работы. — М., 1994. — Ч. 1.

Голубева А.А. Метафора как элемент детского поэтического творчества (на материале стихов одаренных детей) // Актуальные проблемы филологии: Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов и магистрантов ИФК и МК. Вып.5. – Екатеринбург, 2011.

Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. – М., 2006.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Мартынова А.Н. Детский поэтический фольклор. – СПб., 1997.

Хейзинга Й. Человек играющий. Статьи по истории культуры. – М., 2003.

Хрестоматия по философии / Под ред. Л.А. Беляевой, Л.И. Летягина. – Екатеринбург, 2008. – Ч. 1.

©Голубева А.А., 2011

В.Н. Капленко

Екатеринбург

Ещё одно предположение о стиле С. Есенина

Ключевые слова: идиостиль, выразительно-изобразительные средства.

«Гениальное косноязычье» – такие слова употребил поэт Станислав Рассадин в книге «Предположения о поэзии», приведя есенинские строки: «Я хожу в цилиндре не для женщин – В глупой страсти сердце жить не в силе, – В нём приятней, грусть свою уменьшив, Золото овса давать кобыле». Имелась в виду повторяющаяся конструкция: *в цилиндре; в... страсти; не в силе; в нём...* – которая, однако, не вызывает у читателя какой-либо отрицательной реакции.

О стиле С. Есенина пишется немало. В статье Л.В. Занковской говорится о выразительно-изобразительных средствах, о связи с языком фольклора [Занковская 2004]; А.Н. Захаров размышляет об этапах развития творческого метода С. Есенина [Захаров 2005]; В.И. Влащенко говорит об особенностях рязанского характера как причине есенинской эмоциональности [Влащенко 2005] и т.д.

Мы же намерены рассмотреть случаи «косноязычья», точнее – отступления от литературной нормы, как одну из загадок есенинского воздействия на читателя. Подобная попытка делалась в плане изучения «зауми» в лирике С. Есенина. Эти явления, по мнению автора, объясняются «стремлением ... выделиться из среды, снять автоматизм восприятия, привлечь читателя к сотворчеству, активизировать его роль» [Иванова]. Задача «снять автоматизм восприятия» актуальна почти для всей поэзии, но ставил ли поэт себе именно такую цель – мы можем только гадать. Однако поскольку этот «механизм» работает, интересно было бы разобраться в его сути и в средствах достижения эффекта.

Чрезвычайно ценным представляется нам утверждение Н.И. Шубниковой-Гусевой о том, что творчество С. Есенина насквозь диалогично: кроме явных диалогов между персонажами, он ведёт диалоги и с читателем, и с самим собой, возражая в чём-то лирическому герою своих прежних стихотворений, и «точка зрения» персонажа ещё не есть позиция автора, поскольку имеет «служебное» значение [Шубникова-Гусева]. Переплетаются у Есенина темы жизни и смерти, «с тишиной борются буйные силы – душевные и внешние» [Шубникова-Гусева]. Если внутренняя диалогичность до такой степени свойственна творчеству Есенина, не происходит ли то же самое – диалог-спор, конфликтное взаимодействие – и на уровне языковых норм? Норма и «антинорма» сталкиваются на разных уровнях поэтического языка – речи – текста:

- на уровне лексики: *Но и всё ж отношусь я с поклоном К тем полям, что когда-то любил* («Я усталым таким ещё не был...») – нарушена лексическая сочетаемость; **Видно, видел он дальние страны** («Эта улица мне знакома...») – тавтология; *Давай с тобой полаем при луне На тихую, бесшумную погоду* («Собаке Качалова») – плеоназм.

Некоторые из примеров представляют собой диалектизмы, но с этой стороны мы их не рассматриваем: для нас важно соотношение «нормы» и «не-нормы» **внутри** приведённых отрывков. Отступления от норм литературного языка в них не настолько грубы, ярки и определённы, чтобы вызвать насмешку, возмущение или упреки в неграмотности: они «мягкие», иногда – полу-

заметные; читатель легко и, возможно, даже неосознанно вос-
станавливает для себя необходимые связи слов и значения – при
этом действительно происходит деавтоматизация восприятия и
активизируется роль читателя. Есенин находит такую грань
между нормой и её нарушением, что становится возможной ре-
ализация пушкинской формулы из «Евгения Онегина»:

Неправильный, неверный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в душе моей.

● на уровне словообразования: *Скорбью вытерзанный* люд;
Пряжа выснежного льна («Микола»); *схолодела*, как *роса*
(«Хороша была Танюша...»); *Светят зелено в сутёмы* Под ро-
сою тополя; *Говорят со мной коровы На кивливом языке* («Я –
пастух. Мои палаты...»); *Голос громкий и всхлипень* зычный
(«Эта улица мне знакома...»). Иногда происходит замена слова
однокоренным, имеющимся в лексиконе литературного языка,
но отличающимся оттенками стиля и значения: *Петь по-
свойски*, даже как *лягушка* – вместо *по-своему* («Быть поэтом –
это значит то же...»);

● на грани словообразования и морфологии: *Это к завтраму*
всё заживёт («Всё живое особой метой...») – «склоняемое»
наречие;

● на уровне морфологии: знаменитые *брeдь* и *омуть* вместо
бред и *омут* («Письмо матери»; «Я обманывать себя не стану...»); *Всем есть место, всем есть логов* («Микола») – муж-
ской род вместо среднего; *Одна, как прежняя, белеется гора*
(«Возвращение на родину») – употребление одной части речи
вместо другой – наречия *прежде*. Это и лексическая неточность:
гора действительно *прежняя*, а не как *прежняя*;

● на уровне синтаксиса: *В синюю высь звонко Глядела она,*
скуля – инверсия, провоцирующая неправильное представление
о связях слов: должно быть *звонко скуля*, а не *звонко глядела*.
Похожих случаев довольно много: *Все волнистые дороги Толь-
ко радость льют живущим* (т.е. *только живущим* – см. пред-
текст: *...и мы, отжив тревоги, Перейдём под эти кущи...*); *Раз-
любил ли тебя не вчера?* («Вечер чёрные брови насопил...»);
Может быть, и скоро мне в дорогу Бренные пожитки соби-

рать («Мы теперь уходим понемногу...»); замена Р.п. на В.п. в отрицательных конструкциях: *Такую лапу не видал я сроду* – вместо *такой лапы*. Предложение может начинаться как бессоюзное, а продолжаться как сложноподчинённое: *Вы говорили: Нам пора расстаться, Что вам наскучила Моя шальная жизнь...* («Письмо к женщине»).

Тонкость работы такова, что читатель и сам начинает в душе трепетать, балансировать, сопереживая самому есенинскому слову: куда же оно «упадёт» – в сторону нормы или в откровенную неправильность? Но и неправильность искупается яркостью содержания, искренностью, эмоциональностью. Диалог нормы и не-нормы осложняется диалогом «правильно-неправильной» формы и содержания.

Возможно, это не главная и, конечно, не единственная особенность есенинского стиля, но она представляется нам весьма существенной.

Впрочем, как сказано в заголовке, всё это – лишь предположение о есенинском стиле. Ещё одно предположение.

Литература

Занковская Л.В. Характерные черты стиля С. Есенина // Литература в школе. – 2004. – № 1.

Захаров А.Н. Эволюция есенинского имажинизма // Литература в школе. – 2005. – № 11.

Влащенко В.И. «Ой ты, Русь, моя родина кроткая...» Песня и плач, радость и боль в лирике Есенина // Литература в школе. – 2005. – № 11.

Иванова Е. (Федорчук) Элементы заумного языка в лирике Сергея Есенина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://katlyric.narod.ru/article1.htm>.

Шубникова-Гусева Н.И. Диалог как основа творчества Есенина // Столетие С. Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://silver-entury.narod.ru/esenin.htm>.

©Капленко В.Н., 2011

Н.В. Кашина
Екатеринбург

Лингвокультурный анализ мифологемы *дорога*

Ключевые слова: лингвокультурология, мифологема, психолингвистический эксперимент, языковая картина мира.

1. Семантическая структура «имени» мифологемы (по словарным дефинициям). Семантическая структура слова *дорога* в процессе развития русского языка несколько видоизменилась. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля дефиниция слова *дорога* представлена следующими компонентами:

1. Ездовая полоса;
2. Накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье для езды, для проезда или прохода;
3. Путь, стезя;
4. Направленьи и расстоянья от места до места;
5. Самая езда или ходьба, путина, путешествие;
6. Род жизни, образ мыслей, судьба.

Таким образом, основные семантические элементы понятия *дорога* – это протяжённость и присутствие человека, которое проявляется движением. Заметим, что последний лексико-семантический вариант имеет символический смысл.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отмечены следующие компоненты значения слова *дорога*:

1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения.
2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования.
3. Путешествие, пребывание в пути.
4. Образ действий, направление деятельности (*перен.*).

В Словаре современного русского литературного языка состав лексико-семантических вариантов в структуре значения слова *дорога* несколько меняется:

1. Полоса земли, служащая для езды и ходьбы;
2. Место, пространство для прохода, проезда
3. Передвижение, путешествие, поездка.

4. Направление, путь следования.
5. Направление, область деятельности, путь развития (*перен.*)
6. Средство для достижения чего-либо (*перен.*).

Отметим, что все лексико-семантические варианты сопровождаются обширным иллюстративным материалом, комментируются через номинативные ряды для обозначения оттенков значения слова *дорога*, например, первый ЛСВ комментируется через понятия *железная дорога, канатная, подвесная дорога, конно-железная дорога, однокорейная, двухкорейная дорога, столбовая дорога, след в виде полосы, дорога жизни, звёздная, небесная дорога*.

Кроме того, появление переносных значений слова *дорога* свидетельствует об активном освоении языком ассоциативных компонентов значения.

2. Современные социально-культурные стереотипы, представляющие мифологему. Для конструирования образа дороги в сознании современных носителей русского языка были проведены свободный и направленный ассоциативный эксперименты. На первом этапе испытуемые должны были дать свободные реакции на слово-стимул *дорога*. На втором этапе нужно было привести на слово-стимул реакции в виде связанных с ним устойчивых выражений. В состав испытуемых вошли дети в возрасте от 13 до 16 лет. Анализ ассоциативного поля «дорога» показал, что ядерными для современных детей являются следующие ассоциаты: *трасса, шоссе, путь, путешествие, авто-стоп, движение, направление, железная, идти, ехать, уступить, обочина, поворот*. Ассоциативное поле включает множество реакций, связанных с ландшафтно-технической характеристикой дороги: *большая, широкая, узкая, плохая, через лес, через поле, бездорожье, прямая, кривая, асфальтированная, с ямами, полевая, грунтовая*. Стало очевидным, что среди ассоциаций отсутствует компонент значений «*область деятельности, путь развития человека*». Это связано, скорее всего, с возрастными особенностями, малой начитанностью респондентов и небольшим жизненным опытом.

Слово *дорога* в составе устойчивых сочетаний была представлена следующими вариантами: *скатертью дорога, на дороге не валяется, туда ему и дорога, дорога жизни, Млечный путь,*

счастливого пути, в России две беды: дороги и дураки, все дороги ведут в Рим. Кроме того, зафиксированы варианты диалектного происхождения: *дорога как стиральная доска, деревенский асфальт.* Встретилось также выражение, связанное с приметой: *чёрная кошка дорогу перебежала.* Таким образом, мифологема *дорога* в сознании современных школьников отражает и прошлое, традиции национальной культуры, и реальность современной культуры, и стереотипы коллективного сознания.

3. Сюжеты-истоки (мифологические, обрядовые, фольклорные, бытовые). Истоки многих современных представлений о дороге можно обнаружить в древнейших народных верованиях, в мифологических, ритуально-обрядовых и фольклорных сюжетах. В этнолингвистическом словаре славянских древностей отмечено, что дорога соотносится с жизненным путём, путём души в загробный мир и семантически выделяется в переходных ритуалах. «Дорога – место, где проявляется судьба, доля, удача человека при встречах с людьми, животными и демонами. Дорога – разновидность границы между «своим» и «чужим» пространством; мифологически «нечистое» место, служащее для удаления вредных и опасных объектов, для совершения магических действий». Согласно верованиям, ритуальные функции дороги в наибольшей степени проявляются в местах скрещения дорог. На обочинах дорог, особенно на перекрёстках было принято хоронить самоубийц, некрещеных детей.

В Древней Руси было принято выбрасывать на дорогу опасные и вредоносные объекты с целью их уничтожения, так как считалось, что дорога – это место, где «нечистые» предметы затаптывают. Например, при лечении болезней на дорогу выбрасывали ногти и волосы больного, на дорогу выливали воду, которой мыли больного или мылись сами в Чистый четверг, чтобы быть здоровыми. Для избавления от сорняков выдернутые растения бросали на дорогу, в колею, чтобы их топтали люди и скотина. Сходным образом избавлялись от клопов и тараканов – их выбрасывали на дорогу завёрнутыми в тряпку.

Выбрасывание предметов на дорогу могло быть и актом вредительства. С помощью магии наводили порчу или болезнь, оставляя на дороге вещи кого-нибудь. Считалось, что порча или болезнь тогда покинет человека, когда его вещь поднимет кто-то

другой, на кого и перейдёт порча. В связи с этим существовал запрет поднимать на дороге найденные вещи и даже прикасаться к ним. Чтобы испортить свадьбу, подкладывали или закапывали на дороге яйцо, старый веник, стручок с девятью горошинами.

Предметы оставляли на дороге и в целях защиты. Например, воду, настоянную на листьях дерева, на которое сел первый пчелиный рой, выливали на дорогу, чтобы по ней прошёл скот, для усиления его молочности и плодовитости. Удачу сулила найденная на дороге подкова. В свадебном и крестильном обрядах по пути от дома в церковь на дорогу бросали хлеб с солью в качестве оберега. Во время похорон по пути к кладбищу на дороге сыпали мак, зерно или сено, чтобы предотвратить возвращение покойника домой.

На Руси практиковалось и перегораживание дороги. В свадебном обряде при возвращении молодых от венца дорогу перегораживали брёвнами, лентами, требуя от жениха выкупа за право проезда свадебного поезда.

Подметание дороги использовалось в охранительных и очистительных целях. Дорогу подметали перед процессией, носившей икону Казанской Божьей Матери, или перед молодыми на разных этапах свадьбы, чтобы их не коснулась порча.

Связь дороги с потусторонним миром и семантикой пути делают её местом, где узнаётся судьба человека. На святки девушки выбрасывали со двора на дорогу башмак, наблюдая, в какую сторону носком он упадёт. Накануне Ивана Купалы девушки находили на дороге подорожник и обращались к нему со словами: «Подорожник, подорожник, ты сидишь на дороге, видишь старого и малого, скажи милого моего». После этого подорожник срывали и на ночь клали под подушку.

Встреча на дороге с различными людьми и животными служила добрым или злым предзнаменованием: удачу сулила встреча с коровой, волком, с человеком, несущим полные вёдра; неудачу – встреча со священником, беременной женщиной, похоронной процессией, человеком с пустыми вёдрами, зайцем, змеей, сорокой, вороной.

В свадебном, крестильном и похоронном обрядах имел значение выбор дороги, по которой следовало ехать. Например, свадебный поезд после венчания должен был ехать другой доро-

гой, чтобы сбить с пути смерть, болезни и несчастья; по этой же причине другой дорогой должны возвращаться крёстные с ребёнком после крещения. Похоронная процессия должна двигаться на кладбище кружной дорогой и без остановок, чтобы покойник не возвращался домой.

Существовали определённые запреты и обереги на дорогу. Запрещалось строить дом на том месте, где была дорога, так как в таком месте беспокойно будет жить. На дороге нельзя сидеть, громко петь или кричать, справлять естественные надобности, так как считалось, что это делают «лешему на стол». Будучи общим местом для людей и нечистой силы, дорога символически разделялась на две половины: правую – для людей и левую – для потусторонних существ и зверей.

Распространёнными были дорожные обряды выворачивания. Заблудившись в лесу, путник переобувал лапти с левой ноги на правую, а одежду выворачивал наизнанку. То же проделывали, когда шли искать пропавших в лесу детей (или домашних животных). Сейчас, встретив по дороге черную кошку, суеверные граждане российских городов перекладывают сумку в другую руку, а если идут с кем-нибудь вместе, то меняются местами. Обряды с выворачиванием / переворачиванием совершали тогда, когда требовалось найти дорогу, вступить в контакт с олицетворявшими ее силами и персонажами, т.е. это средство, позволяющее перейти в мир дороги.

4. Элементы мифа, формируемого данной мифологемой (система образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов). Дорога является местом появления мифологических персонажей. Представления об особых демонах, связанных с дорогой, у славян не слишком многочисленны: *встречник* и *путник*, *царь дорожный* и *царица дорожная*. На дороге обитает нечистая сила, пугающая путников по ночам, останавливающая лошадей. Особенно часто на дороге появляются демоны, сбивающие человека с пути: леший, блуд, дика баба. Преимущественно на дороге подстерегает людей *страх* в виде человека или животного. Проклятые люди по ночам выезжают на дорогу и предлагают путнику подвезти его. Кто к ним сядет, останется у них навсегда. Черти являются на дороге человеку в виде солдата, егеря, они ездят на самоубийцах или в облике барина на

тройке. Чёрт может подстергать человека на дороге в виде заблудившегося барашка, поросёнка, петуха. Попытки положить такое «животное» на телегу оканчиваются неудачей, лошадь не может тронуться с места, а обернувшийся животным черт смеётся и исчезает при упоминании имени Божьего. Духи болезней и смерти могут пересекать дорогу человеку перед заболеванием или кончиной его самого или его родных. Известны также представления об особых тропах домового и лешего, ступив на которые человек сбивается с пути или заболевает. Чтобы защититься от них, надо перевернуть в обуви стельки.

Поверья о дороге как о месте контактов с нечистой силой нашли отражение не только в фольклоре, но и в художественной литературе:

— *А ты вот, дедуля, неужто не боишься по дорогам ходить? Как же ночью-то? Не встречал ли лешего?*

— *Ой, встречал! — говорит чеченец. — Совсем близко видел, вот как вас, к примеру... И ведь небольшой такой. Может мне по пояс али по титьки будет. Весь будто из старого сена свалян, глазки красным горят, а на ногах — ладоши. И он этими ладошами по земле притопывает да приговаривает: тяп-тяпа, тяп-тяпа, тяп-тяпа ...Ой и бежал же я!.. Не знаю, как и дома очутился... (Т. Толстая «Кысь»).*

5. Связанная с мифологемой идиоматика (афористика) и ее интерпретация. Рассмотрим характер реализации семантической структуры слова *дорога* в составе устойчивых сочетаний.

Скатертью дорога – выражение связано со свадебным обрядом: перед отъездом к венцу невеста, желавшая, чтобы сёстры её поскорее вышли замуж, должна потянуть за скатерть, которой накрыт стол, т.е. как бы потянуть за собой в дорогу и своих сестёр. Кроме этого, в представлении россиян чище, глаже, ровнее хорошей холщовой или тем более шёлковой скатерти ничего на свете не могло быть. Дороги же в старой Руси не отличались ни чистотой, ни гладкостью. Ездить по ним было истинным мучением, и лучшего пожелания, как скатерть, хозяин не мог сделать уезжающим гостям. Долго сохранялся обычай махать платочком вслед уезжающим, чтобы путь «лежал скатертью, был ровен и гладок». Выражение *скатертью дорога* первоначально употреблялось только как пожелание счастливого пути, но со вре-

менем стало употребляться и иронически, в значении «иди куда угодно», «убирайся».

Дорога к храму – слово храм здесь понимается не только в религиозном смысле, в переносном значении смысл этой фразы примерно такой: всякая дорога должна вести к какой-то высокой цели, к нравственному совершенствованию.

Чёрная кошка дорогу перебежала – выражение связано с приметой. Считалось, что перебежавшая дорогу чёрная кошка может навлечь на человека неудачу. Чтобы избавиться от такого «сглаза», надо или повернуться вокруг своей оси, то есть начать путь заново, или, разломив на две части прут, бросить его в разные стороны, то есть разомкнуть замкнутую кошкой дорогу, снова освободить эту дорогу для себя, сделать её открытой и чистой. Скрестить пальцы, то есть прибегнуть к помощи символического креста.

Идти на все четыре стороны – куда угодно, в любом направлении. Выражение происходит от древних магических обрядов: оберегаясь от опасности, перед дорогой кланялись на все четыре стороны, всем четырём ветрам.

Все дороги ведут в Рим – иметь направление куда-нибудь. Средневековая поговорка, вошедшая в нашу литературную речь, вероятно, из басни Лафонтена «Третьейский судья, брат милосердия и пустынный». Эта фраза, дошедшая до нас из глубины веков, сегодня имеет образное значение, но в древности понималась в буквальном смысле. В античные времена все дороги действительно вели в Рим.

Туда и дорога – выражение отражает представления людей о предопределённости жизненного пути. Для сознания носителей традиционной культуры жизненный путь каждого человека от рождения до смерти полностью предопределён высшими силами. Можно предположить, что идиома *туда и дорога* – это как раз то, что кому-либо написано на роду, его судьба. В современном языковом сознании это выражение оказалось переосмысленным. Сейчас этот оборот служит для выражения отрицательного отношения к лицу, с которым произошло нечто неблагоприятное, или употребляется в значениях *так и надо, нечего жалеть, не стоит о том думать*.

Тебе дорога, нам другая (идти своей дорогой) – формулы берега. Назначение таких формул состояло в том, чтобы закрепить размежевание пространства между людьми и нечистой силой и тем самым защитить человека от опасности. Значение выражения в современном языке – *по избранному пути*.

Проложить себе дорогу – выражение следует понимать как номинацию направления жизненного пути, в современном употреблении – создать благоприятные условия для успеха, добиваться определённого положения в жизни.

Дороги разошлись – в современном употреблении – прекратились близкие отношения с кем-либо, связь, общение из-за несовпадения взглядов, интересов, образа жизни.

Древний быт, языческие и христианские верования, связанные с мифологемой *дорога*, нашли отражение в многочисленных пословицах и поговорках: *домашняя дума в дорогу не годится, одному ехать – и дорога долга, умный товарищ – половина дороги, кто едет скоро, тому и в дороге не споро, свой не свой, а на дороге не стой, на битой дороге и трава не растёт, по кривой дороге вперёд не видать, при дороге жить – всем не угодить, что найти суждено – на дороге лежит* и др.

6. Трансформация семантики мифологемы: забвение, переосмысление, рождение новых смыслов.

Если сравнить функционирование мифологемы *дорога* в традиционной народной культуре и в современном культурном пространстве, то можно обнаружить некоторые различия. Например, утрачены такие функции дороги как места проведения обряда, ритуала и связь дороги с потусторонним миром. Дорога как место гадания частично сохраняется лишь в сельской местности (девушки гадают, выбрасывая валенок за ворота на дорогу). Многие традиции, связанные с дорогой, сегодня переосмысливаются. Сохранилась традиция «присесть на дорожку», но имеет она сейчас чисто практический смысл: подумать перед дорогой.

Среди пожилого населения популярны короткие заговоры «на дорогу»: *«Мать Божия, благослови меня в путь, а сама со мной будь. Я в пути. Спаситель впереди, Мать Божия со мной, святые Апостолы за мной. Ангел навстречу. Господь на пути. А отец Никола Чудотворец со мной в пути. Аминь»*. Принято не мести и не мыть пол после проводов родных, чтобы «не

замывать след». В сельской местности частично сохранились похоронные обряды: «за покойником замывают пол», «бросают на дорогу перед похоронной процессией цветы или сосновые ветки». В традиционной народной культуре был обычай бросать на дорогу еловые ветки, чтобы умерший «шёл» в мир иной по чистой дороге, так как ель считалась чистым деревом. После похорон ветки собирали, а затем сжигали, уничтожая таким образом следы умершего. В современном культурном пространстве в этом обряде отсутствует сакральный компонент.

Кроме того, для современного человека наиболее актуальны концепты дороги как сферы неустроенности, дорога считается символом всяческой дезорганизации и беспорядка. В качестве примера приведём высказывания разных людей о дороге: *«В России две напасти: дураки и дороги»*; *«В России нет дорог – только направления»*; *«Если в пять вечера вы попали в дорожную пробку, лучшее, что вы можете сделать, – набраться терпения и постараться не попасть в шестичасовые новости»*; *«Если вы научились разворачивать и складывать карту автомобильных дорог, вы без труда научитесь играть на аккордеоне»*; *«В современной России две беды: пешеходы на проезжей части и автомобили на тротуарах»*.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что современные жители России отказываются видеть дорогу как освоенную культурой зону. Более того, русской национальной чертой всё более становится мифологема «плохих дорог».

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М., 1989.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2004.

Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М., 2002.

Коновалова Н.И. Этносоциоллингвистика. – Екатеринбург, 2006.

Лаврентьева Л.С., Смирнов Ю.И. Культура русского народа: обычаи, обряды, занятия, фольклор. – СПб., 2004.

Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М. Мокиенко. – М., 2005.

Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого – М., 1995. – Т.1.

Словарь современного русского литературного языка. В 20-ти тт. – М., 1993. – Т.4.

Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – М., 2001.

Фразеологический словарь. Серия: энциклопедия русского языка. – М., 2004.

©Кашина Н.В., 2011

Т.М. Кирилова
Екатеринбург

Современные подходы к преподаванию русского языка

Ключевые слова: методика обучения русскому языку в 6 классе, уровни обучаемости школьников, тесты.

Современный образовательный процесс характеризуется общей направленностью на дидактические системы гуманно-личностной ориентации, одна из главных задач которых состоит в том, чтобы не только дать знания учащимся, но и пробудить личностный мотив, привить интерес к обучению, тягу к самосовершенствованию.

В связи с этим выявлена тенденция перемещения акцента с методов, обеспечивающих процесс усвоения знаний, на совокупность методов, позволяющих обеспечить общее развитие личности учащихся и гарантированно обеспечить доступность, качество и эффективность образования.

Основой для отбора оптимальных методов и приёмов обучения русского языка на современном этапе обучения стали, во-первых, основные тенденции развития школы; во-вторых, особенности учебной деятельности, ведущей для учащихся определённого возраста; в-третьих, характеристики применяемых форм обучения в системе образовательных технологий.

Следовательно, в структуре современного урока русского языка должны обязательно присутствовать такие компоненты:

1. Диагностика уровня усвоения материала и отбор обучаемых в группы с однородным уровнем уже имеющихся знаний.

2. Мотивация и организация учебной деятельности учащихся. Основная задача учителя – привлечение учащихся к занятиям познавательной деятельности и поддержка этого интереса.

3. Действие средств обучения. Этот этап и есть собственно процесс обучения, на котором происходит усвоение учебного материала учеником при взаимодействии не с учителем, а со средствами обучения.

4. Контроль качества усвоения материала, причём индивидуального.

Учитывая характеристику применяемых на уроке элементов образовательных технологий, можно выделить наиболее оптимальные формы обучения:

- парная и групповая работа, обучение в малых группах, разноуровневое обучение;
- интегрированные уроки;
- игровые формы обучения;
- индивидуальные образовательные траектории освоения программы для одарённых детей в условиях урока [Амяловская 2003: 270].

Выбор инновационных подходов к построению урока обусловлен рядом факторов. Прежде всего это возможность введения инновации в классно-урочную систему обучения русскому языку. Такой инновацией мы считаем уровневую дифференциацию.

Термин уровневая дифференциация вошёл в педагогический обиход сравнительно недавно, вместо термина внутренняя дифференциация, что обусловлено некоторыми особенностями нового подхода. Традиционно дифференцированный подход основывался на психолого-педагогических различиях учащихся, при этом конечные цели обучения остаются едиными для всех обучаемых, а для многих непосильными. Однако уровневая дифференциация – это технология обучения в одном классе учащихся с разными способностями, поэтому необходимо изучение особенностей мыслительной деятельности разных групп учащихся, разработки инструментария оценки уровня развития учащихся [Гостева 2007: 215].

В исследованиях учёных-психологов и методистов описаны основные когнитивные типы учащихся, их проявление в процес-

се обучения, методы обучения, соответствующие этим когнитивным типам А.Н. Капиносов предложил в качестве оснований для выделения уровней взять «темп овладения материалом» и «способность применять усвоенные знания и умения» [Капиносов 1990: 38].

Подробно характеризует уровни обучаемости Т.М. Орлова – учёный-дидакт. Вообще обучаемость – характеристика психики ученика, которая представлена резервами его развития; индивидуальные показатели качества и скорости усвоения знаний, умений в процессе обучения. В основе обучаемости лежит уровень развития познавательных процессов (мышление, восприятие, внимание, память, воображение, речь). Предлагаются три уровня.

Первый уровень обучаемости учащихся

Творческий	Творческий (скрытый)
Учащиеся обладают многосторонними способностями; работают быстро; испытывают непрерывную потребность в умственном труде; обобщают, не имея никакой дополнительной информации; умеют конструировать материал; рассматривают один и тот же факт с разных точек зрения; свободно «встраивают» новые знания в систему уже сложившихся знаний; содержательно высказывают идею; самостоятельно готовят доклад; расширяют самостоятельную деятельность при выполнении творческого задания; формируют новые обобщения; умеют сопоставлять и критически анализировать; подбирают методы предстоящей работы; с большим интересом расширя-	Учащиеся легко генерируют идеи; оригинальны в мышлении; мобилизуют знания и умения на деятельность; обладают разными видами обобщающих приёмов; умеют ассоциировать аналогичные связи; обладают большим словарным запасом; пытаются получить пробные выводы; не всё используемое на уроке переходит в развитие личности; легко объясняют материал; свободно видят разные связи; испытывают трудности во встраивании новых знаний в старые; свободно свёртывают знания, но в развёртывании испытывают трудности; применяют информацию в разных формах учебной деятельности, но она несистемная; недостаточный самоконтроль; избегают ситуацию, где требуется

ют и углубляют знания в ин- большая умственная нагрузка. тересующей его области.

Второй уровень обучаемости – продуктивный

Учащиеся этого уровня имеют следующие характеристики:

- обладают прочными знаниями и умениями всех умственных действий, развивающих творческую индивидуальность;
- осознают цель, понимают возникшую проблему;
- планируют содержание, структуру и проектируемые результаты деятельности;
- умеют проводить тщательный анализ учебной задачи;
- легко составляют план пошаговых действий;
- уверенно проверяют правильность заданий;
- многосторонне подходят к изложению, переводя его в сочинение, используют основы творческой логики;
- распространяют знания на большую совокупность объектов;
- выделяют сущность явлений;
- умеют выбрать оптимальные пути решения;
- путаются самостоятельно подготовить выводы;
- моделируют ход суждений на основе информации;
- имеют знания и умения по самообразованию и самообучению.

Третий уровень обучаемости – репродуктивно-творческий

Учащиеся этого уровня имеют следующие характеристики:

- стремятся к выделению главного, обобщению, сравнению, доказательству, опровержению, однако, конструкциями систем умственных действий не владеют;
- умеют делать простые обобщения, выводы;
- овладение материалом в том же объёме и порядке, в каком изложено в учебнике, не внося нового;
- отчётливо осознают воспроизведение материала;

- учебные задания выполняют первоначально на уровне копирования и воспроизведения, но в процессе закрепления проявить собственное отношение к фактам не могут, а в ходе обобщающего контроля поднимаются на новый творческий уровень;

- свободно переносят знания с одного явления на другое, но не широко;

- предпринимают попытку открыть новое знание, классифицируя информацию, но небольшую по объёму;

- умеют проводить опытно-экспериментальную работу на основе плана, но разработать план поисковой работы самостоятельно не умеют;

- принимают активное участие в решении задач разными способами, но самостоятельно дополнить задачу и преобразовать её не могут;

- ведут уверенный рассказ подробно, сжато;

- умеют с несколькими информационными источниками сразу, выбирая, систематизируя и конструируя информацию.

Таким образом, дифференцированный подход связан с реализацией индивидуального подхода к учащимся на основе знания их способностей, возможностей максимального развития на всех этапах обучения. Принцип дифференциации – ведущий психолого-педагогический и принцип обучения, обеспечивающий качество и эффективность личностно-ориентированного образования [Орлова 2007: 107].

Следует отметить принципиальное отличие нового подхода – уровневая дифференциация основывается на планировании результатов обучения: выделении уровня обязательной подготовки и формирование на этой основе повышенных уровней овладения материалом. Ученик, учитывая свои способности, интересы, потребности получает право и возможность выбирать объём и глубину усвоения учебного материала, варьировать свою нагрузку при обучении. Достижение обязательных результатов обучения становится при таком подходе тем объективным критерием, на основе которого может видоизмениться ближайшая цель в обучении каждого ученика: или его усилия направляются на овладение материалом на более высоких уровнях, или про-

должается работа по формированию важнейших базовых знаний и умений. Всё это приводит к тому, что дифференцированная работа приобретает реальный смысл и для учащегося, и для преподавателя. Увеличивается возможность работы с сильными учащимися. Но для успешного и эффективного осуществления уровневой дифференциации необходимо выполнять *ряд важных условий*:

- открытость уровневой подготовки является механизмом формирования положительных мотивов учения, сознательного отношения к учебной деятельности;
- уровневая дифференциация осуществляется в силу того, что, предлагая учащимся одинаковый объём материала, мы устанавливаем различные уровни требований к его усвоению;
- в обучении должна быть обеспечена последовательность в продвижении учащихся по уровням (трудности в учебной работе были посильными, соответствующими индивидуальному темпу овладения материалом на каждом этапе обучения);
- добровольность в выборе уровня усвоения и отчётности усиливает эффективность дифференцированного обучения.

Именно такой подход позволяет формировать у учащихся познавательную потребность, навыки самооценки, планирования и регулирования своей деятельности.

Уровневую дифференциацию можно организовать в разнообразных формах, которые зависят от индивидуальных подходов преподавателя, от возраста учащихся и т. д. В качестве основного пути осуществления дифференциации обучения предлагаю организацию мобильных групп. Деление на группы осуществляется, прежде всего, на основе критерия достижения уровня обязательной подготовки. Работа этих групп может проходить в рамках обычных занятий. Предлагаемый подход имеет ряд преимуществ перед традиционным методом обучения – он даёт преподавателю чёткие ориентиры для отбора содержания дифференцированной работы и позволяет сделать её целенаправленной. Процесс уровневой дифференциации – это реализация системы последовательного от этапа к этапу углубления познания, выполняемой школьниками на основе индивидуальных дифференцированных заданий, упражнений с ориентацией

на уже достигнутый и перспективный уровень углубления их учебной деятельности. Используя на практике уровневую дифференциацию, мы создадим ситуацию успеха для каждой личности. По мнению Т.М. Орловой, «ведущим звеном нарастания творческого потенциала учащихся является создание специальных условий для целенаправленного перехода в учебном процессе их творческой деятельности в исследовательскую. Занятия по ликвидации пробелов знаний и коррекции умственных действий строятся не на типовых учебных задачах, а поисках творческих, проблемно-исследовательских, экспериментально-исследовательских задач. Это требование весьма важно: учащиеся могут почувствовать «вкус успеха», обретая уверенность в своих силах» [Орлова 2007:118].

Особое значение для внедрения в практику форм и приёмов дифференцированного обучения имеет организация предметного содержания учебного материала. Важное значение имеют разноуровневые дидактические материалы, включающие учебные задания для самостоятельной работы. Их можно разделить по логическим основаниям:

- по методу самостоятельной работы учащихся (наблюдения, упражнения, работа с текстом учебника);
- по звеньям учебного процесса (задания на восприятие, систематизацию, закрепление и повторение учебного материала);
- по характеру познавательной деятельности учащихся (репродуцирующие и творческие задания);
- по характеру руководства (подробное или менее подробное инструктирование).

Первый уровень заданий (А), предложенный в методическом комплексе под редакцией М.М. Разумовской, П.А. Леканта, авторы: С.И. Львова, В.В. Львов и др., – базовый. Задания включают систему опор, алгоритм выполнения и ключ. Второй уровень (В) – повышенный, задания предлагают лишь частичный алгоритм выполнения, ключ отсутствует. Третий уровень (С) – высокий, задания ориентированы на полную самостоятельность при выполнении [Разумовская, Лекант 2005: 57].

Промежуточный контроль целесообразно проводить на основе уровневой дифференциации (по уровням - А, В, С). Итоговая

контрольная работа (диктант, изложение, сочинение, тест) по завершению изучения раздела предполагается единой для всех с целью осознания уровня своих личных достижений на фоне единой шкалы измерения.

Мы разработали два уровневых теста, позволяющих

- уменьшить стресс учеников, так как уровень задания он выбирает сам в соответствии со своим уровнем усвоения тем;
- гуманизировать контроль: перенести цели контроля с выяснения того, что он не знает, на контроль того, что он знает;
- сориентировать учеников на творческое усвоение материала;
- проверить сформированность основных (базовых) умений;
- определить умение использовать знания в усложнённой, но знакомой ситуации;
- выявить умение применять типовые знания и умения в новой ситуации (творческая работа).

Промежуточный тест по русскому языку (6 класс)

A1. В каком слове букв больше, чем звуков?

- 1) лестница;
- 2) съёмка;
- 3) семья;
- 4) заяц.

A2. В каком ряду в обоих словах пропущена безударная проверяемая гласная корня?

- 1) б..лкон, выр..сла;
- 2) т..жёлый, трен..р;
- 3) д..ван, пож..леть;
- 4) сл..варь, пом..ститься.

A3. В каком ряду в обоих словах пропущена одна и та же буква?

- 1) ч..рный, крыж..вник;
- 2) про..ьба, ра..чертить;
- 3) об..езд, июл..ский;
- 4) г..тара, соб..ру.

A4. Какое слово состоит из приставки, корня, одного суффикса и окончания?

- 1) возница;

- 2) домовой;
- 3) подводный;
- 4) запад.

А5. Какая пара слов является словосочетанием?

- 1) задача трудна;
- 2) около компьютера;
- 3) вышел из лесу;
- 4) приставки и суффиксы.

А6. В каком предложении вместо слова *НЕВЕЖДА* нужно употребить слово *НЕВЕЖА*?

- 1) Он был полным невеждой, ничего не читал.
- 2) Это был грубый, невоспитанный человек, невежда.
- 3) Невежда так же в ослепленье бранит науки и ученье.
- 4) В математике он был невеждой, зато разбирался в футболе.

А7. В каком предложении знаки препинания расставлены неправильно?

- 1) Спой светик, не стыдись!
- 2) Всюду была тишина: в доме, во дворе, в саду.
- 3) Пошёл мелкий снег и вдруг повалил хлопьями.
- 4) Вы, конечно, любите праздники.

Прочитай предложения (1)-(3) и выполни задания В1-В3, С1.

(1)Вода в озере почти не шевелилась.(2)Низко над водой около берега, на ветке лозняка сидел зимородок.(3)Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала.

В1. Из предложения (2) выпишите предлоги.

В2. Укажи номер предложения с вводным словом.

В3. Укажи номер предложения с пунктуационной ошибкой.

С1. Докажите, что предложения (1)-(3) составляют текст. (Ответ должен быть полным.)

Итоговый тест по русскому языку (6 класс)

А 1. Раздел науки о языке, изучающий слово как часть речи, называется:

- А) фонетика;
- Б) лексика;
- В) морфология.

А 2. Сколько букв и звуков в слове ЯСНАЯ:

- А) 5букв, 6 звуков;
- Б) 6 букв, 7 звуков;
- В) 5 букв, 7 звуков;
- Г) 5 букв, 5 звуков.

А3. Найди слово, в состав которого входит корень, суффикс, окончание:

- А) весёлый;
- Б) велокросс;
- В) серьёзно;
- Г) квасок.

А4. Какое слово образовано путём сложения сокращённых слов:

- А) комбайнёр;
- Б) комбинат;
- В) компас;
- Г) комбат.

А5. Укажи ряд, в котором во всех словах на месте пропуска пишется буква И:

- А) ум...реть, подп...реть;
- Б) разб...рать, заж...гание;
- В) подп...рать, расст...лить;
- Г) бл...стеть. проб...раться.

А6. В каком ряду в суффиксах обоих имён прилагательных на месте пропуска пишется две буквы НН:

- А) комари...ый писк, торжестве...ое собрание;
- Б) сови...ый крик, телефо...ое общение;
- В) родстве...ые отношения, традицио...ая встреча;
- Г) пря...ый вкус, болезне...ые ощущения.

А7. Найди предложение с непереходным глаголом:

- А) Смелые воробьи с рук клевали крошки хлеба.
- Б) Светлая полоска на западной стороне неба быстро

меркнет.

- В) Всегда надо говорить правду.

Г) Дедушка рассказал интересную сказку.

А8. Найдите предложение, в котором выделенное слово является причастием:

А) Ребята идут из библиотеки, ДЕРЖА в руках книги.

Б) За дальним бродом в ТАЁЖНОЙ чаще набрёл я на пустую избушку.

В) Речка отступила в сторону, ЗАТЕРЯЛАСЬ где-то глубоко в кустах.

Г) Машина осторожно пробирается по ВЫРУБЛЕННОЙ в скалах неровной грунтовой дороге.

А9. Выбери предложение, в котором употреблено деепричастие несовершенного вида:

А) Окончив институт, Павел уехал домой, к матери.

Б) Снег, растаяв на солнце, превращается в бегущие с гор ручьи.

В) Закончив дела, он заторопился домой, где его ждали.

Г) Жаворонки повисли в воздухе и, нервно трепеща крыльшками, разглядывали шумную улицу.

А10. Найди сложное предложение (знаки препинания не расставлены):

А) Тёплый ветер гуляет по траве гнёт деревья к земле и поднимает дорожную пыль.

Б) Некоторые медведи ложатся на зиму в утёсах гротах и пещерах.

В) На лесных полянках цветёт жёлтая пижма или дикая рябинка.

Г) Солнце висело ярко-красным шаром над землёй а к вечеру начался ураган.

Прочитайте текст и выполните задания В1-В6 и С1.

(1)Однажды случилось несмышлёному воронёнку шлёпнуться из гнезда. 2)Что за переполох поднялся в лесу! (3)Старые вороны носились взад и вперёд, истошно вопили на весь лес, совсем потеряв голову от страха, что кто-нибудь обидит или съест их чёрного, как уголь, долгоносого красавчика, ангелочка!

(4)Маленькая Царевна воскликнула

– (5) *Что-то случилось там нехорошее у ворон!*
– (6) *Какое нам дело до ворон!* – сказал Маленький Принц.
(7) *Но Царевна побежала на крик.* (8) *Как только Маленькая Царевна подобрала воронёнка, старые вороны сейчас же перестали метаться.*

- V1. Какой стиль речи данного текста?
- V2. Определите тип текста.
- V3. Выберите предложение со сравнительным оборотом.
- V4. Укажите предложение с пунктуационной ошибкой.
- V5. Из предложения (3) выпишите деепричастие.
- V6. Найдите предложение, соответствующее схеме:
– П! - а.

C1. Напишите сочинение-рассуждение о том, как вы относитесь к поступку Маленькой Царевны и как сами проявляете заботу о животных?

Следовательно, уровневая дифференциация позволяет организовать учебный процесс таким образом, чтобы каждый обучаемый испытывал ситуацию успеха в учебной деятельности, чтобы он мог видеть свои достижения и хотел ликвидировать пробелы в знаниях, приобрести новые умения, чувствовал «вкус успеха» и уверенность в своих силах.

Литература

Амяловская Н.А. Современные требования к уроку: Методические рекомендации. – М., 2003.

Гостева Ю.Н. Современный урок русского языка. – М., 2007.

Катиносов А.Н. Уровневая дифференциация при обучении математике в 5-9 классах // Математика в школе. – 1990 – № 5.

Орлова Т.М. Основы технологии реализации модели целостного и поурочного развития школы. – М., 2007.

Разумовская М.М., Лекант П.А. Учебно-методический комплект // Русский язык 6 класс. – М., 2005.

©Кирилова Т.М., 2011

В.С. Кучко
Екатеринбург

**Фразеология со значением измены в любви
в русских говорах***

Ключевые слова: картина мира, прямые и не прямые номинации, диалектная и общенародная русская фразеология.

Ситуация любовной измены в русских говорах изображается чаще всего с помощью фразеологических оборотов, чему способствует языковой статус фразеологизма: компоненты устойчивых сочетаний, отражая разные стороны ситуации, вместе создают целую картину; кроме того, фразеологизмы нередко носят экспрессивно-оценочный характер, а само явление в сознании традиционного общества воспринимается с большой степенью экспрессии, поскольку измена считается существенным отклонением от норм морали.

В данной статье русская диалектная и общенародная фразеология со значением любовной измены будет рассматриваться с точки зрения мотивации. Порядок подачи материала будет отражать особенности фразеологизмов как номинативных единиц.

В основе немногочисленных **прямых номинаций** — лексемы *измена*, *изменить*, *(не)верность* и т.п.: пск. *дать измену* [СРНГ 7: 257], н.-печор. *измену делать* [СГНП 1: 289], нижегор. *приневерить жену* ‘заподозрить жену в неверности’ [СРНГ 31: 311] и др.; ср. с противоположным смыслом: р. Урал *содарживать себя в верности* ‘соблюдать супружескую верность’ [СРНГ 39: 214].

Выделяются фразеологизмы, номинирующие измену через **перенос родового обозначения на видовое**. В них разрабатывается мотив нарушения закона: пенз., олон. *закон переступать* ‘нарушать супружескую верность’ [СРНГ 10: 149], омск. *сверху закону жить* ‘изменять супружеской верности’ [ФСРГС:

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

72]. Такие выражения отражают особенности понимания «закона» носителями русских говоров: у слова *закон*, помимо значения ‘справедливость’, есть значения ‘супружество, брачный союз’, ‘муж, жена (первая жена)’, ‘супружеская верность’ [СРНГ: 149]. Это говорит о значимости правовой стороны брака в сознании членов традиционного общества и о понимании измены как серьезного преступления.

Наиболее разработанную и многочисленную группу составляют **непрямые** фразеологические **номинации** любовной измены, среди которых выделяются непредметные метафорические номинации и номинации с предметной символикой.

Перед их рассмотрением необходимо оговорить актантную структуру ситуации измены. В ситуации измены три участника: активный субъект (тот, кто изменяет); пассивный субъект (тот, кому изменяют); скрытый субъект (тот, с кем изменяют; во фразеологизме на него, как правило, нет указаний).

Непредметные метафорические номинации воплощают следующие мотивы: мотив чужого пространства и непрямого перемещения, мотив сжигания, мотив нечистоты.

Мотив чужого пространства и непрямого перемещения. Интерпретируя измену с помощью пространственных образов, носители языка воспринимают ее как уход со «своей» территории и попадание на «чужую». «Своей» территорией при этом выступает пространство, которое активный субъект измены освоил ранее вместе с пассивным, супругом или супругой. Чужая территория, куда вступает активный субъект, внеположена пассивному субъекту и в большинстве случаев определяется через лексему *сторона*, ср. общенар. *ходить на сторону*, сиб. *ходить за стороной* [СРНГ 41: 247], коми *ходить стороной* [БСРП: 645], перм. *за стороной идти, на сторону пойти, стороной жить* [ФСПГ: 149, 279, 122–123], бурят., карел. *иметь сторонку* [СРНГ 41: 248], том., кемер., новосиб., карел. *держат сторону* [ФСРГС: 59]: «Побочник – ушел к другой, сторону держит, и женщин много побочниц, сторону держат, имеют множество мужчин» [ФСРГРК: 71], арх. *гонить сторонку* ‘изменять мужу’ [БСРП: 646], морд. *хлынуть по сторонам* ‘изменить жене’ [БСРП: 645].

Положение в пространстве скрытого субъекта измены определяет и перм. *чужбинкой заниматься*: «Кому поглянется: чужбинкой баба занимается, от своего мужика да под другого готова» [ФСПГ: 130].

Между «своим» и «чужим» пространством проходит граница, пересечение которой является важным свидетельством факта измены, а потому отмечается языком как сопряженное с трудностями и являющееся по сути преодолением препятствия: новг. *скакать (ходить, прыгать) за осек*²: «Сын у ей за осек ходил, изменял женке» [МИСНФ: 240–241], ср. также влг. *за осеки скакать* ‘вести распутную жизнь, развратничать’ [СРНГ 37: 368].

Возможность преодоления активным субъектом границы между пространствами (и его активное желание преодолеть эту границу), подчеркивает метафора моста, выстраиваемого им, ср. новг. *сделать мост кому-л.* ‘изменить, нарушить верность’: «Он тебе мост сделал, вчера Таньку провожал»; «Парень девушке мост сделал, изменил, значит»; «Куды ж ты мужика одного отпустила? Он тебе мост там сделает» [МИСНФ: 240]. Фразеологизм предполагает указание на пассивного субъекта, что можно объяснить наложением на него общей модели *изменить кому-л.* Однако мост делается в сторону скрытого субъекта, из того пространства, которое было общим для активного и пассивного субъектов измены.

Освоение «чужого» пространства активным субъектом измены происходит посредством передвижения по нему, которое осуществляется непрямыми путями, ср. фразеологизмы, отражающие идею неупорядоченного хождения: курск. *колесить* [СРНГ 14: 126], н.-печор. *по подружкам бегать* ‘изменять жене’ [СГНП 2: 179], новг. *забираться в блудню* ‘то же’ [БСРП: 44]. Тот, кто нарушает супружескую верность, получает такие характеристики, как тюмен. *мотунистый* (<*мотаться*) ‘непостоянный, нарушающий супружескую верность (о муже)’: «У ей мужик мотунистый, а уж дети больши» [СРНГ 1: 305], краснояр. *расхожий* ‘неверный (о супруге)’, иркут., краснояр., прибайкал. ‘распутный, развратный’ [СРНГ 34: 302]. Идея отклонения от

¹ Новг., влг., ленингр., калин., твер., калуж. *осек* ‘изгородь, ограда’ [СРНГ 23: 359].

правильного пути содержится в общенар. *ходить налево* ‘изменять в любви’. Вообще, траектория движения — показатель, свидетельствующий о соблюдении/несоблюдении человеком норм морали, ср. общенар. *сбить (совратить) с пути, идти кривой дорожкой, идти обходными путями* ‘прибегать к хитростям для достижения чего-либо’, *без пути* ‘зря, напрасно’; указание на неупорядоченность хождения содержится и в общенар. *распутный, гулящий*. Как замечает Т.В. Володина, мотивы болтания, качания, мотания в славянских языках зачастую лежат в основе характеристик бесцельной, неустойчивой, аморальной жизни [Володина 2007]. Ср. и указание С.М. Толстой на то, что «в славянских языках глаголы “ходить”, “бегать”, “водить”, “гнать”, “гулять” и др. имеют устойчивые сексуальные коннотации и способны приобретать широкий круг значений, покрывающих всю сферу отношения полов – от ухаживания до рождения детей» [Толстая 2008: 329].

Карельский фразеологизм *белку гнать* ‘изменить жене’ [БСРП: 35], с одной стороны, содержит мотив перемещения в пространстве благодаря глаголу *гнать*; с другой стороны, рисует измену как сцену охоты, отсылая тем самым к свадебному сюжету, в котором под образом белки подразумевается невеста, а жених предстает в образе охотника [Гура 1995].

Мотив нечистоты. Нечистота как свидетельство любовной измены выступает во фразеологизме р. Урал *подол нечистый у кого-л.* ‘намёк на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’ [СРНГ 28: 116]. Связанный с мотивом нечистоты мотив низа, появляющийся в указании на подол, подчеркивает греховность именно женской природы (ср. общенар. *в подоле принести* ‘родить ребенка вне брака’). Признак чистоты/нечистоты используется и для характеристики невесты, сохранившей или утратившей девственность до брака; символика нечистоты породила распространенный обычай мазать дегтем ворота девушке, потерявшей невинность до брака или уличенной во внебрачных связях.

Мотив сжигания. Семантика измены в любви может выражаться с помощью фразеологизмов, в основе которых – идея сжигания чего-л.: новг. *сгорела рига (баня, байна) у кого* ‘об измене в любви’: «Твоя рига сгорела, значит, измена тебе»; «У

Маньки-то байна сгорела, Сашка к другой переметнулся» [МИСНФ: 239], новг. *поджечь чужую масленицу* ‘изменить в любви кому-л.’ [НОС 8: 31]. В этих выражениях смысловая нагрузка падает преимущественно на глагол (хотя объект сжигания тоже значим). Ср. и сочетания, в которых смысловое «ударение» ставится на объект сжигания: новг. *собирать голо-вёшки* ‘пережить измену в любви’, новг. *жечь рыжики* ‘изменить в любви’ (они будут подробнее рассмотрены далее, при анализе фразеологизмов с предметной символикой).

В славянской народной культуре сжигание было способом ритуального осуждения [Агапкина 2009]. Измена в любви давала повод для осуждения не только изменника, но и объекта измены, в этом случае ему и сообщалось о сгоревшей риге, бане и др. Фразеологизмы *жечь (сжигать) масленицу* отражают обычай жечь масленичные костры в последний день масленичной недели. Ср. замечание Т.А. Агапкиной: «Выражения типа “жечь + хроним <...>” – наиболее распространенный вариант, описывающий календарный костер» [Агапкина 2002: 586]. Цикл масленичных обрядов у славян был во многом направлен на повышение плодородия, стимуляцию продуцирующей функции, в частности, на укрепление браков, поэтому тема масленичного сжигания могла связываться с семантикой измены. Обрядовому общественному осуждению в это время подвергались все виды нарушения нормы, которые могли повлечь за собой нестабильное функционирование семьи в социуме или демографический сбой³: так, в разные дни недели на масленице, например, при сжигании масленичного чучела или других ритуальных вещей в масленичных кострах деревенская молодежь выкрикивала обвинительные осуждающие реплики в адрес односельчан, причем объектом критики часто становились супружеские измены и внебрачные связи [Агапкина 2004: 194—199]).

³ Например, широко распространенный среди славян обычай волочения бревна («колодки»), принимающий различные формы (первоначально это привязывание к ноге человека, который подвергался осуждению, небольшого бревна), относился в основном к не вступившей вовремя в брак молодежи, но также и к холостякам, старым девам, девушкам, утратившим девственность до брака или родившим внебрачного ребенка (см. [Агапкина 2002: 203–244]).

Кроме того, выражение *поджечь чужую масленицу* за счет значимого семантического компонента — слова *чужой* — заставляет предполагать здесь идею посягания на чужое.

В основе **фразеологизмов с предметной символикой** лежит следующая ситуация: активный субъект измены разными способами передает, а пассивный — получает пищу, одежду, предметы быта или иные вещи, наделенные, с точки зрения носителей языка, признаками, говорящими об измене. «Шифровка» через предметные символы объясняется тем, что прямое указание на измену в любви язык склонен подвергать эвфемизации. Кроме того, устойчивые сочетания со значением измены сходны по структуре, образности и семантике с формулами, выражающими отказ при сватовстве; у некоторых из них семантика измены развивается из семантики отказа ('отказать жениху' = 'изменить', 'получить отказ в сватовстве' = 'пережить измену'), а акт отказа сопровождается вручением различных предметов, символизирующих решение невесты, стороне жениха. Такой параллелизм иллюстрирует общность восприятия измены в любви и отказа при сватовстве как социальной неудачи, случившейся с человеком, которому изменили или отказали, и закрепляет ее общим символьным кругом.

Символику измены в любви, как и символику отказа при сватовстве, могут выражать:

– наименования обуви (в частности, лаптей): пск. *делать (сделать) лапти кому* [БСРП: 352], том. *лапти плести* [СРНГ 27: 118], новг. *лапти сплести* 'изменить в любви кому-либо' [СРНГ 40: 161], *сделать (подвесить, подарить) лапти* кому 'изменить' [МИСНФ: 239–240]. Активный субъект измены, предлагая пассивному субъекту измены лапти, тем самым указывает ему на обратную дорогу; также с лаптями связана семантика обмана в целом, благодаря идеям обувания и плетения, ср. новг. *обуть в кривые лапти* 'обмануть', влг. *лапти сплести* 'обмануть, ввести в заблуждение'.

– обозначения растений — грибов, ср. новг. *наварить грибов* [СРНГ: 19: 151], новг. *жечь рыжики* кому-л. [БСРП: 588], *рыжиков (рыжики) дать (поднести, сделать, жечь)* кому-л. [СПП: 68], *сварить (нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить) грибы* кому-л. [МИСНФ: 238–239],

пск., арх. *делать рыжники* ‘изменить, нарушить верность’ [СРНГ 35: 305], *рыжик* пск. ‘тот, кому изменили в любви, дружбе’ [СРНГ 35: 305]; репы, редьки, ср. новг. *дать редчину*⁴ кому-л. [БСРП: 560], новг. *сварить репней*⁵ кому-л. ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 239]. Грибы в славянской народной культуре наделяются эротической символикой; для репы и редьки главным мотивационным признаком оказывается то, что из них готовится постная, «пустая» пища.

– названия различных орудий или предметов быта с отгонной символикой: веника: новг. *навязать веников* [БСРП: 77], новг. *прокатить на венике* [МИСНФ: 238]; бороны: *затащить борону на крышу* [МИСНФ: 236]; рогатки: *рогатку дать (давать)* ‘изменить’ [СППП: 65], *рогатку получить* ‘узнать об измене любимой девушки’ [СППП: 65].

– обозначения продуктов горения: *собирать головёшки* [МИСНФ: 241], *получить головёшку* ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237]. Мотив сжигания как мотив, разрабатываемый при выражении семантики измены, был отмечен выше.

– обозначения некоторых пищевых продуктов: *получить блин* ‘пережить измену’ [МИСНФ: 237]. С блином связана символика битья, удара, сопоставляемая с изменой как с видом социальной неудачи: ср. новг. *получить блин* ‘быть побитым кем-л.’, вят. *блинками кормить* ‘наградить пинками’.

Подробный мотивационный комментарий к данным фразеологизмам в связи с рассмотрением формул отказов при сватовстве дан Е. Л. Березович [Березович 2007: 243—277].

Некоторые фразеологизмы с предметной символикой, обозначающие измену в любви, не имеют точных корреляций среди формул отказов при сватовстве.

Так, в число «пищевых» фразеологизмов можно включить выражение новг. *сделать (устроить) ситный* кому-либо ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 240], новг. *ситного тебе* ‘выражение, указывающее на измену в любви’ [НОС 10: 62].

⁴ *Редчина* ‘редька’ [НОС 9, 122].

⁵ *Репня* ‘суп, похлебка из рубленой репы с крупой или мукой; каша из тертой репы’ [СРНГ 35, 71].

Слово *ситный* в общенародном языке обозначает хлеб, испеченный из просеянной сквозь сито муки. Рассмотрим разные варианты интерпретации этого фразеологизма.

Согласно одному из них, выражение *сделать ситный* можно сопоставить с фразеологизмами с семантикой битья, наказания, содержащими «пищевые» лексемы, ср., например, *испечь (дать) булку* ‘ударить’ [СРНГ 3: 271], *надавать киселей* ‘надавать шлепков’, *киселем накормить, киселя поддать* ‘ударить кого-л. коленом сзади’ [СРНГ 13: 227], *спечь* ‘побить кого-л.’ [СРНГ 40: 139], *спекли ему пирог во весь бок* ‘побили’ [Даль 4: 296], ср. также анализ системной метафоры «кормить» → «бить» в [Березович 2007: 397] и замечание В.И. Ковалья о том, что при образовании модели «дать + негативно осмысливаемый предмет = побить» нередко используются названия пищи с ложно ориентирующей положительной коннотацией [Коваль 1998: 59]. Включить данное выражение в этот ряд позволяет общая семантика жизненной неудачи, присущая частным случаям переживания измены и наказания битьем, а также идея оскорбления действием, заложенная в актах измены и битья.

Есть и другой вариант «прочтения» изучаемого фразеологизма. Слово *ситный* обозначает хлеб, который ценился дороже и употреблялся реже, чем *решетный*, так как был изготовлен из муки более мелкой, лучшего качества. Отсюда присущие слову *ситный* коннотации чего-то недоступного, редкого, ср. пословицы: *Хоть решетом, да ежесден, а на ситное не надейся!* [Снегирев: 273], *Хоть решетом, да ежесдень, а ситный несытный* [Даль 4: 193]. Ситный хлеб, следовательно, может восприниматься как неспособный прокормить, а передача ситного – как обманное действие или действие, не оправдывающее ожиданий адресата. Возможно, следует учесть также особенности самого акта просеивания муки: мелкие частицы проходят сквозь сито, а крупные остаются в нем; таким образом, вручение ситного можно трактовать как сокрытие части правды, обман, ср. *Правду не ситом сеять* [Даль 4: 193].

Слово *ситный* может функционировать также как метафорическое определение друга в известном выражении *друг ситный*. Особенности его употребления и номинативные параллели к нему рассмотрены Т.В. Горячевой в специальной работе [Горя-

чева 2010], однако мотивация этого выражения остается неясной. С одной стороны, такое обращение к другу подчеркивает, что он является приятным, желанным, дорогим. С другой стороны, выражение включает в себе иронию, ср. *друг ситный, решетом (не) прогрохан* [Даль 4: 96]: скорее всего, это говорится о ненадежном человеке, который не сумел пройти какие-либо испытания для сохранения дружбы. Это подтверждает «обманные» коннотации рассматриваемого слова. В то же время непосредственных мотивационных связей между обращением *друг ситный* и идиомой *сделать ситный* может и не быть.

Кроме того, семантику измены нередко выражают фразеологизмы, содержащие указание на часть тела, которая в сознании славян наделяется «мужскими» признаками и генитальной символикой. Демонстрация таких органов имеет отталкивающую силу, а также воспринимается как оскорбление и унижение адресата [Толстой: 1995]. Сюда относятся выражения со словом *нос*, имеющие значение ‘изменить в любви кому-либо’: пск. *подставить нос* [СППП: 57], новг. *показать (натянуть, сделать) нос кому* [НОС 6: 68], новг. *нос тебе* [НОС 6: 68]. Выбор носа в выражениях такого рода мотивирован тем, что он является передней, выступающей частью тела (Ср. рассмотрение символики носа в славянской традиции, представленное Т.В. Володиной [Володина 2009: 59–62]). В литературном языке смысловую поддержку данным выражениям оказывает фразеологизм *оставить с носом* разг. ‘обмануть, одурачить’, так как измена в любви является частным случаем обмана вообще. Борода в народной традиции тоже наделяется признаками мужественности [Терновская 1995], что важно для понимания выражений новг. *сделать бороду кому* ‘изменить, нарушить верность’: «Изменил тебе Сёмка, бороду сделал», - говорю. А она скраснулась вся» [МИСНФ: 239], новг. *борода тебе* ‘об измене парня или девушки’ [НОС 1: 77].

В литературном языке одним из выразителей значения ‘изменить, нарушить верность’ является фразеологизм *рога наставить*, который считается калькой из немецкого, греческого или французского языка [ИЭС: 598]. В русских говорах фиксируются следующие выражения с этой образностью: пск. *рога наставить кому* [СППП: 65], дон. *надеть ро́ги* [СРНГ 35: 118], новг.

подставить (повесить, ставить) ро́ги кому [МИСНФ: 237]. Важным мотивационным компонентом является символика рогов, связанная с плодородием и мужской силой, поддерживаемая идеей рога изобилия, а также формой и остротой рога [Плотникова 2009; Володина 2009: 134—135].

Некоторые представленные фразеологизмы в своих значениях имеют указание на измену в супружестве, некоторые же имеют значение ‘изменить в любви’ или упоминание о парне или девушке как субъектах измены, что позволяет говорить об обращении внимания и на измены до брака. Интересно отметить, что пространственные мотивы используются преимущественно в тех фразеологизмах, которые обозначают супружеские измены, т. е. более серьезные нарушения этических норм, нежели измены до брака; соответственно, в таких фразеологизмах звучит однозначная нота неодобрения изменника. Именно супружество дает четкое закрепление в пространстве (совместный дом супругов) – и, соответственно, нарушение верности тоже имеет пространственную «конфигурацию». В тех же фразеологических сочетаниях, которые могут быть отнесены к изменам до брака, подчеркивается неудачливость объекта измены.

Литература

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М., 2002.

Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. — М., 2004. — Т. 3.

Агапкина Т.А. Сжигать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. — М., 2009. — Т. 4.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. — М., 2007.

Володина Т.В. «Гулящая»: об одном этнокультурном стереотипе в белорусской традиции // *Język. Człowiek. Dyskurs.* — Szczecin, 2007.

Валодзіна Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал. — Мінск, 2009.

Горячева Т.В. Друг ситный на фоне лексико-семантического поля пищи (к семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов) // *Этимология*. 2006—2008. — М., 2010.

Гура А.В. Белка // *Славянские древности Этнолингвистический словарь*. — М., 1995. — Т. 1.

Коваль В.И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. — Гомель, 1998.

Плотникова А.А. Рог // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. — М., 2009. — Т. 4.

Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. — М., 1999.

Терновская О.А. Борода // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. — М., 1995. — Т. 1.

Толстая С.М. Пространство слова: лексическая семантика в общеславянской перспективе. — М., 2008.

Толстой Н.И. Гениталии // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. — М., 1995. — Т. 1.

Список сокращений и словарей

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008.

Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. — 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882.

ИЭС — Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. — М., 2005.

МИСНФ — Сергеева Л.Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. — Великий Новгород, 2004.

НОС — Новгородский областной словарь. — Новгород, 1992—1995. — Вып. 1—12.

СГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. — СПб., 2008. — Т. 1—2.

СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок. Спб., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. — М.; Л., 1965—. Вып. 1.

ФСРГРК — Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. — Сыктывкар, 2004.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. — Новосибирск, 1983.

ФСПГ — Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. — Пермь, 2002.

©Кучко В.С., 2011

Н.Л. Лебедева
Екатеринбург

Лингвокультурный анализ мифологемы *дом*

Ключевые слова: лингвокультурология, мифологема, языковая картина мира, психолингвистический эксперимент.

1. Семантическая структура «имени» мифологемы (по словарным дефинициям). Семантическая структура слова *дом* в процессе развития русского языка видоизменилась. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *дом* представлено следующими компонентами, которые условно можно разделить на компоненты, трактующий понятие *дом* как строение для жилья и как семью с домочадцами:

1. Строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, изба со всеми ухожаями и хозяйством. Крестьянский дом, изба; южн. хата; княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий, в деревне, усадьба; маленький и плохонький, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка.

2. Семейство, семья, хозяева с домочадцами.

Словарная статья изобилует фразеологизмами, поговорками, приметами и другим богатейшим иллюстративным материалом, который свидетельствует о культурном наследии русского народа: «Если к дому, где больной лежит, бабы проторят дорогу, то ему умереть. И тесен дом, да просторен он. В гостях хороша девка, а дома лучше того. Дом невелик, да лежать не велит. Будь, как у себя дома. Богатому везде дом. Полон дом, полон и рот. Мало тому, у кого много всего в дому». Также объясняются значения однокоренных слов, таких как домосед, домочадцы, домовник, домовый и т.д., и приводятся примеры употребления.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой меняется состав словарной статьи:

1. Жилое (или для учреждения) здание.
2. Свое жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство.
3. (мн. нет). Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования.
4. Чего или какой. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды. (*Д. отдыха. Д. творчества*).
5. Династия, род. (*Царствующий д. Д. Романовых*).

В качестве дополнительных значений указан *Белый дом*:

1) резиденция американского президента в Вашингтоне; 2) в России: главное правительственное здание.

Таким образом, ядро значения остается практически неизменным, но в силу претерпеваемых политических изменений, происходящих в первой, и особенно, во второй половине XX века слово дом приобретает дополнительные смыслы:

- а) добавляются значения слова *дом* как общественного учреждения;
- б) появляется значение слова *дома* как династии, рода;
- в) добавляется понятие *Белый дом*.

Надо сказать, что в данном словаре приводятся две фраземы: *дом вверх дном, мой дом - моя крепость*. По сравнению со словарем Даля это очень мало. Данные фраземы лишены мифопоэтических представлений народа. Причина этого кроется в ломке деревенского уклада, в насильственном лишении человека его народных, религиозных корней. Мы не будем первыми, кто приведет примеры из истории коллективизации в качестве довода в пользу нашей точки зрения.

Дальнейшее развитие значения слова дом показательно в том плане, что в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова в ядро значения слова *дом* выносятся значения «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий»:

1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий.
2. Жилое помещение, квартира; жильё.
3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством.

4. Царствующий род, династия.

5. В составе названий различных учреждений, заведений. (*Д. отдыха. Родильный д. Дом-музей. Д. быта*).

Нам не кажется целесообразным утверждать, что у большинства носителей языка понятие *дом* ассоциируется не со своим домом, то есть не с понятием «квартира, жильё», а со зданием вообще.

Заметим, что за счет появления первого лексико-семантического варианта значение «учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды» перемещается на пункт ниже, но также остается актуальным. Более того, в словарной статье присутствуют в качестве иллюстративного материала устаревшие слова и реалии, переставшие существовать:

◇ В составе названий торговых, общественных и других учреждений, заведений. *Торговый, банкирский д.* (принадлежащий одной семье). *Воспитательный, сиротский д.* (в России до 1917 г.: учреждение для детей-сирот). *Д. призрения; странноприимный д.* (в России до 1917 г.: приют для нищих и странников). *Ночлежный д.* (=ночлежка). *Игорный д.* (в России до 1917 г.: заведение, где играли в азартные игры). *Доходный д.* (частный дом, владелец которого сдавал квартиры внаём). *Жёлтый д.* (=сумасшедший дом). *Д. терпимости; публичный д.* (заведение, где проститутки принимали клиентов).

В сознании современного человека эти понятия уже стали историзмами. Фраземы, связанные с сакральными представлениями народа, также отсутствуют в этом словаре.

Своеобразно представлена народная ментальность в СРНГ, в котором лексема *дом* имеет этнические особенности:

1. В сочетаниях. ◇ *Дом крестовый.* Дом с двумя внутренними пересекающимися капитальными стенами. ◇ *Дом кряжом.* Дом с длинной двускатной крышей. ◇ *Дом связью.* Дом с двумя половинами, разделенными холодными сенями (коридором)

Дополнительное значение – летняя половина избы.

2. Изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками.

3. В сочетаниях. ◇ *На дом кланяться.* Кланяться домашним, членам семьи. ◇ *Дому смотреть.* Свадебный обряд – посещение

родными невесты дома жениха. ✧ *Домами ходить*. Быть знакомыми семьями.

4. Гроб.

5. Урожай хлеба.

6. В игре в бабки – черта, проводимая на шаг или два от кона, за которую нельзя переступить бьющему в кон [СРНГ 8: 116].

Словарь изобилует дефинициями, так или иначе связанными со словом *дом*. Например, хорошая хозяйка, старая дева и жена домового в разных говорах назывались *домахой* [СРНГ 8: 116];

- *домом* называлось условное место в детской игре наподобие пятнашек, где играющие отдыхали и где «отдавать должки» нельзя [СРНГ 8: 111];

- *домач* – это любитель сидеть дома; крестьянин, живущий землею, не уходящий на заработки; экономный, разумный хозяин, умеющий беречь все домашнее; зять, принятый в дом;

- *домашник* – человек, остающийся дома для присмотра во время отсутствия хозяев; хозяйственный человек; домашнее, будничное платье, сарафан;

- *домашнина* – предметы, продукты домашнего производства;

- *домяк* – ближе к дому;

- *домова* – скупая, одинокая женщина-домоседка;

- *домовик* – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой;

- *домовилиха* – добрый или злой дух в образе женщины, живущий в доме;

- *домовница* – работница, батрачка;

- *домовьё* – долбленный из цельного бревна гроб.

Эти однокоренные слова в целом обозначают, во-первых, реалии, имеющие непосредственное отношение к локусу дома, а во-вторых, мифологические верования о нечистой силе.

2. Современные социально-культурные стереотипы, представляющие мифологему. Современные представления о доме во многом десакрализировались. Домом называют свою квартиру, жилище вообще и домочадцев. Гораздо реже встречаются архаичные представления о домовом и способах его за-

дабривания. Это можно объяснить тем, что в основе мифотворчества лежит мифо-ритуальная традиция, которая утрачивается в условиях мегаполисов и частично сохраняется в небольших населенных пунктах, живущих по принципу деревень.

Для конструирования образа дома в сознании современного человека были проведены свободный и направленный ассоциативный эксперименты со студентами-филологами заочного отделения УрГПУ. Испытуемым предлагалось дать ассоциации на слово-стимул *дом*, а затем фразеологические ассоциации. В результате были получены следующие ответы:

- домового задабривают, чтобы он не крал ложки. Для этого на ночь на печи оставляют миску, наполненную свежим молоком, сливками или сметаной. Если ложки до этого пропадали, то перестанут пропадать. Наутро все потерянные ложки будут на месте;

- если домовому хозяева нравятся, если они трудолюбивые, то он будет помогать, прибираться на кухне. А если хозяева не нравятся, то беда им, каждую ночь будет воровать у них нужные в быту вещи, такие как расческу, ложки, сковороду, веник и т.п.;

- домовый всегда все делает ночью; его никто еще не видел;

- при переезде в новое жилище домового кличут с собой, иначе счастья и достатка в новом доме не будет. Берут веник и подметают по углам, заматавая на совок сор, приговаривают какие-то слова, сор и веник первыми вносят в новый дом. Считается, что домовый прицепится к венику и переедет с ними, если полюбил хозяев.

- дом – это здание, сделанное из дерева или чего-то еще; жилище; изба;

- дом – это семья, родные, мама и папа;

- мой дом – моя крепость; в гостях хорошо, а дома лучше; легка дорога домой;

- «под крышей дома твоего»; «родительский дом, начало начал, ты в жизни моей надежный причал»; «вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой», «Дом-2», домовенок Кузя.

Как видим, образ *дома* претерпел трансформацию. В основном он отражает профанные представления о доме как о жилище. Из множества населяющих дом духов сохранились весьма редуцированные знания о домовом, функции которого значительно сократились. Выяснилось, что большая часть представлений о доме навязаны массовой культурой, эстрадой, телевидением (песни Льва Лещенко «Родительский дом» и «Крыша дома твоего» Юрия Антонова, реалити-шоу «Дом-2», мультфильм «Домовёнок Кузя»).

3. Сюжеты-истоки (мифологические, обрядовые, фольклорные, бытовые). Истоки современных представлений о доме обнаруживаются в славянских народных верованиях.

Можно выделить несколько блоков культурной информации, связанной с домом [Славянские древности 1995]:

I. Дом выступает как локус исполнения семейных обрядов, обрядов, связанных с народным календарем, а также свадебные, погребальные и т.д. Например, в Родительский день ждали появления душ умерших в этой семье (дедов). Накрывали на стол праздничный ужин и не ели, пока, по их предположению, не закончится трапеза дедов. Под красный угол, часть мужского пространства дома, ставят угощение для дорогих гостей, сядят жениха с невестой, там же ставят гроб с покойником.

II. Дом – место сакрально гарантированное, поэтому оно не должно подвергаться воздействию со стороны сакрально негарантированных пространств (двор, баня) и людей, таящих опасность. Например, полагалось, что нечестная девушка (не невинная) приносит в дом несчастье; если она первой войдет в дом на Рождество, то все в доме пойдёт трещинами, начиная со стен и утвари заканчивая членами семьи. Дом противопоставлялся внешнему миру по признаку «свой-чужой». Поэтому он являлся объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты ограждения от злых сил. Например, в ночь перед 1 мая и на Троицу принято защищать дом от ведьм зеленью, которой украшают «пограничные» пространства: ворота, двери, окна. Были широко распространены всевозможные окропления, окуривания, обношения, обегания дома. При переезде в новый дом углы окроплялись святой водой для защиты дома от злых сил, с этой же целью за косяки окон и дверей помещались ост-

рые предметы (шило, нож, обломок косы, зеркала). Для защиты от стихийных бедствий косяки мазали молоком. Для защиты от молний на воротах рисовали кресты смолой, мелом, тестом. Для защиты от блох в Чистый Четверг хозяин дома обегал дом голым, выметал сор из дома. Существовало огромное количество запретов, исполнение которых гарантировало дому благосостояние, здоровье домочадцев и скотины. Вот некоторые из них: нельзя мести несколькими вениками, иначе сметешь все богатство; нельзя свистеть, иначе «высвистишь» все из дома; нельзя давать взаймы хлеб, огонь, дрожжевую закваску во время праздников, иначе лишишься достатка, по миру пойдешь.

III. Дом – место обитания покровителей, демонических существ, в частности *домового*, и все варианты его обозначения, а иногда это может быть и *домовиха*, но функции остаются те же: оберегание семейного уклада, уход и досмотр за скотом и хозяйством в целом, защита от воров. Домовой, будучи мифологическим главой семьи, следит за отношениями между домочадцами, наказывая зачинщиков ссоры, лжецов, нерях

IV. Дом – это место магии и знахарства. Для лечения использовали обход дома и собирали хлеб, муку, крошки в трех, девяти, сорока домах и давали больному в качестве лекарства. Для наведения порчи, болезни под порог дома наливали воду, которой обмыли умершего.

V. Дом – место гаданий. В гаданиях о замужестве девушки перекидывали через дом обувь, в какую сторону носком ляжет, оттуда и жениха жди.

4. Элементы мифа, формируемого данной мифологемой (система образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов). Мифологическое сознание обусловило появление и существование на протяжении многих веков образа домового и связанных с ним ритуальных действий.

Домовой – это мифическое существо, живущее преимущественно в конюшне, яслях, печи, в запечье, за печной трубой, в подполе, на чердаке. Он считается опекуном скота и птицы в доме, влияет на их плодovitость и здоровье. Домовой может предсказать будущее семьи, смерть одного из членов (топчет по дому, храпит под окном). Для установления хороших отношений с домовым его нудно задабривать, оставлять ему угощения.

Тогда он будет прясть пряжу по ночам, заплетать гриву лошади. При переезде в новый дом домового нужно позвать с собой: «Хозяин домовый, пойдем со мной в новый дом». При этом с собой берут горшок с углями, веник, кусок навоза и т.д.

Чтобы молодую хозяйку покровители слушались, она должна перебросить свой пояс через порог мужниного дома, а потом войти сама.

5. Связанная с мифологемой идиоматика (афористика) и ее интерпретация. *Катись в угол серебро, в дом на добро.* Выражение связано с ритуалом закладки дома с деньгами, положенными под фундамент дома.

У дома куст – настоится дом пуст. Фразема восходит к верованию о том, что насаждения деревьев вокруг дома приводит к постепенному вымиранию рода.

Без хозяина дом - сирота.

Порядок в доме есть - хозяину честь.

Бабы умы разоряют дома.

Бегают от дому, будто черт от грому.

Большой в дому, что хан в Крыму.

В гостях хорошо, а дома лучше.

В людях Илья, а дома свинья

Всякий дом хозяином держится.

Горе тому, кто непорядком живет в дому.

Добрая жена дом сбережет, а худая рукавом растрясет

Дом вести - не бородой трясти.

Дом вести - не лапти плести.

Дом невелик, да лежать не велит.

Дома и солома съедома.

Не дом хозяина красит, а хозяин дом.

Худая матка всему дому смятка.

Что в поле ни родится, все в доме пригодится.

С мифологемой *дом* связано большое количество афоризмов, так как мифологичность приспособлена для выражения стереотипов коллективного сознания. Рассмотрим некоторые клише.

- *дом свиданий, дом терпимости* – публичный дом;

- *желтый дом* – больница для душевнобольных; дом назван желтым по окраске Обуховской больницы для душевнобольных в Петербурге;

- *мёртвый дом* – острог; восходит к произведению «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского;
- *всё смешалось в доме Облонских* – о неразберихе, сумятице (шутл.); цитата из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого;
- *до дому, до хаты* – отправиться домой (шутл.); слова из популярной песни А. Русака «Бывайте здоровы».

Несмотря на печальные процессы утраты носителями языка своего культурного наследия, мы отмечаем, что отношение к дому как сакральному локусу сохраняется в русской художественной литературе, и в частности в семейной хронике Л. Улицкой «Медея и ее дети».

1. Дом выступает в роли родового гнезда, куда съезжаются родственники со всех уголков земли и где действуют особые правила, *действующие в качестве оберегов*, каждый переступающий порог дома Медеи соблюдал его строгие, порой и «необъяснимые» законы: *не ходить к колодезю после захода солнца*; рано укладывать спать маленьких детей, а потом *собираться в летней кухне для разговоров и песен* за вредной с медицинской точки зрения трапезой; «строгая уравниловка застолья»; «*семейная традиция – кормить детей за отдельным столом*»; минута «*почтительного молчания перед лицом относительной вечности*», морем; *не входить в комнату Медеи* и др. «Впрочем, – как объясняет автор, – чем закон необъяснимей, тем и убедительней», еще раз проводя параллель между мифом и ритуалом. «Будка уборной» в рамках этой концепции называется Улицкой «*сторожевой башней*».

2. Если дом – это место знахарства, то Медея Синопли вписывается и в эти рамки. Так как она всю жизнь *работает врачом в местной больнице*. Кроме того, она является *собирающей редких лечебных растений*, которые тоже использует в лечении.

3. В описании дома писательница выступает минималистом, так как подробного описания дома в романе мы не найдем. Мы узнаём, что дом «стоял в самой верхней части Посёлка, его усадьба была ступенчатая, с террасами». В доме была «*умная печурка, которая брала мало топлива, но давала много тепла*». Была летняя кухня, сложенная «из дикого камня, на манер сакли, одна стена упиралась в подрытый склон холма, а низенькие,

неправильной формы окна были пробиты с боков. Висячая керосиновая *лампа* мутным светом освещала *стол*». Л. Улицкая использует мифологическое деление дома на мужское и женское пространство. *Место возле печи, очага – исконное женское пространство*. Сторона с красным углом – мужское. Печь, как в мифологической системе, является символом духовного и материального единства живущих в доме. *Поэтому в романе так важны совместные посиделки у очага за трапезой*, совместные приготовления пищи, бесконфликтное сосуществование, в которое каждый вносит свою лепту, в том числе и денежную.

4. Члены семьи Синопли совершают регулярные паломничества на свою древнюю родину, к своему историческому истоку. Мотив ритуального возвращения на родину, сопряженный с традиционной темой поездки на юг к морю, *символизирует потребность в ритуальном причащении, акте идентификации и обновления*. Решающее значение имеет и непрерывность практики инициации новых членов семьи, жен, мужей, детей, и их приобщения к семейным мифам и традициям.

6. Трансформация семантики мифологемы: забвение, переосмысление, рождение новых смыслов. Можно отметить трансформацию смысловой структуры мифологемы *дом*: забвение одних и переосмысление других базовых культурных компонентов, рождение новых смыслов и их социальная мифологизация. Десакрализация и десемантизация – это два основных процесса, характеризующие функционирование мифологемы дома в речевой практике современного города, что свидетельствует о трансформации семантики мифологемы и переводе ее в область социального стереотипа.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – М., 2009.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М., 1989.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995. – Т. 2.

Словарь русских народных говоров. – М.; Л., 1965 – ... Вып. 1 – ...

Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – М., 2001.

©Лебедева Н.Л., 2011

Л.А. Моргунова
Екатеринбург

Социолингвистический аспект исследования детской речи

Ключевые слова: речевой онтогенез, онтопсихолингвистика, языковое окружение ребенка, формирование лексикона.

В современной научной парадигме гуманитарных знаний произошел качественный сдвиг, в результате чего возникла новая расстановка акцентов. Так, в лингвистике сместился ориентир с изучения структуры языка на его носителя – человека, на исследование особенностей формирования языковой личности, ее коммуникативной компетенции. В связи с этим в фокусе внимания лингвистов оказываются вопросы функционирования языка, определения взаимосвязи развития мозга и организации речевого онтогенеза. Ученые стремятся выявить ментальные механизмы речевой деятельности и проблемы развития речевой функции мозга в онтогенезе, тем самым определить существенные свойства психики. Кроме того, в кругозор лингвистов, наконец, вошел дословесный этап становления коммуникативной компетенции, что привело к детальному исследованию детской речи. Именно рассмотрение речевой деятельности в онтогенезе позволяет определить специфику психических процессов, выявить механизмы возникновения коммуникации. Все сказанное обуславливает актуальность изучения детской речи и повышенный к ней интерес ученых из разных областей.

Феномен детской речи крайне многогранен, так как находится в процессе формирования и тесной взаимосвязи с психическим развитием и спецификой окружения ребенка. Последнее обусловило возникновение одного из перспективных направлений исследования речевой продукции детей – социолингвистический аспект ее изучения.

Так, Т.И. Петрова выделяет «несколько аспектов социолингвистического исследования детской речи: ситуативно-ролевое

варьирование речи, жанровая дифференциация речи, гендерный аспект владения языком», отмечая при этом, что «круг таких аспектов может быть шире. Например, интерес вызывают такие вопросы, как влияние социальных характеристик семьи на коммуникативную компетенцию ребенка, онтогенетические особенности владения языком, соотношение общих и индивидуальных особенностей формирования коммуникативной компетенции и др.» [Петрова 2006: 143].

О.Г. Хохловская отмечает, что социолингвистический подход к рассмотрению детской речи позволяет определить особенности функционирования языка, тем самым наиболее комплексно охарактеризовать данные языковые явления.

В свою очередь, Г.Р. Доброва акцентирует внимание на том, что социолингвистический подход к детской речи позволяет изучающей ее науке заниматься «*динамикой* – тем, как нечто *формируется, складывается*». Одним словом, исследователь обозначает очень важную черту детской речи: она находится в процессе формирования, становления, овладения нормой, в связи с чем представляет собой подвижную систему, подверженную радикальным изменениям.

Таким образом, многие ученые отмечают значимость социолингвистического анализа детского речевого материала. Примечательно, что акцент на данной проблеме приводит некоторых исследователей к выводу, что необходимо создать автономную дисциплину, которая специализировалась бы на социолингвистическом аспекте изучения детской речи. Так, О.Г. Хохловская предлагает назвать такую дисциплину онтосоциолингвистикой и определяет её как «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую социолингвистический характер языкового приспособления говорящего в онтогенезе и способы и средства моделирования онтогенетического дискурса» [Хохловская 2009: 154]. Г.Р. Доброва при рассмотрении данного вопроса оперирует термином «возрастная социолингвистика» [Доброва 2007].

Хотя многие исследователи социолингвистический аспект изучения детской речи выделяют в рамках либо онтолингвистики (Н.И. Лепская, С.Н. Цейтлин, М.Б.Елисеева, В.В. Казаковская и др.), либо онтопсихолингвистики (К.Ф.Седов, Т.Н.Ушакова и

др.). Первые признают значимость социального окружения ребенка для его речевого формирования, но также особо обращают внимание на взаимосвязь когнитивного развития детей и речевого онтогенеза. Они подчеркивают, что для формирования коммуникативной компетенции индивида необходимы и когнитивные предпосылки. Вторые предлагают изучать речевой онтогенез в рамках психолингвистики, которая не только решает «вопрос о соотношении наследственного и социального факторов в развитии речи» [Ушакова 2005: 64], но и выявляет механизм речевой организации мозга. Одним словом, для представителей обеих точек зрения социолингвистический аспект характеризует лишь одну из сторон широкого спектра проблем науки о детской речи.

Нам представляется целесообразным изучение языкового онтогенеза в рамках онтопсихолингвистики, которая рассматривает и социолингвистические особенности развития речи ребенка, и специфику детского мышления. Думается, что полноценный комплексный анализ детского материала возможен только при обращении к особенностям речевого развития мозга детей, так как освоение языка и становление психики – взаимосвязанные и взаимообуславливающие процессы. Более того, становление одного невозможно без формирования другого.

Действительно, на развитие речи ребенка в первые 5-7 лет существенно влияют социальные характеристики семьи: профессиональная принадлежность родителей, их уровень языкового развития, круг интересов, наиболее характерные виды совместной деятельности ребенка и его близких родственников и др. Особое воздействие оказывается на формирование лексики. При этом не всегда только речевое поведение матери является ключевым или единственным фактором, определяющим характерные черты языковой личности ребенка. В этой ситуации важно определить, кто проводит наибольшее количество времени и чаще всего взаимодействует с ним. Соответственно, если ребенок общается много с отцом или с бабушкой, то вполне закономерным является усвоение их речевых стратегий.

Наблюдаемый нами Андрей С. (5 лет 3 мес.) в целом в равной степени проводил время с обоими родителями, поэтому в первые 3 года они оказали одинаковое влияние на становление

его лексикона. Но, как известно, после трех лет у детей происходит половая идентификация и мальчики отделяют себя от матери, переставая говорить о себе в женском роде (например, *я пошла, гуляла* и т. д.). Подобные процессы нашли отражение и в формировании языковой личности Андрея. На определенном этапе развития (3 года 2 мес.) он обозначил свою принадлежность к мужскому полу в высказываниях подобного типа: *я – мальчик, а мама – девочка*. Такая дифференциация проявлялась в речевых ситуациях во время занятий, характерных для мужского пола (например, военно-стратегические игры на компьютере, процесс ремонта сантехники, установление электрооборудования и т. д.). Помимо половой принадлежности, на формирование детского дискурса повлияла и профессиональная деятельность отца, электрика по профессии. Так, с 3-4 лет в речи ребенка стали появляться слова подобного рода: *напряжение, сопротивление, электричество, диод, транзистор, трансформатор* и др. Заметим, что представленные первые два слова могут иметь несколько значений. Например, слово *сопротивление*, с одной стороны, передает значение ‘борьба с чем-то или кем-то’ (и как следствие, ‘название соответствующего движения против захватчиков’), с другой – ‘электрическое сопротивление’, то есть способность проводника препятствовать движению электрического тока. Подчеркнем, что в речи данного ребенка актуализировалось только второе значение. Например, в качестве реакции на услышанный диалог сестры с матерью о сопротивлении человека обстоятельствам он заметил: *«А! Сопротивление! Это из электричества...»*. Слово *напряжение* также осмысливается им в речевой деятельности только как ‘разность потенциалов между двумя точками электрической цепи’, то есть в его языковом сознании актуально только то значение, которое связано со сферой электрики. Поэтому на вопрос о том, чем он любит заниматься, ребенок отреагировал фразой: *«Ну, как чем? Напряжением, конечно!»* В данном контексте в слове *напряжение* совмещены значения и термина, и всего того, что включает в себя работа электрика.

Следует заметить, что не меньшую роль в формировании анализируемого детского дискурса играет и мать, которая проводит с ним много времени за чтением, рисованием, обучением

счету, письму и др. Соответственно в лексическом запасе наблюдаемого ребенка периодически появляются слова и сочетания типа: *система, провоцировать, критиковать, замять разговор* и др. При этом некоторые лексические единицы подвергаются субъективной интерпретации, в результате чего на первом этапе осмысления слова появляются следующие предложения: *Я провоцирую шуруп...* (то есть вкручивает его); *Я критикую этот кран...* (закручивает посильнее); *Это у меня краневая система* (указывая на несколько соединенных кранов). Как видим, только в последнем примере ребенок демонстрирует понимание слова *система* в значении 'совокупность элементов, связанных друг с другом'.

Однако помимо социального окружения, особенности детской речи определяются и спецификой развивающегося детского мышления, в основе своей наглядного, образного, конкретного [Седов 2008]. В связи с этим интересен процесс осмысления данным ребенком некоторых терминов. Например, термин «полупроводниковый диод» трактуется как прибор, имеющий один провод из подразумеваемых двух: «У него, значит, нет одного провода...». В подобной интерпретации находит отражение конкретность правополушарного мышления ребенка.

Таким образом, формирование речи ребенка зависит от многих факторов и имеет несколько аспектов рассмотрения. С одной стороны, оно связано с уровнем развития мышления детей, спецификой детского восприятия и картиной мира, с другой стороны, с их социальным окружением.

Литература

Доброва Г.Р. Возрастная социолингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики. Материалы международной конференции. – СПб., 2007.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. – СПб., 2008.

Казаковская В.В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый-ребенок». – СПб., 2006.

Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997.

Петрова Т.И. Детская речь как объект социолингвистического исследования // Филологические чтения. Памяти Н.И. Великой. Сборник научных статей. – Владивосток, 2006.

Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. – М., 2008.

Ушакова Т.Н. Теоретические основания возрастной психолингвистики // Онтогенез речевой деятельности: норма и патология. – М., 2005.

Хохловская О.Г. Об интеграционных тенденциях в области онто- и социолингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – № 30 (168).

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2000.

©Моргунова Л.А., 2011

Д.Г. Мурадян
Екатеринбург

**Причины возникновения соотнесенного двуязычия
в условиях недостаточного и успешного овладения
чужим языком**

Ключевые слова: русско-армянский билингвизм, речевая деятельность билингвов.

В современных исследованиях билингвизма одним из актуальных вопросов является классификация форм и типов двуязычия. По степени владения вторым языком обычно выделяют соотнесенное и комбинированное двуязычие. Комбинированный билингвизм (иначе – чистый) характеризуется умением в каждой ситуации использовать только один язык, что демонстрирует независимое сосуществование в сознании полиглота двух языковых систем. Соотнесенное двуязычие (иначе – смешанное) противопоставлено комбинированному и характеризуется использованием в одной ситуации двух языков, порождением «разноязычной речи» [Верещагин 1969: 28].

Предметом исследования в данной статье является смешанная речь билингвов, носителей армянского и русского языков, которые назвали родным языком армянский. Нами были зафиксированы фрагменты живой речи билингвов, в которых наблю-

дается контактирование двух языков и взаимопроникновение их элементов.

Анализ полученного языкового материала показал, что существуют такие причины возникновения соотнесенного двуязычия, как:

1. Необходимость говорящего использовать слова и обороты родного языка в связи с неумением свободно пользоваться вторым языком.

- «*Это не շնչըրիկը*» – буквально: «*это не малюсенькая*» (говорящий – четырехлетняя девочка, растущая в России, но в армянской семье; собеседники – армяне, русские). Девочка использовала слово на родном языке, потому что не знала уменьшительно-ласкательную форму слова «маленький» на русском языке.

- «*Եւ ւոտելոյ տրոսի, փիճ, զո քոլտորա ժոսո, եթո եզ քրոքո*» – буквально: «*Я у водителя спросила, он сказал, что полтора часа, если без пробок*» (говорящий – женщина; собеседник – армянин). В данном отрывке речи, помимо внедрения в русское предложение армянских слов, нас интересует форма слова *спроси* (на армянском языке в данном контексте должно было бы стоять слово «*հարցըրի*» – [харцреци]). Мы наблюдаем в речи билингва на втором языке сохранение грамматической формы родного языка: окончание *и* для глаголов женского рода, первого лица, прошедшего времени).

2. Устойчивость навыков родной речи, которые сохраняются у человека на всю жизнь (ниже приведены высказывания женщины армянской национальности, проживающей в России большую часть жизни; ее собеседниками всегда являлись лица-носители армянского и русского языков).

- «*Չնձոց ոչոմոս?*» – буквально: «*Как почему?*» (данное высказывание произнесено с нетипичной для русского языка в данной конструкции высокой эмоциональной окраской – удивление во время спора);

- «*Պոչոսի քրոսիկ?*» – буквально: «*Хочешь грушу?*» (важным здесь является то, что груша, о которой говорится, была прислана из Армении; говорящая после момента речи уточнила,

что использовала армянское слово, поскольку хотела подчеркнуть данное обстоятельство);

- «Мы посадили вчера огурец, *դրճիւր, պոմիտոր*» – буквально: «Мы посадили вчера огурец, перец, помидор»;

- «Мы здесь хоть и не живем, все равно *փոշուկը, քիչ*, пыльно становится» – буквально: «Мы здесь хоть и не живем, все равно пылится, пыльно становится»;

- «Она поругалась с мамой, уехала *մորը և ինքն*» – буквально: «Она поругалась с мамой, уехала к тете»;

- «В данный момент *գլխի շիւ է ճիւղիւ*» – буквально: «В данный момент моя голова очень болит».

Таким образом, на примере речевой деятельности билингвов наблюдается контактирование русского и армянского языков и взаимопроникновение их элементов, которое встречается как у билингвов с недостаточной усвоенностью языка, так и у билингвов с высоким уровнем владения неродным языком и которое связано либо с недостаточной усвоенностью чужого языка, либо с устойчивостью навыков родной речи.

Литература

Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) – М., 1969.

Михайлов М.М. Двуязычие (Принципы и проблемы). – Чебоксары, 1969.

©Мурадян Д.Г., 2011

Е.А. Пятова
Екатеринбург

Причастный оборот: сущность изучаемого языкового явления

Ключевые слова: лингводидактика, психолингвистические основы методики преподавания родного языка, полупредикативность, дидактический комплекс.

Причастный оборот – один из видов причастной конструкции, определяемый традиционно в школьных грамматиках как причастие с зависимым словом (зависимыми словами), употреблённое в составе предложения. В академических грамматиках причастный оборот определяется как полупредикативный обособленный оборот с главным членом – полным причастием.

Полупредикативность – выражаемое обособленными членами предложения дополнительное сообщение (вторичная, зависимая предикативность), сопутствующее основному сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения. Полупредикативные обособленные обороты обладают относительно самостоятельной коммуникативной значимостью и по своим семантико-синтаксическим свойствам близки к предложениям – самостоятельным или придаточным. Вместе с тем их модально-временное значение полностью или частично определяется основным предикатом.

Способность выразить полупредикативность характерна для распространителей предложения с определительным или обстоятельственным значением в силу присущей им «скрытой» (потенциальной) предикативности. Главным членом полупредикативного оборота могут быть причастия и деепричастия (являющиеся специализированными морфологическими средствами вторичной предикации), а также прилагательные и существительные, свободно употребляющиеся в функции сказуемого.

В связи с этим причастный оборот выступает синонимом определительного придаточного предложения со словом «который». Причастные обороты можно трансформировать в сказуемые. Это возможно именно потому, что, будучи обособленными, они получают дополнительную предикативность, осложняют свое определительное значение сказуемым. Использование причастного оборота позволяет в значительной мере сделать изложение лаконичнее, экспрессивнее, например: *Мальчик, продававший яблоки, ушёл. Мальчик, который продавал яблоки, ушёл.*

Тем не менее, каждый из стилистических компонентов: причастный оборот и определительное придаточное предложение – имеет свои стилистические особенности, которые применяются авторами для формирования своеобразия собственного стиля.

Во-первых, определительное придаточное предложение, благодаря наличию в нем сказуемого, сильнее выражает действие, в то время как в причастном обороте внимание в большей мере сосредотачивается на признаке.

Во-вторых, причастный оборот является принадлежностью, главным образом, книжной речи, в разговорной речи он употребляется редко, в то время как придаточное предложение достаточно широко используется как в книжной, так и в разговорной речи.

В-третьих, причастный оборот отличается большей краткостью в сравнении с придаточным предложением.

Причастные обороты используются для замены синонимичных придаточных определительных предложений в ряде случаев:

1) если высказывание имеет книжный характер, например: *Многочисленные факты, накопленные наукой, подтвердили правильность гипотезы, выдвинутой молодым ученым.* Ср. также оттенок торжественности, вносимый в речь такими формами, как *ведомый, несомый, влекомый*, редко используемыми в современном языке;

2) если в сложном предложении повторяется союзное слово *который*, в частности при последовательном подчинении придаточных предложений, например: *На научно-методической конференции, которая была посвящена вопросам преподавания иностранных языков, был сделан ряд сообщений, которые содержали интересные данные о применении системы программированного обучения* (каждое из придаточных предложений или оба они могут быть заменены причастными оборотами);

3) если нужно устранить двусмысленность, связанную с возможной различной соотнесенностью союзного слова *который*, например: *Жирным шрифтом выделены слова в предложениях, которые используются для грамматического разбора* (ср. *используемые* или *используемых*, что зависит от смысла предложения);

4) если высказыванию придается определенная стилистическими соображениями краткость, например: *Обоз стоял на большом мосту, тянувшемся через широкую реку... Впереди за рекой пестрела громадная гора, усеянная домами и церквами...*

Ещё М.В. Ломоносов отмечал книжный характер причастных оборотов. Они редко встречаются в устной речи. Более того, их не рекомендуется использовать в устном общении. И в письменной речи не следует перегружать текст этой особой формой глагола. Тем более нежелательно скопление причастий, в суффиксах которых встречаются шипящие: *плещущий, тащащий* и др. Такие формы делают речь неблагозвучной. М. Горький писал одному из молодых авторов: «Язык наш... достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звуко-сочетания: *вши, вша, вшу, ща, щей*. На первой странице рассказа *вши* ползают в большом количестве: *прибывшую, проработавший, говоривших*... Вполне можно обойтись без насекомых». Действительно, при необходимости причастный оборот может быть заменён на синонимичное придаточное предложение.

Основные стилистические функции причастных оборотов

1. **Описательная функция.** Описание – один самых распространённых компонентов стилистических функций причастных оборотов. В логическом плане описать явление – значит, перечислить его признаки. Именно это свойство описания определяет своеобразие описательных причастных оборотов, где в подавляющем большинстве случаев несколько причастий связано с одним подлежащим.

2. **Повествовательная функция.** В отличие от описательных причастных оборотов, в повествовательных основная смысловая нагрузка переносится с причастия на зависимое слово, а причастие в этом случае становится лишь пояснением, образным раскрытием зависимого слова.

3. **Функция экспрессии и смыслового контраста.** Функция экспрессии и смыслового контраста является специальной функций причастных оборотов, расширяющей их стилистическое многообразие. Основная цель данной функции сделать текст более эмоционально окрашенным и стилистически динамичным, когда акцентное выделение отдельных компонентов фраз позволяет в значительной мере усилить их психологическое воздействие на читателя или слушателя. Вообще экспрессия и смысловая контрастность текста придает ему естествен-

ную живость и правдоподобие. Эта функция позволяет активно использовать причастные обороты в заголовках.

4. Функция углубления смысловой образности. Стилистическая функция углубления смысловой образности используется тогда, когда необходимо выделить, особо отметить, подчеркнуть ту или иную черту рассматриваемого героя, события или явления. Эта функция позволяет создавать художественные образы, более насыщенные смысловым содержанием, с углубленной прорисовкой наиболее значимых, с точки зрения автора, их характеристик.

5. Функция уточнения. Стилистическая функция уточнения используется тогда, когда необходимо в ходе изложения уточнить какую-либо характерную, по мнению автора, деталь, позволяющую читателю или слушателю точнее понять авторскую мысль в данном месте изложения. Функция уточнения используется в тех местах текста, где без уточняющего причастного оборота фраза становится незаконченной, либо неясно выраженной, либо обладающей некой смысловой размытостью, не достаточной конкретностью.

Обособление причастных оборотов

Причастный оборот может стоять перед определяемым словом (быть в препозиции) и после определяемого слова (быть в постпозиции). Обособление причастного оборота зависит не только от его места в предложении по отношению к подчиняющему существительному, но и от степени информативной нагруженности причастного оборота, его функции в предложении. Если причастный оборот стоит после определяемого слова, он всегда обособляется, выделяется на письме запятыми. Если причастие с зависимым словом (зависимыми словами) стоит перед определяемым словом и имеет определительное значение, оно не обособляется. Если препозитивные причастные обороты имеют полупредикативное значение, они обособляются.

Обособленный причастный оборот обладает большей смысловой нагрузкой по сравнению с тем же оборотом в случае его необособления. Ср.: *Написанная мелким почерком, рукопись читалась с трудом* (распространенное определение, выраженное обособленным причастным оборотом, содержит добавочное причинное значение). – *Написанная мелким почерком рукопись*

читалась с большим трудом (необособленный причастный оборот имеет только определительное значение).

Необособленный причастный оборот теснее примыкает к определяемому существительному. Ср.: *покрытое крупными морщинами лицо* (устойчивый признак) – *лицо, покрытое крупными каплями пота* (временный признак; играет также роль лексический состав обеих конструкций). Пояснительные слова могут опускаться, если их отсутствие оправдывается условиями контекста, смыслом самого предложения, ситуацией высказывания и т.д., например: *Рассматриваемая работа имеет ряд положительных сторон* (из рецензии); *Все внесенные предложения заслуживают внимания* (из речи на собрании); *Намеченные планы выполнены в срок* (об этих планах речь шла раньше).

Из истории вопроса об обособленных членах предложения

В истории русской синтаксической науки долгое время существовал взгляд на обособленные члены как на сокращенные придаточные предложения. Так понимали сущность обособления Н.И. Греч, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев. Так, Ф.И. Буслаев пишет, как «полные предложения сокращаются в имена существительные, прилагательные и наречия, т.е. переходят в какой-либо отдельный член предложения».

Теория сокращения придаточных предложений была подвергнута критике со стороны А.А. Потебни, доказавшего ее антиисторизм.

В труде «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебня говорит о приложении (употребляя этот термин в широком значении) и его отличии от атрибута в сказуемом. Сопоставляя предложения *Босая девица вышла на мороз*; *Девица, босая, вышла на мороз* и *Девица вышла босая на мороз*, А.А. Потебня приходит к выводу, что определение (*босая девица*), и приложение (*девица, босая, вышла*), и атрибут в сказуемом (*вышла босая*) различаются следующим образом: «Определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его».

Приложение же имеет в зародыше отношения противительное и уступительное: *босая, а вышла*; хотя *босая*, но *вышла*. Ничего подобного нет в собственном определении. Таким образом,

А.А. Потебня не только опроверг теорию сокращения придаточных, но и указал на главное отличие выделенного члена предложения от обычного – его семантическую осложненность, в частности, отметил обстоятельственные оттенки значений определений. Причем А.А. Потебня считает, что передается это различие не столько порядком слов, сколько тоном.

Далее разрабатывает теорию обособленных членов предложения А.М. Пешковский. Он и вводит в научный обиход сам термин. В работе «Русский синтаксис в научном освещении» этому вопросу посвящена целая глава – «Обособленные второстепенные члены». А.М. Пешковский определяет обособленный член предложения как такой, который уподобляется «в отношении мелодии и ритма – параллельно – в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению». А.М. Пешковский подробно анализирует разные виды обособленных членов, намечает общие и частные условия обособления, уделив большое внимание интонации.

При описании самих членов предложения А.М. Пешковский опирается на их морфологическую принадлежность: обособленное прилагательное, присубстантивная сравнительная форма, деепричастие и т.д.

Несмотря на детальное описание обособленных членов предложения, А.М. Пешковский не раскрыл их смысловые и синтаксические функции. Опираясь на интонацию и ритм в определении обособленных членов, он, в отличие от А.А. Потебни, упустил по существу главное – особую сообщительную функцию этих членов предложения, их смысловую осложненность.

Так при изучении обособленных членов предложения внимание было переключено на интонацию, паузы, порядок слов. Такой аспект исследования привел М.Н. Петерсона к неоправданному отказу от проблемы обособления вообще.

Интонация при причастном обороте

Смысловое выделение обособленных членов предложения достигается в устной речи интонационным их выделением: перед обособленным членом (если он находится не в начале предложения) имеется повышение голоса, делается пауза, ему присуще

фразовое ударение, характерное для интонационно-смысловых отрезков (синтагм), на которые членится предложение.

Сущность понятия «причастный оборот» определяет **цели изучения** данного языкового явления в школе. Обучающиеся должны:

- 1) научиться видеть особое синтаксическое функционирование причастных оборотов;
- 2) трансформировать причастные обороты в придаточные предложения (использовать «параллельные» конструкции), обоснованно выбирая оптимальный вариант;
- 3) согласовывать причастия с определяемым существительным;
- 4) отличать главное и зависимое слово;
- 5) составлять предложения с причастным оборотом и находить причастные обороты в тексте;
- 6) правильно интонировать и ставить знаки препинания;
- 7) делать грамматическую и стилистическую правку в предложениях с причастными оборотами.

Дидактический комплекс

1. Задание синтетическое. Рассчитано на аудиалов, визуалов и кинестетов.

Прослушайте стихотворение В. Тушновой «Вот говорят: Россия» (визуально представлено на экране). Выпишите из текста причастные обороты и одиночные причастия. Какое значимое содержание вкладывает автор в причастные обороты? (для визуалов). Представьте образ России, созданный в стихотворении. Какой он? (для аудиалов, кинестетов).

*Вот говорят: Россия...
Реченьки да березки...
А я твои руки вижу,
узловатые руки,
жесткие.
Руки, от стирки сморщенные,
слезами горькими смоченные,
качавшие, пеленавшие,
на победу благословлявшие.
Визу пальцы твои сведенные,—*

*все заботы твои счастливые,
все труды твои обыденные,
все потери неисчислимые...
Отдохнуть бы, да нет привычки
на коленях лежать им праздню...
Я куплю тебе рукавички,
хочешь — синие, хочешь — красные?
Не говори «не надо»,—
мол, на что красота старухе?
Я на сердце согреть бы рада
натруженные твои руки.
Как спасенье свое держу их,
волнения не осия.
Добрые твои руки,
прекрасные твои руки,
мать моя, Россия! (1962).*

2. Задание рассчитано на лево- и правополушарных. Учитывается темперамент (меланхолики, флегматики), возрастные особенности (восприятие родины в контексте культуры).

Найдите в тексте и обозначьте графически причастные обороты. Назовите их количество. Устно замените причастные обороты предложениями со словом «который». Прочитайте вслух. Сравните тексты. На основе наблюдений напишите сочинение: «Зачем нам нужен причастный оборот?»

Туча росла на вечернем небе, как громадный средневековый город, окружённый белыми башнями.

Глухие, грохочущие, неослабевающие звуки долетали издалека, и ветер, вдруг прошумевший на поляне, донёс брызги дождя.

Приглядевшись, я узнал нескошенный луг над Соротью, песчаный косогор, тропинку, ведущую в парк.

Это было Михайловское.

Я смолоду изъездил почти всю страну, видел много удивительных, сжимающих сердце мест, но ни одно из них не обладает такой лирической силой, как Михайловское (По К. Паустовскому).

3. Задание на внимание, активизацию мыслительной деятельности.

Распределите по столбикам: а) причастие с главным словом, б) причастие с зависимым(и) словом(ами), в) причастие с главным и зависимым(и) словами. Обозначьте графически причастные обороты. Какие сочетания слов не войдут ни в один из столбиков? Почему?

- 1) *дорога, изрытая глубокими колеями*
- 2) *растаявший снег*
- 3) *не прекращающаяся целый день метель*
- 4) *не опавшие с осени листья*
- 5) *неокрепший лёд*
- 6) *нерасчищенные дорожки*
- 7) *сочинение не написано*
- 8) *трюмы не выгружены*
- 9) *борющиеся за первое место*
- 10) *поднимающийся на цыпочки*
- 11) *прорубленная полынья*
- 12) *сделанный с расчётом на зиму*
- 13) *переданный вовремя пакет.*

причастие с главным словом (номера)	причастие с зависимым словом (номера)	причастие с главным и зависимым словами (номера)

4. Задание на преобразование известного материала.

Напишите номера тех словосочетаний, которые являются причастными оборотами. Аргументируйте свою точку зрения, опираясь на правило.

- 1) *прибывший издалека*
- 2) *вьющиеся растения*
- 3) *с искажающим объективом*
- 4) *поддержанный соратниками*
- 5) *в расстилающейся степи*
- 6) *о выгоревшей лиственнице*
- 7) *озарённая солнцем*
- 8) *выполняющий вовремя*

5. Задание на преобразование известного материала.

В каком варианте оба сочетания слов являются причастным оборотом? Докажите это.

- 1) *построенный вовремя, дом построен*
- 2) *замешанный в деле, замешенное тесто*
- 3) *убегающий вдаль, быстро убегающий*
- 4) *закрытый на время, закрытая дверь*

6. Задание на преобразование известного материала.

В каком варианте нет причастного оборота? Докажите это.

- 1) *выросший на воле*
- 2) *вдумчиво читающий текст*
- 3) *размытая дождём*
- 4) *высохший асфальт*

7. Задание на преобразование известного материала.

Найдите предложение с двумя причастными оборотами. Докажите это.

- 1) *Всё, окружавшее нас, казалось необыкновенным.*
- 2) *Через полчаса зверь высунул мокрый чёрный нос, нюхавший воздух и дрожащий от жадности.*
- 3) *Он внимательно посмотрел на меня, брезгливо фыркнул и сунул нос в кипящую картошку, разбрызгивающую сало.*
- 4) *Барсук расковырял пень и засунул в мокрую и холодную труху обожжённый нос.*

8. Задание на трансформацию, компрессию (трансформационное направление психолингвистики).

Передайте содержание сказки «Колобок» в одном предложении, используя причастные обороты. Сделайте вывод о функционировании причастного оборота.

9. Задание учитывает возрастные особенности, тип темперамента (холерики, сангвиники).

Прочитайте рассказ о подвигах знаменитого барона Мюнхгаузена. Расставьте знаки препинания, вставьте пропущенные буквы, раскройте скобки. Найдите в тексте причастный оборот, определите его функцию. Замените предложения со словом *который* причастными оборотами. Почему их почти не употребляет автор?

*Мы ос...ждали какой(то) туре...кий город и понадобилось нашему к...мандиру узнать много ли в городе пушек. Но во всей нашей армии... (не) нашлось храбр...ца **который** согласился бы*

*незаметно пробра(т, ть)ся в (не)приятельский лагерь. Я стал рядом с огромнейшей пушкой **которая** палила по туре...кому городу. Когда из пушки вылетело ядро я вскочил на него верхом и лихо понёсся вперёд. Все в один голос во...кликнули (б, Б)раво барон Мюнхгаузен! В эту минуту мимо меня пролетало встречное ядро, пущенное турками в наш лагерь. Недолго думая, я пересел на него и как ни в чём не бывало помчался обратно. Конечно во время полёта я тщательно пере...итал все турецкие пушки и привёз своему к...мандиру самые точные сведения об артиллерии... врага.*

10. Задание, которое позволяет по-новому посмотреть на изучаемый материал. Рассчитано на визуалов, право- и левополушарных.

Выпишите из учебников 5-6 заданий к упражнениям, в формулировках которых используются причастные обороты. Почему именно в формулировках заданий часто используется эта конструкция?

11. Задание рассчитано на аудиалов, левополушарных. Также в задании предполагается использование операции сравнения.

Прочитайте текст вслух. Чем отличается интонация в предложениях с причастным оборотом перед определяемым словом и после определяемого слова? Выпишите из текста: а) причастия без зависимых слов (одиночные), б) причастные обороты, которые нужно выделять запятыми, в) причастные обороты, которые не выделяются запятыми (знаки не расставлены).

Мальчик проишёл мимо застеклённых полок с черепахами и змеями и остановился перед витриной, где на тонких проволочных нитях висели два причудливых осьминога.

Они висели за слегка запылённым стеклом, словно два пёстрых зонтика, а за ними громоздились раскрашенные в красный, бурый и жёлтый цвета странные камни похожие на деревья.

Вымазанные яркими красками рыбки хороводили между камней. «Коралловый риф и его обитатели» - было написано на приклеенной табличке витрины.

Мальчишкой часами пропадавшим в зоомузее был я.

	выделенные причаст-	не выделенные запя-
--	---------------------	---------------------

одиночные причастия	ные обороты	тыми причастные обороты

12. Задание рассчитано на визуалов, кинестетов. Учитываются возрастные особенности, формируется внимание.

Рассмотрите картину Ф. Решетникова «Опять двойка» (см. папку «Приложение»). Какие причастные обороты можно записать, глядя на эту картину? Запишите их вместе с определяемыми словами, включив в состав предложений.

13. Задание рассчитано на право- и левополушарных, визуалов, аудиалов. Это задание предполагает концентрацию внимания, развитие памяти. Используется мнемотехника включения в ситуацию, подкреплённую визуальным образом.

Рассмотрите фотографии объявлений, рекламных слоганов. Найдите и исправьте пунктуационные ошибки в предложениях и словосочетаниях с причастным оборотом. Изобразите интонацию. Прочитайте, соблюдая правильную интонацию. Напишите рассуждение: «Стоит ли обращать внимание на запятую при причастном обороте?» (Стоит сказать, что руководство компаний на сегодняшний день сделало «работу над ошибками», исправив пунктуацию в слоганах).

14. Задание, активизирующее мыслительную деятельность.

Сформулируйте тестовое задание к данным предложениям.

1) *Солнце просушивало ночные туманы, расстеленные на склонах гор.*

2) *Сырой пух облаков, в клочья растерзанных стоял в воздухе.*

3) *На развалинах дома, окружённого обломками уцелевшего сада, он присел.*

4) *Стояли глицинии, напоминающие засохших змей.*

15. Задание, развивающее абстрактное мышление.

М. Горький писал одному из молодых авторов: «Язык наш... достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: вши, вша, вшу, ща, щей. На первой странице рассказа вши ползают в большом количестве: прибывшую, проработавший, говоривших... Вполне можно обойтись без насекомых». Как вы понимаете последнее предложение в цитате?

Выделите причастия в пародии В. Ардова «Суконный язык». Исправьте текст. Обоснуйте свою правку.

Лица, ходящие по траве, вырастающей за определяющей решеткой, ломающейся и вырывающейся граблями, а также толкающиеся, приставающиеся к гуляющим, бросающиеся в пользующихся произрастающими растениями, подставляющими ноги посещающим, плюющие на проходящих и сидящих, пугающие имеющихся детей, едущие на велосипедах, заводящие животных, загрязняющих и кусающихся, вырывающие цветы и заоряющие, являются штрафующимися.

16. Задание на активизацию познавательной деятельности.

Допустимы ли, с точки зрения современного русского языка, такие предложения: *Тем мы отмечаем ложь, вкорененную прежде и которую мы за правду признавали (А.Д. Кантемир). Здесь один из поселян растолковал Раевскому, что дело шло о трех тысячах волов, три дня назад отогнанных турками и которых весьма легко будет догнать дня через два (А.С. Пушкин)?* Ответ обоснуйте.

17. Проблемный вопрос

Причастие – часть речи. На письме мы выделяем не части речи, а члены предложения или слова, не являющиеся членами предложения. Почему существует правило о выделении причастия с зависимым словом (причастного оборота)?

18. Задание, рассчитанное на кинестетов, визуалов.

С помощью средств анимации сделайте движущиеся картинки (например, солнце, выходящее из-за туч). Подпишите картинки словосочетаниями и предложениями, в которых использован причастный оборот.

Е.А. Пятова
Екатеринбург

**Анализ мифологемы *золото* как компонента языковой
картины мира**

Ключевые слова: лингвокультурология, мифологема, языковая картина мира, психолингвистический эксперимент.

1. Семантическая структура «имени» мифологемы (по словарным дефинициям). Семантическая структура слова *золото* в процессе развития русского языка несколько видоизменилась. Так, в Словаре русского языка XVIII века слово «золото» представлено следующими компонентами:

1. Драгоценный металл. ◇ *З. червонное, красное, лигатурное, коронное.* ◇ *Пить золото.* ◇ *Напиточное, питьейное з.* ◇ *Белое з.* ◇ *Гремячее з.* ◇ *Кошечье з.* || Перен. и Образно. *Золотой блеск;* блестяще-желтый цвет чего-л. || Перен. О чем-л. ценном, отличающемся превосходными качествами, высокими достоинствами. |Ирон. Многие наши молодые люди золото.

2. Золотые монеты, деньги. ◇ *Куча, мешок золота.* ◇ *З. рекой (реками) льется.* ◇ *Грести золото лопатой.*

3. Изделия из золота; золотые украшения, убранство. ◇ *В золоте (ходить, водить кого).*

4. Шелковые нити, обвитые тончайшей золотой проволочкой. ◇ *Цевочное з.*

5. также мн. Золотая краска, золото для золочения, позолоты. ◇ *Сусальное з.*

Этимологическое значение слова «золото» связано со словом *жёлтый*. Золото буквально — «желтый металл». Это значение отражается в первом (перен.) и пятом ЛСВ. Первый, второй, третий и четвёртый ЛСВ связаны с сакральным значением: золоту приписывались чудодейственные силы, поэтому всегда существовал культ золота, обычаи, связанные с ношением использованием золота.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, помимо вышеуказанных, появляются новые ЛСВ:

- Человек золото, неоцененный, либо никуда негодный.
- сиб. || Золото, навоз, назём, удобрение, особ. сок из-под гнойного назёма и человеческий помет.

Можно отметить, что развивается переносное значение слова, что свидетельствует об активном освоении носителями языка ассоциативных компонентов значения.

Кроме того, трансформируется первый ЛСВ (см. выше). У Даля *золото* не просто драгоценный металл, а *самый дорогой крушец* (металл), находимый в самородном виде, т. е. не в руде.

В дальнейшем трансформация значения слова *золото* связана, с одной стороны, с развитием научных представлений, а с другой – с развитием многозначности. Так, в МАС появляются такие ЛСВ:

- *Химический элемент*, драгоценный металл жёлтого цвета, употр. как *мерило ценностей*.
- перен. О *ком-чём-н.*, имеющем большие достоинства, *дорогом для кого-н.*

В этом словаре чётче просматривается этимологическое значение слова: перен. *Блестящий жёлтый цвет*, цвет драгоценного металла – золота.

В Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой появляются такие ЛСВ:

- разг. Золотая медаль или золотые медали как высшая награда за выдающиеся успехи в спортивных соревнованиях, на конкурсе и т.п.
- разг. Употр. как ласковое обращение.

Это указывает на развитие многозначности слова.

Таким образом, значение слов «золото» трансформируется, в основном, по пути появления переносных значений.

2. Современные социально-культурные стереотипы, представляющие мифологему. Для конструирования образа золота в сознании современных носителей русского языка нами были проведены свободный и направленный ассоциативные эксперименты среди учащихся 6 класса. Учащиеся должны были:

1. Дать свободные реакции на слово-стимул «золото».
2. Привести примеры устойчивых выражений, включающих это слово.

3. Записать известные им обряды, традиции, ритуальные действия, связанные с золотом.

Приведём результаты, полученные по третьему заданию. Можно увидеть, что мифологема *золото* в сознании современного ребёнка имеет разные значения:

1. Бытовое.

- Золото хранят в сейфе.
- Золото прячут.
- Чтобы золото не украли, его прятали в иконы.
- Из золота делают дорогие ювелирные украшения.

2. Социокультурное.

• Когда собирали урожай на поле, пели песни и называли его золотом.

- На «золотую» свадьбу дарят золото.
- Золото передаётся из поколения в поколение.
- Мы купили золото, и это надо отметить.

3. Ритуальное.

• Когда человек какой-нибудь умирает, вместе с ним кладут вещи и золото, деньги.

• Золотое кольцо кладут в блюдо с водой.
• При гаданиях на суженого надо было класть в блюдо с водой золотые кольца или серёжки.

• Жених и невеста обмениваются золотыми кольцами.
• Золотое кольцо – знак вечной любви.
• Если дома есть золото, оно приносит удачу.
• Если надеть золотые серёжки, то будет счастье у тебя.
• Золотое колечко привязывают к нитке и водят над ладошкой.

• Бросить в воду позолоченную монетку, чтобы вернуться туда ещё раз.

• Чтобы золото было безопасно носить (чтобы не навели порчу), золото клали в чашу и говорили всякие хорошие слова и молитвы.

Приведённые выше ответы свидетельствуют о том, что в обобщённом образе *золота* сосуществуют его профанные и са-

кральные характеристики. Несомненным является преобладание сакральных характеристик, что говорит об актуальности в сознании носителей языка этнокультурной информации. С другой стороны, видно влияние современной социокультурной ситуации: хранить золото в сейфе (ассоциации с банком, фильмами и т. п.), изготовление дорогих ювелирных украшений (скорее всего, влияние рекламы, посещения магазинов...), традиция отмечать значимые покупки.

3. Сюжеты-истoki (мифологические, обрядовые, фольклорные, бытовые). Как отмечает в словаре «Славянские древности» Н.И. Толстой, в народной культуре *золото* выступает чаще как элемент фольклорной образности, нежели обрядовой реальности. Можно выделить несколько блоков культурной информации, связанной с образом золота.

1. Признаком «золотой» наделяется всё **чудесное, сверхценное**. *Золотой век, золотой дождь, купаться в золоте.*

2. Золото соотносится с символикой **света, солнца, месяца**. Например, в русской песне: *как у месяца золотые рога.*

3. Золото имеет непосредственное **отношение к Богу**, Богородице, ангелам и святым. Например, обычай *золотить купола*; представления о святых, связанные с золотом: *Богородица накрывает людей золотой ризою, на золотом престоле сидит Михаил-архангел или Богородица.*

4. Золото – **символ богатства и удачливости**. В колядках предвещается богатство: *«За рекой живут мужики богатые, гребут золото лопатами»*. Золотыми изображаются в колядках ворота и столбы хозяйского двора, мифические горы и мосты, дерево, растущее посреди хозяйского двора. Золото предстаёт в колядках и как высшая награда щедрым хозяевам: *«Кто подаст лепёшки – золоты окошки, кто подаст каши – золоты чаши»*.

5. Золото – **признак красивого и лучшего, признак молодости**. В фольклорных текстах, прославляющих или величающих того или иного человека, эпитет «золотой» относится к элементам одежды и дома. На совершеннолетие девушке дарили *золотой платок* (золотая мишура на красном фоне). Слово «золотой» употребляется в качестве эпитета в образных наименованиях сына и брата в похоронных причитаниях: *верба золочёная, яблоня с золотой вершинкой, соколочек ясенкрылый.*

6. Золото выступает как **образный заместитель красного и жёлтого цветов**. Например, красное золото (в заговорах и паремиях), обычай умываться не только «с золота», но и с красного пасхального яйца, название краснухи *золотуха – краснуха*. Вероятно, именно с обозначением некоторых болезней по признаку «золотой» связана известная клятва из договора Руси с греками 971 г., в которой дружинники призывали на себя несчастья в случае нарушения ими клятвы: *«да будем золоти яко золото»*.

7. Золото наделяется свойствами **оберега или лечебного средства**, ассоциируется со здоровьем, крепостью и чистотой. Например, обычай *умываться золотом при первом ударе грома*, лечить золотом самые разные болезни. Еще с древних времен считалось, что золото помогает избавиться от болей и перебоев в работе сердца, от душевных расстройств и робости. По старинным поверьям, *если держать золото во рту, это поможет при болезнях горла и сделает запах изо рта приятным*. Если *золотой иглой проколоть ухо*, то сделанное отверстие больше не зарастет.

8. Золото ассоциируется с **огнём, жаром, пламенем**. Например, параллельные названия болезни «золотуха» / «огник», «огница»; русская загадка: *«Стоит ларчик средь избы, в ларчике есть плат, в плате злато»* (отгадка: «печь»).

9. Золото – **атрибут «того света», сферы смерти**. В тридцатом царстве русских сказок, обнаруживающем все признаки мира мёртвых, всё окрашено в золотой цвет. Косвенное отражение связи золота и смерти исследователи усматривают в русской молодёжной игре *«золото хоронить»*, в жёлтом цвете поминальных пасхальных яиц.

10. Золото – **амбивалентная субстанция**. Как исключительная принадлежность «иногo» мира, оно превращается в свою противоположность на этом свете. Например, былички о дарах, полученных человеком от нечистой силы ночью в нечистых местах, в том числе о золоте, которое в «своём» пространстве оказывается на деле калом, навозом, черепками, углем, сухими листьями, щепками или мхом. И наоборот: воронежское поверье гласит о том, что человек, умерший от оспы и покрытый струпиями, на «том свете» будет ходить в золотых ризах. Рыбья чешуя вместо серебра в мотивах рассказов о кладях (и

наоборот). Помимо значения драгоценного металла, *золотом назывался кал*, прежде всего человеческий, *золотарить* – убирать отхожие места.

4. Элементы мифа, формируемого данной мифологемой (система образов, сквозных мотивов, ритуальных действий и атрибутов). Каковы традиционные образы, ритуальные действия и атрибуты, обуславливающие реализацию основных мифологических мотивов? В основном, это зооморфные и антропоморфные существа.

1. *Змей*. Змей летающий, приносящий деньги и золото и рассыпающийся золотыми искрами, – один из популярнейших персонажей славянской мифологии. Золото является основным атрибутом и эпитетом, а иногда и метафорой Змея. Известен русский заговор, в котором Змей пожирает золото: «течет ледян змей и пожирает он чистое серебро и красное золото». Змеиный царь у восточных славян имеет золотые рожки, золотую голову, золотой перстень. В Новгородчине верили, что радуга — это змея, которая вбирает жалом воду из земли и выпускает ее в виде дождя. На концах радуги-змеи повешено по котелку с золотыми монетами.

2. Часто посредниками между землей и небом в «передаче» солнечной субстанции являются *ящерицы, змеи* или *лягушки*, а в древности, вероятно, *волки, оборотни*. По владимирским поверьям, ящерицы, сидящие на солнце с открытым ртом, сосут солнечные лучи, а это большой грех. Змеями представлялись ночные светила: падающие звезды. В казачестве говорили, что они сосут кровь из женщин и девиц, доводя их до истощения. В общерусском фольклоре подобное поверье встречается в рассказах об огненных змеях-оборотнях, летающих к тоскующим вдовам и невестам.

3. *Ворон*. Ворон – птица мёртвых. Он хранит у себя в гнезде богатство, в том числе и золото, а также золотит себе голову и хвост.

4. *Леший*. Золото является атрибутом нечистой силы, и леший изображается золотым.

5. *Водяника*. Существо, владеющее золотым гребнем.

б. *Краснолюдки*. Появляются на земле в Сочельник. Если сорвать с них шапочку, они должны будут одарить человека золотом.

Существуют определённые правила, регламентирующие отношение к золоту, поведение человека.

Золотая символика, дохристианская по существу, функционируя в условиях постепенной христианизации культуры, сливалась с понятиями религиозного воздаяния и возмездия, добра и зла. Золото в преданиях и сказках о кладах всегда связано с испытаниями героев, его получают только избранные, оно рассыпается в прах у тех, кто не соблюдает «правил игры» с сакральным миром, и убивает тех, кто лишен доброй доли или хочет получить сокровища в обход «воли» самого золота. Именно воли, поскольку в русской мифологической прозе золото — живое существо, клады могут обращаться в людей, растения, животных, путешествовать по земле и искать своего хозяина.

Языческая по происхождению семантика золота повлияла на формирование и распространение в восточнославянском фольклоре сказочного сюжета «Поп в козлиной шкуре»: поп хочет отнять найденный бедняком клад, надевает на себя козлиную или бычью шкуру с рогами, чтобы испугать его, шкура пристаёт к коже, даже несмотря на то, что поп вернул котелок с золотом — последний мотив напоминает о верблюжьей или лошадиной коже из «Золотой горы». Казалось бы, замысел сказки — не более чем наказание за жадность, за попытку отобрать то, что тебе не принадлежит, если бы так неизменно эта сказка не воплощала антиклерикальные настроения. Завязкой обычно служат похороны (сына, жены), для которых у крестьянина нет денег, а тот бесплатно отказывается хоронить тело. Тогда сама земля дарит мужику золото: он копает могилу и находит котелок с червонцами, после чего справляет пышные похороны и обустроивает свое хозяйство. Осуждается не просто жадность попа, осуждается нежелание священника предать тело земле без платы за это. Поп обязан по-христиански проводить покойника в последний путь, невыполнение этой обязанности, по народному представлению, повлечет наказание превращением в зверя, в «душного» козла, по легендам, это животное во времена первотворения было создано дьяволом. Перед нами та же тема оборотничества, связан-

ная с сакральностью золота, но интерпретированная в духе нравоучительных народных христианских легенд.

Золото в фольклоре часто является наградой. Угли и сор превращаются в золото в руках обиженных, нищих или нищелюбивых людей. И наоборот, оно пропадает у тех, кто не соблюдает нравственных законов религии, несправедливо, без молитвы хочет достичь богатства. В одном доме умер нищий. Хозяин хотел сжечь его кафтан, но он не горел, бросил в воду — не тонет. Оказалось, что под каждой заплатой кафтана зашита деньги. Не возблагодарив судьбу, он купил на эти деньги свинью и вывел ее к реке. Посреди реки появилось огненное колесо, свинья прыгнула в него и пропала: не молился — скопил денежки.

Традиции отношения к золоту, регламентация поведения с золотом ярко выразились в сказах П.П. Бажова.

У Бажова, как и в фольклоре, история взаимоотношений человека с золотом — почти всегда история проявления человеческой жадности и алчности. В сказе «Змеиный след» зооморфное существо Змеёвка проходит сквозь камень и оставляет за собой золото «где каплями, где целыми кусками». Об один из таких камней разбивает себе голову от жадности Костька. Зато Змеёвка щедро одаривает безответного брата Костьки Пантелея. Она даёт ему возможность найти в «кладовухе земной» богатую жилу. Это позволяет Пантелею исполнить свою мечту и выкупиться на волю вместе со своей невестой.

В сказе «Огневушка-поскакушка» антропоморфное существо Поскакушка награждает деду Ефимку с Федюнькой за их бескорыстие и доверчивость, позволив им «годов с пяток в достатке пожить». Социальная незащищённость ребёнка-сироты придаёт дару этический смысл.

В сказе «Жабреев ходок» хранителем тайны муравьиного золота становится старатель Никита Жабрей, который на деньги, полученные от продажи золотых муравьиных лапоточков, устраивает пир на весь мир. Однако образ этого героя в сказе отнюдь не однозначен. Своим поведением он нарушает неписанные заповеди уральских старателей: не бахвалиться своим богатством, не допускать показного шика. В противном случае «бешеное» золото не доводит человека до добра. После гибели Жабрея сирота Дениска выступит в роли мстителя за смерть

Жабрея. Однако убив золотым лапотком купца, виновного в смерти Жабрея, герой исчезает. Смысл сказа дидактический: **золото** развращает людей, толкает их на преступления, и даже справедливая месть не делает героя богатым и счастливым.

Сказ «Голубая змейка» тоже дидактичен. В образе голубой змейки перед нами предстаёт классический символ золотой лихорадки, которая заставляет морально деградировать человека, получившего богатство. Только двум неразлучным друзьям – Ланко Пужанко и Лейко Шапочке – удаётся избежать этого проклятия благодаря крепкой дружбе.

Итак, золото, по мнению П.П. Бажова, приносит пользу только в том случае, если даётся в небольшом количестве и в основном детям. Оно улучшает на какое-то время благосостояние семьи, но не служит сказочному возвышению героя, не способствует изменению его социального статуса. Думается, что в этом отразилась специфика горнозаводской уральской ментальности с её памятью о «диком золоте».

5. Связанная с мифологемой идиоматика (афористика) и ее интерпретация. С мифологемой «золото» связано значительное количество афоризмов, образных сравнений, фразеологизмов, паремий, примет как показателей выражения стереотипов коллективного сознания.

Рассмотрим характер реализации семантической структуры слова «золото» в составе устойчивых сочетаний. Идиоматика, связанная с золотом, отражает традиционные представления о золоте.

Амбивалентный характер золота отражён в следующих паремиях и фразеологизмах:

- *Через золото слезы льются.*
- *Золото моем, а сами голосом воем.*
- *Золото мыть – голодом жить.*
- *Самоварное золото.*

Также в пословицах и поговорках присутствует значение золота как признака красивого, лучшего, молодого.

- *Золотое время – молодые лета.*
- *Золоту — старости нет, Родине – цены нет.*
- *Одно золото не стареет.*

Эта же семантика присутствует и в устойчивых сочетаниях:

- *Золотой век*. Выражение употребляется в значении «счастливая пора, беспечная жизнь, а также – время расцвета искусства, науки в истории какого-либо народа».

- *Золотое сечение* – гармоничное деление, деление в крайнем и среднем отношении, деление отрезка, при котором большая его часть является средней пропорциональной между всем отрезком и меньшей его частью.

Есть в русской идиоматике и значение золота как символа богатства и удачливости.

- *Золотая жила* — источник большого дохода.
- *Золотой кафтан охотнику, а золотой карман работнику.*
- *Золотые горы – подставляй поля!*
- *Золотые горы сулит.*
- *Богатому любой ветер несёт золото.*

Однако в соответствии с русской мифологической и христианской традициями отношение к богатству достаточно негативно, так как оно не соотносится с нравственными и умственными качествами, с понятием «здоровье», которые всегда более значимы. Это нашло отражение в таких выражениях:

- *Золотая клетка соловью не потеха.*
- *Не рад больной и золотой кровати.*
- *Свинья и в золотом ошейнике все равно свинья.*
- *При виде золота и пророк с пути собьётся.*
- *Оковы и золотые тяжёлы.*

Соляная символика золота, воплощённая в свете, блеске, отразилась в следующих идиомах:

- *Золото и в грязи блестит.* (Обладающий большими достоинствами всегда заметен).
- *Не всё то золото, что блестит.*
- *Яркое золото быстрее поблёкнет.*

Но самое значительное место занимают выражения, в которых золото выступает в значении чего-то чудесного, сверхчеловеческого, мерилом человеческих ценностей.

- *На вес золота.*
- *Правда дороже золота.*

- *Деньги прах, а жизнь золото.*
- *Слово - серебро, молчание – золото.*
- *Золото добывают из земли, а знания – из книги.*
- *Мал золотник, да дорог.*
- *Ремесло – золотой кормилец.*
- *Золото проверяют огнём, человека – трудом.*
- *Ясный ум дороже золота.*
- *Золото пробуют на зуб, женщину - на вкус, мужчину -*

на выносливость.

- *Золото огнем искушается, а человек напастьми.*

Анализ данных выражений позволяет сделать вывод о том, что сакральный смысл мифологемы утрачивается.

6. Трансформация семантики мифологемы: забвение, переосмысление, рождение новых смыслов. Если сравнить роль золота в традиционной народной культуре и в современном культурном пространстве, можно обнаружить некоторые различия. Анализ ассоциативного поля *золото* показал, что ядерными для современных подростков являются реакции, связанные со значением богатства (деньги, мани, большие деньги, богатство, богач).

В ближней периферии находятся ассоциации, обусловленные отношением к золоту как к ценному и красивому: драгоценность, клад, сокровища, ценное ископаемое, красота, украшение, драгоценный камень, красивый, яркий, блестит.

У современного школьника в области дальней периферии присутствуют ассоциаты, связанные с негативным отношением к золоту (убийства, безумство, смерть, страх, воровство, зависть людей, власть, искушение). Возможно, это связано с влиянием СМИ, литературной и фольклорной, мифологической традициями.

Среди полученных реакций есть такие, которые обозначают этические, нравственные установки: добро.

В небольшом количестве представлены ассоциации чувственно-эмоциональные: радость, удивление, очень хорошо, счастье.

Таким образом, в современном культурном пространстве утрачивается сакральный смысл слова «золото». Лишь по некоторым реакциям можно судить о наличии в сознании стереотипа

о сверхъестественной, магической силе золота, толкающей человека на преступления.

Анализ НАЭ (устойчивые выражения со словом *золото*) показал, что носители языка в соответствии с культурной традицией воспринимают слово в основном в метафорическом значении. По мнению В.А. Масловой, метафора – это «способ представления культуры. Она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей». Метафоры антропоцентричны. Человек становится мерой всех вещей. Эксперимент показал, что учащиеся «вписываются» в культурный контекст, так как ими освоены разные смыслы слова *золото*, соотнесены со стандартными представлениями носителей языка о мире: *золотые руки, на вес золота, золотой человек, золотые глаза, золотая лихорадка, золотое слово, золотой учитель, золотые годы, золотое время, золотые грёзы, золотое сердце, золото ты моё, золотое семечко, золотой ключ, золотые берега, золотые дети* (метафора ценного, красивого, лучшего).

В приведённых учащимися примерах видно, что *золото* включено в контекст нравственно-этических установок народа:

- *Друг важнее золота.*
- *Золото до добра не доведёт.*
- *Детство – золотое время.*
- *Золотые руки не знают скуки.*
- *Золото богатым дороже жизни.*
- *Друзей не продать за золото.*
- *Не всё то золото, что блестит.*
- *Мал золотник, да дорог.*
- *Всё ему золотые горы подавай.*
- *Время – это золото.*
- *Золото – это зло.*

Достаточно частотны выражения, связанные с символикой цвета и блеском: *золотое поле, золотое солнце, золотая осень, золотой поток, золотые купола.*

Употребление таких выражений, как *золотая лихорадка, прятать золото, золото дураков, золотой капкан, олимпийское*

золото, позолотить ручку свидетельствует, с одной стороны, о трансформации смысловой структуры мифологема, а с другой – о влиянии мифологической традиции, хотя оно не осознаётся носителями языка.

Только две реакции предъявляют прямое, неметафорическое осмысление золота в устойчивых выражениях: *голова золота* (золото с конскую голову), *золотая ложка*.

Таким образом, мифологема *золото* утратила сакральный компонент. Но рождаются и развиваются новые смыслы. Кроме того, современники в сфере бизнеса и рекламы пытаются «воскресить», актуализировать сакральные смыслы с целью воздействия на человека (потенциального покупателя).

Как пишет исследователь волшебных сказок В. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки», «тридесятое царство» имеет какую-то связь с солнцем. Оно может, например, находиться на небе, где солнце. Вспомним теперь, что в одном из роликов на небе показаны ингредиенты продуктов «Чудо», причем с неким сказочным колоритом.

Солнце в архаическом сознании бывает связано с золотом. Все, сколько-нибудь связанное с тридесятым государством, может принимать золотую окраску. Окраска солнечного царства в волшебных сказках всегда золотая. В сказках предметы, которые нужно достать из тридесятого царства, почти всегда золотые. Это *утка-золотые перышки, золоторогий олень, золотая клетка Жар-птицы* и т. п. Мифологема *золото* используется в большом количестве телевизионных рекламных обращений. В первых, сами названия продуктов: чай «Золотая чаша», кофе «Nescafe Gold» (причем в одном из роликов говорится про «золотую мечту»). В одном из рекламных роликов масла «Злато» напрямую говорится, что продукты после использования масла «Злато» становятся «золотыми»; слоган «Масло «Злато» – на чудеса богато!» упоминанием «чудес» сходен с рекламной кампанией продуктов «Чудо».

В роликах продуктов «Чудо» несколько раз говорится, что продукты «Чудо» – это иная, «чудо-страна», по Проппу – «небывалое государство»; слова «Чудо», «чудесно» и т. п. употребляются в каждом ролике по несколько раз («У нас гости» – «Чудесно»). Следовательно, продукты «Чудо» принесены из иного

мира и обладают сакральными функциями. Адресат проникается доверием к «Чудо»-продуктам. Так, можно сказать, что данная рекламная компания грамотно использует несколько связанных между собой мифологем и добивается желаемого воздействия.

Далее, в сказках самой обитательнице тридесятого государства, царевне, всегда присущ какой-нибудь золотой атрибут. Если упомянуты ее волосы, они всегда золотые. Здесь можно упомянуть, что волосы главной героини рекламной кампании имеют золотистый оттенок. Именно по ее инициативе в одном из рекламных роликов на небе проявляются составляющие «чудо»-продуктов. Но, по В. Проппу, тридесятое царство является «страной обилия». «Там хранятся силы, дающие...власть над природой, откуда их можно перенести в мир людей, этим можно добиться совершенного производства... На том свете перестают производить и работать, там только потребляют, и волшебные средства, приносимые оттуда, обеспечивают вечное потребление». Это близко к российской мифологеме о «молочных реках, кисельных берегах». В рекламе появляющиеся на небе продукты имеют сходство с этой мифологемой – облака в «глазури» и т. п.

Эту же мифологему можно выделить в рекламе шоколада «Alpengold». Кроме использования мифологемы золота («Alpengold» - настоящее золото Альп), здесь показаны шоколадные горы, по которым течет молочная река.

Литература

- Бажовская* энциклопедия. – Екатеринбург, 2007.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М., 1989.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. В 3-х тт. – М., 2006.
- Полярность* в культуре / Сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. – СПб., 1996.
- Российский* гуманитарный энциклопедический словарь: В 3-х тт. — М.; СПб., 2002.
- Русские* пословицы и поговорки. – М., 1998.
- Славянские древности: этнолингвистический словарь* в 5-ти томах. – М., 1995.

©Пятова Е.А., 2011

**Е.Н. Романова
Екатеринбург**

**К изучению межполушарной асимметрии учеников
5-11 классов**

Ключевые слова: функциональная асимметрия головного мозга, психолингвистические основы обучения русскому языку, психодиагностика речевой способности учащихся.

Теория функциональной асимметрии полушарий головного мозга за последние десятилетия активно развивалась, накоплен значительный теоретический и практический материал. Однако в практической работе педагогов и психологов дошкольных учреждений и школ довольно редко учитываются данные об индивидуальном профиле функциональной асимметрии мозга ребенка. Основы функциональной специализации полушарий мозга являются врожденными. По мере развития ребенка происходит усложнение механизмов межполушарной асимметрии.

Часто переоценивается роль левого полушария и логического мышления в становлении мыслительной деятельности ребенка. Школьные методики обучения тренируют и развивают главным образом левое полушарие, игнорируя, по крайней мере, половину возможностей ребенка, что подтверждается выражением французского исследователя И. Соньера: «Обучая левое полушарие, вы обучаете только левое полушарие. Обучая правое полушарие, вы обучаете весь мозг». Известно, что правое полушарие связано с развитием творческого мышления и интуиции. Основным типом мышления младшего школьника является наглядно-образное, тесно связанное с эмоциональной сферой. Это предполагает участие правого полушария в обучении, поэтому сдвиг межполушарной асимметрии в сторону абсолютного господства левополушарной стратегии мышления является не только биологической функцией взросления, но и результатом культурных традиций, социальных влияний и обучения. Добиться такого доминирования можно только ценой больших усилий учителя, родителей и ученика. Но всегда ли оправданы эти усилия?

Ведущий специалист в области нейропедагогики профессор Н.Н.Трауготт говорит: «Надо предостеречь школу от левополушарного обучения. Это воспитывает людей, не способных к реальным действиям в реальной ситуации» [Трауготт 1968]. Профессор Т.П. Хризман тоже предупреждает: «Исчезают правополушарники — генераторы идей. Вопрос стоит серьезно: надо спасти нацию» [Хризман 1991]. С ними соглашается и профессор Д.В. Колесов: «Истинное мышление — образное, комплексное, когда важно не только обозначить понятием, но и понять комплексно» [Колесов 1984]. Доказательством положительного воздействия развития правополушарности на общеинтеллектуальное развитие личности служат последние исследования американских, швейцарских и австрийских ученых, которыми были проведены эксперименты среди детей от пяти до пятнадцати лет. Контрольная группа обучалась по стандартной школьной программе, а в экспериментальной программе было увеличено количество уроков музыки за счет уменьшения часов занятий математики и языками. За три года дети не только не отстали от сверстников из контрольной группы, но даже показали лучшие результаты, особенно в изучении иностранных языков (вербально-аналитическое мышление).

Именно поэтому образование должно строиться с учетом преобладающего у детей образного мышления. Наиболее прогрессивно и целесообразно развитие обоих полушарий мозга. Так кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО Виктория Юркевич считает, что «нежесткое разделение полушарных функций способствует креативности (творческому мышлению), а жесткое — ее снижает» [Юркевич 2009].

В книге А.Л. Сиротюк «Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения» говорится о том, что чем больше усилий приложено в процессе воспитания к доминированию логико-знакового мышления (левополушарное образование), тем больше усилий потребуется в дальнейшем для преодоления его ограниченности. Иными словами, для того чтобы раскрепостить образное мышление и высвободить творческие силы, надо заняться переделкой того, что было заложено в детстве. Перевоспитывать, как известно, сложнее, чем воспитывать.

вать. Автор утверждает, что при неврозах и психосоматических заболеваниях происходит как бы частичное изъятие правополушарного вклада, в результате снижается способность к нестандартным решениям. Другими словами, если ребёнок часто болеет из-за постоянного перегруза и стресса, то образное, то есть творческое мышление у него развивается плохо. Так как способность к воображению в детском возрасте является предпосылкой мышления взрослого человека, то ребёнок не получает должного развития. Но взрослый думает, что если малыш опережает сверстников в знании и умении, то у него лучше развито и мышление. Что же происходит, когда такой ребёнок оканчивает школу, а затем и высшее учебное заведение и приходит на работу? К сожалению, всё чаще руководители различных сфер отмечают, что современные молодые специалисты с высшим образованием менее креативны и самостоятельны в своих решениях, чем их предыдущее поколение.

В ходе своего исследования нами была проведена психодиагностика с целью выявить соотношение количества левополушарных и правополушарных учащихся в современной школе. В качестве испытуемых выступило 570 учеников 5-11 классов средней общеобразовательной школы № 2 г. Агрыз. Предварительный этап – невербальная диагностика по опроснику М. Аннет и пробам А.Р. Лурия.

Нами были получены следующие результаты:

Правополушарные – 22%

Равнополушарные – 20%

Левополушарные – 58%

Далее был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Цель: проанализировать характер полученных в ходе эксперимента реакций и их зависимость от типа ведущего полушария.

Гипотеза: стратегии ассоциирования будут отражать особенности мышления, связанные с доминантностью одного из полушарий головного мозга.

Характеристика испытуемых: в эксперименте принимало участие 24 ученика пятого класса с полным доминированием правого полушария и 37 учеников пятого класса с полным доминированием левого полушария головного мозга.

Ученикам пятого класса предлагалось выполнить несколько заданий, например: подберите ассоциации к следующим словам: *жилище, стакан, голодный*.

Обработка результатов:

В результате обработки полученных реакций выявлено ассоциативное ядро, зона ближней периферии и зона дальней периферии:

Учащиеся с полным доминированием левого полушария Учащиеся с полным доминированием правого полушария

Слово-стимул *жилище*

Ядро: *дом* (10), *земля* (9) *деревянный дом* (14), *уют* (9)

Зона ближней периферии: *юрта* (3), *многоэтажка* (4)

наша крепость (4), *покой* (3) *особняк* (1)

Зона дальней периферии:

большое (1)

Слово-стимул *стакан*

посуда (12) *кухня* (8)

стеклянный (7),

кружка (5)

с чаем (5), *с соком* (3), *полный*

пиалка (1)

(4)

разовый (1)

Слово-стимул *голодный*

несытый (11), *не наелся* (9)

пес (5), *собака* (6), *волк* (8)

не покушал (3)

пища (3), *еда* (2), *Шарик* (2)

три дня не ел (1), *в животе*

урчит (1)

Вывод. Для правополушарных детей характерны мыслительные стратегии «от общего к частному», это четко продемонстрировано в полученных экспериментальных путём данных. Правое полушарие схватывает информацию в целом, оно легко образует различные ассоциации и с большой скоростью осуществляет их перебор. Именно правое полушарие хранит в себе такие сведения, которые позволяют толковать смысл слов. Правое полушарие осуществляет «толкования» или «пояснения» этого слова, в частности с помощью соответствующих зрительных (или вообще пространственных) и иных образов. Правополушарные реакции представляют собой стандартизированные клише, наподобие сочетаний «голодный пес». К тому же правое

полушарие отвечает за создание конкретных образов, и это прослеживается в полученных реакциях. Например, реакции на слово-стимул *стакан* более конкретны: *стакан с соком, стакан с чаем*. При доминировании левого полушария, реакции – синонимы и др. виды парадигматов. При этом основная мыслительная стратегия «от частного к общему», характерная для левого полушария, четко прослеживается на материале реакций, данных детьми с полным доминированием левого полушария головного мозга. Например, на слово-стимул *стакан* левополушарные учащиеся дают реакции *кухня, посуда*, обозначающие более общие понятия, ср., например, отношения между понятиями *стакан-посуда, стакан-кухня* – «от общего к частному». Для левополушарных характерно наличие четких логических связей между предметами, что также прослеживается в данных реакциях.

Как отмечают многие исследователи, наиболее грамотными являются равнополушарные учащиеся. Левое полушарие у них берет на себя основную работу по организации переработки зрительной и слуховой информации, моторного акта письма. Написав диктант, дети этой группы замечают и исправляют почти все допущенные ошибки.

Равнополушарный тип – отсутствие ярко выраженного доминирования одного из полушарий предполагает их синхронную деятельность в выборе стратегий мышления. Кроме того, существует гипотеза эффективного взаимодействия правого и левого полушария как физиологической основы общей одаренности.

Как мы выяснили, наиболее грамотными в обучении являются равнополушарные дети. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в современной школе необходимо уделить максимальное внимание развитию правого полушария именно левополушарных школьников, так как количество учеников с полным доминированием левого полушария головного мозга преобладает. Развитие правого полушария головного мозга осуществляется за счет внедрения в образовательный процесс творческих заданий, развивающих пространственно-образное, непосредственно-чувственное мышление, связанных с созданием целостных образов, символов, гештальтов. К тому же одной из важнейших задач современной школы является целенаправлен-

ное формирование творческой личности ребенка. Развитие творческих способностей учащихся — одно из требований, предъявляемых к организации учебного процесса в школе. Пробудить заложенное в каждом ребенке творческое начало, помочь сделать первые шаги в творчестве — задача не из легких. Как показывают результаты многих психолого-педагогических исследований детского творчества, у детей в школьном возрасте проявляется потребность в самовыражении. Следовательно, задача школы — создать такую обстановку, в которой возможно максимальное развитие творческого потенциала ребенка.

На основании проведенных диагностик мы разработали факультативный интегрированный курс по русскому языку «Комплексный анализ текста» для пятого класса, ставя в качестве одной из главных целей развитие правого полушария учеников с полным доминированием левого полушария. Данная цель достигается благодаря использованию многообразных творческих заданий, апробация и анализ которых будут проведены в следующем учебном году.

Литература

Колесов Д.В. Предупреждение вредных привычек у школьников. — М., 1984.

Трауготт Н.Н. Очерки психофармакологии человека. — Л., 1968.

Хризман Т.П. Эмоции, речь и активность мозга ребенка. — М., 1991.

Юркевич В.С. Одаренные дети: проблемы воспитания и развития // Образование, ребенок, ученик. — М., 2009.

©Романова Е.Н., 2011

Н.А. Синица
Екатеринбург

Церковная речь в зеркале русской диалектной лексики*

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инноваци-

Ключевые слова: духовная культура народа, церковная речь, десакрализация.

В русских говорах и общенародном языке выделяется группа лексем и фразеологизмов, относящихся к христианской религии и культу. Эти языковые факты большей частью представляют собой вторичные заимствования: из греческого они попали в старославянский и церковнославянский, оттуда – в книжный вариант русского языка, а затем проникли в говоры, где претерпели определенную адаптацию на разных языковых уровнях и нередко становились основой семантико-словообразовательной деривации. Реже отмечаются исконные лексемы, которые развили значения, связанные со сферой христианской религии. Анализ этого материала помогает обнаружить специфику народного восприятия и оценки христианской религии и отправления культов. В настоящей статье будет анализироваться процесс семантической деривации на базе «христианско-церковной» лексики, относящейся к сфере речевой деятельности. Выделяются следующие группы лексем, вступающих в процессы деривации: обозначения жанров церковной речи – *акафист*⁶, *исповедь*, *кондак*⁷, *молитва*, *проповедь*; названия священных книг – *Библия*, *Евангелие*, *Псалтырь*; словесные формулы, встречающиеся в текстах религиозного содержания, – *аллилуйя*⁸, *аминь*, *анафема*⁹; обозначения служителей культа, которым приписывается церковная речь, – *дьякон*, *дьячок*, *кало-*

онной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

⁶ *Акафист* ‘песнопение, прославляющее Иисуса Христа, Богородицу или святых, исполняемое молящимися стоя; состоит из чередующихся 13 кондаков и 12 икосов (церковных песнопений, содержащих прославление святого или празднуемого события)’ [Скляревская: 11].

⁷ *Кондак* ‘строфа акафиста, краткое церковное песнопение’ [Скляревская: 122].

⁸ *Аллилуйя* ‘припев церковных песнопений, повторяемый троекратно’ [Скляревская: 13].

⁹ *Анафема* ‘церковное проклятие, отлучение от церкви как высшее наказание в христианстве’ [Скляревская: 15].

гер¹⁰, *пономарь*, *поп*. Описанные группы лексики мы объединяем не совсем точным термином *церковная речь* (например, молитва может звучать не только из уст церковнослужителей); данный термин вводится условно и служит упрощению изложения.

Восприятие церковной культуры происходит преимущественно через богослужение, поэтому наиболее яркое и полное отражение в народном языке находят особенности **устной церковной речи**. И прежде всего внешние характеристики церковной речи, особая **манера произнесения**. **Песенность, протяжность** церковной речи отражают новосиб. *разводить молебен* ‘говорить плавно, протяжно’ [СРНГ 33: 291], курск., калуж., твер. *дьячить* ‘петь духовные песни, петь на клиросе’: «Он любит в церкви дьячить» [Даль 1: 451; СРНГ 8: 300], калуж. *дьячить* ‘петь что-либо по нотам (хотя и светское)’ [СРНГ 8: 300]. С протяжностью и напевностью речи богослужений связано и восприятие ее как **монотонной**: новг. *дьячить* ‘монотонно петь’: «Бабка гулко дьячит» [НОС 2: 113], общенар. *читать как пономарь* ‘читать монотонно, невыразительно’ [БАС 10: 1244]. С этим же связаны два других мотива – **выпрашивания** (новг. *дьячить* ‘твердить одно и то же, выпрашивая что-либо’: «Что ты с утра дьячишь? Сказано, что не дам денег на вино» [НОС 2: 113], пск. *дьячить* ‘просить милостыню’: «Калежи сидят, просят, белые шалгуны за плечами, у старцеф ани дьячут пад окнами и пают». [ПОС 10: 92], пск. *дьячить* ‘неотвязно, надоедливо выпрашивать, вымаливать что-нибудь’: «Знаиш как дьячил, ат самъй Ньюшки пакоя ни давал» [ПОС 10: 92]) и **поучения, нравоучения** (пск. *акафист читать (петь)* ‘поучать, отчитывать кого-либо, читать нравоучения кому-либо’ [БСРП: 14], простонар. *дьячить* ‘толмачить, толковать, объяснять’ [Даль 1: 451], пск. *дьячить* ‘навязчиво поучать кого-нибудь’: «Ну ланна, баба, хватя мне тут дьячыть» [ПОС 10: 92]). Далее, по-видимому, на основе идеи нравоучения, сформировался мотив **брани**: пск., твер. *молебен (с акафистом) читать (давать, петь, пропеть)* ‘ругать, отчитывать кого-нибудь, делать выговор кому-нибудь, читать нотацию’ [ПОС 18: 302; СРНГ 18: 215], карел. (рус.) *мо-*

¹⁰ Ср. старорус. *калогер* ‘монах, почтенный старец’ [СлРЯ XI–XVII в.: 38].

лебны служить ‘ругаться, браниться’: «Ну пошли фирсовские бабы молебны служить» [СРНГ 18: 215], пск. *давать /дать (петь / пропеть) молебен* ‘ругать, отчитывать’ [БСРП: 408], влг. *править молебен* ‘ругать, отчитывать’ [БСРП: 408], пск. *петь / пропеть аллилуйю* ‘ругать, отчитывать кого-либо’ [БСРП: 16], пск. *читать псалтырь* ‘ругать, отчитывать кого-либо, читать нравоученья кому-либо’ [БСРП: 541].

Церковная речь воспринимается также как **длительная** и **многословная**: омск., новосиб. *разводить молебен* ‘долго и нудно говорить, рассказывать’ [СРНГ 33: 291], дон. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многоречивом человеке’ [СДГВО 2: 112], перм. *калагирь* ‘шутник-старичок; рассказчик-старичок’ [СРНГ 12: 333], (без указ. места) *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’: «Сегодня день не Петровский, язык не поповский» [СРНГ 29: 325]. Ироническим переосмыслением последнего факта, по-видимому, является пск. *поповский язык* ‘о немногословном, молчаливом человеке’ [Там же].

Содержание богослужебных текстов, как правило, малопонятно, что приводит восприятию церковной речи как **бессмысленной**: свердл. *молебен служить* ‘пустословить’ [СРГСУ: 302]. Идея бессмысленности, бесполезности связана с идеей **отсутствия какого-либо признака**, проявляющейся во фразеологии и деривации на основе слов *аминь* и *молитва*: влг. *с амином уйти* ‘получить отказ, уйти ни с чем’: «Отказали ему, с амином парень ушёл» [СГРС 1: 16]. Частным проявлением этой идеи становится мотив пищи без начинки, часто постной, в представлении народного сознания «пустой»: ростов., яросл., новг. *пирог с амином (с амином)* ‘пирог без начинки’ [СРНГ 27: 39], краснояр., свердл. *молитвенник* ‘пирог без начинки; лепешка без приправы’: «Пустой пирог внутри с маслом молитвенник зовут. Просту лепешку маслом помажешь, растронется, молитвенник» [СРНГ 18: 219; СРГСУ 2: 135], перм., костром. *пирог с молитвой* ‘пирог без начинки’: «С чем пирог у тебя седни? С молитвой». [СРНГ 18: 217], вят. *с постной молитвой испечь что-либо* ‘без начинки испечь что-либо’: «Испеку я вам завтра пирог с творогом, а другой с постной молитвой» [СРНГ 30: 230]. Важно и то, что во время поста воздержание от скоромной пищи со-

проводилось усиленными молитвами, ср.: «Пришла редька да хрен да книга Ефрем» [Даль 2: 513].

Представления о малосодержательности и многословности церковной речи, вероятно, послужили основой для развития мотивов **сплетен** (курск. *понесть аллилуйю* ‘разболтать, разглашать что-либо, насплетничать’ [БСРП: 16]) и **чепухи** (влг. *аллилуйя* ‘чепуха, ерунда’: «Наскажет вам всякую аллилуйю» [СГРС 1: 15], ворон., влг. *затянуть (понести) аллилуйю с маслом* ‘начать говорить вздор’ [СРНГ 11: 122], карел. (рус.) *наоколáчивать аллилуйю* ‘насобирать всякой всячины, чего-либо ненужного’: «Аллилуйю какую наоколачиваете, спрашивали бы, я бы лячкала» [СРГК 1: 18]). Стоит также отметить влияние на семантику дериватов слова *аллилуйя* необычного звукового облика слова: слово воспринимается как звукоподражание и сближается с исконными звукоподражательными словами, обозначающими интенсивную, нечленораздельную и непонятную речь, ср. костром., ряз., пенз., перм., тамб., твер. *алалы́кать* ‘говорить невнятно, бормотать’, калуж., сев-двин. *алалáкать* ‘говорить вздор, чепуху’, калуж., курск., пенз., тамб. *алалá* ‘бесмыслица, вздор, бред’ [СРНГ 1: 230]). Вероятна контаминация слова *аллилуйя* со звукоподражаниями типа *алалáкать*, ср. пенз., тамб. *алалúть* ‘говорить неразборчиво, непонятно’, ‘говорить вздор, чепуху’, костром., курск., пенз., тамб. *алалúйя* ‘бесмыслица, вздор’ [СРНГ 1: 230] и др. Развитие «речевой» семантики приводит к появлению значений, характеризующих обладателя неразборчивой и бессмысленной речи: сев.-двин. *алалуй* ‘дурак, идиот’ [СРНГ 1: 230].

В потоке церковной речи носитель народного сознания выделяет определенные ключевые точки, значимые элементы, характеризующиеся **сильной позицией в тексте**: в первую очередь, это слово *аминь*, занимающее позицию конца, а также повторяемый трехкратно рефрен *аллилуйя* и восклицание *анафема*, обладающее сильной экспрессией. От этих слов образуются семантические дериваты, в значениях которых чувствуется яркий **эмотивный компонент** (твер. *аминь-аминь!* ‘ба-ба!’ [СРНГ 1: 251], влг. *аминь будь* ‘слава богу’ [СРНГ 1: 251], влг. *аминь возьми!* ‘черт возьми!’: «Полохало поставили, а всё равно всё съили в огороде курисы, амин их возьми». [СГРС 1: 16]) и при-

знак **чрезмерности** (прост. *анафемски* ‘очень, слишком, чрезмерно’ [БАС 1: 134], арх., влг., *амин* ‘употребляется для выражения чувств, связанных с чем-либо из ряда вон выходящим’: «Амин откуда вы есь! Аж с Урала вас сюда пригнали!» [АОС 1: 71; СГРС 1: 16], арх. *амин* ‘очень’: «Прямо синяфки была, дак амин страшно» [АОС 1: 71], арх. *амин* ‘употребляется для выражения высшей степени проявления какого-либо признака’: «Петух у нас герой, дак амин» [АОС 1: 71], арх., влг. *амин*, *аминь* ‘много, в большом количестве’: «Да раньше накодан экой ворох, амин навозу-го» [АОС 1: 71; СВГ 1: 16], влг. *аминь* *будь* ‘очень сильно, очень много’: «Ну уж он не здоров, так аминь будь» [СРНГ 1: 251], литер. *аллилуйный* ‘преувеличенно хвалебный’ [БАС 1: 96]).

Наиболее сильно позиция слова в богослужебном тексте влияет на развитие семантики лексемы *аминь*. Из идеи конца текста развилась идея **конца какого-либо действия и конца вообще**: литер. *аминь* в знач. сущ. или нареч. употребляется при решительном утверждении: в смысле — конец, кончено [БАС 1: 103], пск. *аминить* ‘кончать дело, работу’: «Довольно, будем аминить» [СРНГ 1: 251], твер. *зааминить* ‘закончить, завершить что-либо, сказав «аминь»’: «Думаешь, зааминил, — так и прав», «Молитвы-то сегодня поп и не зааминил» [СРНГ 9: 238], ряз. *аминок* ‘все, конец’ [ДС: 46], *затянув аллилуйю, да скорей за аминь* ‘торопиться к концу дела’ [Даль 1: 11]. Частным проявлением идеи конца становится мотив смерти: смол. *амин* ‘гибель’: «Ну теперь будет вам амин» [СОС: 9], *здать кому аминь* ‘порешить, уничтожить’ [Даль 1: 15].

Большинство из приведенных выше фактов свидетельствует о **десакрализации** церковной лексики, при которой происходит перенос определенных ситуаций, явлений и деталей, характерных для сферы христианской религии, в обыденную жизнь. Так, в восприятии *анафемы* центральной является идея **проклятья, осуждения**: литер. *анафематствовать* ‘проклинать, ругаться’ [БАС 1: 134], *анафемский* ‘с порицательным значением (скверный, ужасный и т. п.)’ [БАС 1: 134], простореч. *анафема* ‘проклятье, брань’, *анафемить* ‘ругать, проклинать, желать зла и гибели’ [Даль 1: 16], литер. *предавать анафеме* ‘клеймить, подвергать резкому осуждению’ [БСРП: 17], простореч. *будь ты*

(он, они) *трижды анафема!* ‘восклицание, выражающее крайнее возмущение, негодование, проклятье’ [БСРП: 17]. При развитии семантики слова *аллилуйя* главным становится мотив **восхваления**, который проявляется преимущественно в фактах литературного языка: литер. ирон. *аллилуйщина* ‘чрезмерное восхваление работы учреждений, организаций, отдельных лиц, сознательно прикрывающее недостатки и мешающее этим их устранению’, *аллилуйщик* ‘человек, чрезмерно восхваляющий что-либо в ущерб делу’, *аллилуйный* ‘преувеличенно хвалебный’ [БАС 1: 96], разг. *петь / запеть* (*нести / понести, тянуть / затянуть*) *аллилуйю* ‘захваливать, превозносить кого-либо выше всякой меры’ [БСРП: 15].

Специфична логика семантического развития слова *исповедь*. В отличие от других (монологических) видов речи, исповедь предполагает диалог, поэтому ситуация здесь может отражаться с двух сторон: со стороны исповедующего и со стороны исповедуемого. В первом случае выделяется мотив **расспрашивания, дознания** (арх., влад. *исповедовать* ‘разузнавать, разведывать’ [СРНГ 12: 229], пск. *исповедовать* ‘спросить (спрашивать) о чем-нибудь’: «Долга вас спаведьвали?» [ПОС 13: 316], влг. *исповедовать* ‘расспрашивать, настойчиво допытываться о чем-либо’ [СВГ 3: 22]), а также указания на грехи исповедуемого (пск. *исповедовать* ‘ругать, стыдить’: «Вот иё там зьлучили в кьридоры и испаведьвали» [ПОС 13: 316]) и поучения (пск. *исповедовать* ‘поучать’: «Сынок, я тебя фсё спаведываю, письма часта пишу» [ПОС 13: 316]). Во втором случае (при отражении ситуации исповеди со стороны исповедуемого) выделяется **мотив откровенности**: литер. *исповедь* ‘откровенное признание в чем-либо, откровенное, чистосердечное изложение чего-либо’ [МАС 1: 682], дон. *как попу на духу* (*сказать*) ‘открыто, честно, ничего не утаивая’ [СДГВО: 6]. Следует отметить такую характерную деталь: в реальной ситуации исповеди наиболее активную роль играет исповедуемый, а «языковое зеркало» ярче и полнее отражает речь исповедующего. Активность исповедую-

щего подчеркивается и во фразеологизме *глухая исповедь* ‘разговор, во время которого говорит только один собеседник’¹¹.

Несмотря на высокую степень десакрализации, о которой говорилось выше, в народной языковой традиции отражаются и представления о **сакральности** церковной речи, которые проявляются в связи с дериватами слов *аминь* и *молитва*. При развитии значений этих слов может измениться сфера сакрального: семантические производные отдаляются от церковной сферы и приобретают значения, связанные с **магией** (заговорами и заклинаниями): забайк. *молитва* ‘текст заговора’ [СРНГ 18: 217], перм. *молитва* ‘слова, составляющие заговор’ [АОС 2: 136], влг. *молитва* ‘охранительный заговор (молодым на свадьбе или скоту от зверей)’ [СРНГ 18: 217] и др. (ср. также использование слова *молитва* в болгарской календарной лексике, где оно означает ритуальный текст, произносимый колядчиками во время святочных обходов села [Седакова 2003: 536]). В отличие от некоторых других проявлений церковной речи, которые могут представляться народному сознанию бессмысленными и бессодержательными, *аминь* и *молитва* имеют четко выраженную прагматическую установку. Эти слова могут выступать в качестве **оберега** и наделяться способностью уничтожить нежелательные явления и болезни: калуж. *ни хрестом, ни молитвой* ‘никак’ «От черта хрестом избавишься, а от бабы — ни хрестом, ни молитвой» [СРНГ 20: 215], *аминь, аминь и рассыться* ‘говорится нечистой силе’ [Даль 1: 15], печор. *аминь под бок* ‘выражение, употребляемое при обряде крещения ребенка для обережения его от нечистой силы’: «Крестные при крещении плевали 3 раза в левый бок и говорили: аминь под бок» [ФСРГП 1: 23], арх. *аминь-слово* ‘не во вред будь сказано’: «Аминь-слово, он уж к дому приверует» [СРНГ 1: 251], пск., смол., яросл. *аминиться*, арх. *зааминиться* ‘произносить «аминь», ограждая себя от зла, несчастья’ [СРНГ 1: 251], влг., костром., яросл., пск. *зааминить, зааминивать, зааминовать* ‘в суеверном представлении: избе-

¹¹ Исходно ситуация глухой исповеди – особый способ исповедования больного, при котором больной находится без сознания или по какой-либо другой причине не может говорить.

гать неприятностей, уничтожать заболевание, заговаривая, произнося «аминь»»: «На каком глазу сядя жычына <ячмень на глазу>, на тую руку привязывать шарсьтяну нитачку и зааминивають, три рас “амин” нада гъварить и прайдё, засохня» [ПОС 10: 291], арх., иркут. *зааминить* ‘уничтожить, заговорить болезнь (колдовством, заклинанием)’ [СРНГ 8: 238]. В этом случае слово *аминь* можно рассматривать как перформативное (приравняемое к действию): яросл. *аминить* ‘произносить «аминь»’: «У солдата <в аду> что кольцо сковано, то аминено» [СРНГ 1: 251]. К семантике оберега близки фразеологизмы, используемые для выражения **несогласия**: ворон. *сотвори молитву* ‘не говори пустяков, вздора’ [СРНГ 18: 217], олон. *молись ты богу!* ‘полно тебе!’ [СРНГ 18: 219], влг. *аминь будь* ‘означает полное несогласие с мнением другого лица’ [СРНГ 1: 251]. *Аминь* и *молитва* здесь выполняют функцию предостережения от совершения ошибки.

Трансформация признака сакральности церковной речи может привести к ироническому переосмыслению церковной речи и к появлению мотива **брани**: калуж. *моли́твить* ‘рано утром (когда другие молятся) браниться неприличными словами’, ‘бранить кого-либо’ [СРНГ 18: 218], костром. *молитва* ‘неприличные стихи, которые читают при игре «в лошадь»’ [СРНГ 18: 217]. В данном случае мы видим развитие семантики на основе энантиосемии, т. е. переключение «полюса оценки» на противоположный – с «чистого» на «нечистый» (ср. также влг. *аминь будь* ‘слава богу’ [СРНГ 1: 251] и влг. *аминь возьми!* ‘черт возьми!’ [СГРС 1: 16]). Ср. также модель ‘призывать в свидетели Бога’ → ‘ругаться’: сиб. *божить* ‘ругать, сквернословить’, дон. *боговать* ‘ругаться, упоминая Бога’, *отбоговать* ‘отругать’ (как указывает А. В. Хелемендик, такое развитие значений является довольно поздним и объясняется изменением мировоззрения в связи с секуляризацией жизни [Хелемендик 2007: 89]). Важно и то, что брань, как другие виды «особой» речи, способна выступать в качестве сильного оберега [СД 1: 251].

Церковная речь связывается с конкретными **исполнителями**. В «изображении» диалектной лексики субъектами такой речи обычно выступают представители низших степеней духовен-

ства. Нередко это **дьякон и дьячок**¹², ср. карел. *надячить* ‘начать читать проповедь’: «Возьми вина да надьячишь» [СРГК 3: 317], простонар. *дьяконник* ‘ектения¹³, произносимая дьяконом во время церковной службы» [Даль 1: 451], дон. *как дьякон на амоне* ‘о болтливом, многоречивом человеке’ [СДГВО 2: 112], новг. *дьячить* ‘говорить, вести беседу’: «На супрядке дьячили» [НОС 2: 114] (ср. также значения слова *дьячить* ‘петь духовные песни, петь на клиросе’, ‘петь что-либо по нотам («хотя и светское»)’, ‘монотонно петь’, ‘твердить одно и то же, выпрашивая что-либо’, ‘просить милостыню’, ‘неотвязно, надоедливо выпрашивать, вымалывать что-нибудь’, которые рассматривались выше). Еще одним исполнителем церковной речи называется **поп**: сиб. *два дурака: поп да петух, кто помрёт — он поёт* шутол. ‘о недалеком, глуповатом человеке’ [ФСРГС: 145], диал. *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’ [СРНГ 29: 325], пск. *поповский язык* ‘о немногословном, молчаливом человеке’ [СРНГ 29: 325]. Субъектами церковной речи могут быть также **пономарь** (общенар. *читать как пономарь* ‘читать монотонно, невыразительно’ [БАС 10: 1244]) и представители черного духовенства – **монах** и **калогер** (новг. *монáшиться* ‘вести разговор в толпе’ [НОС 5: 95], перм. *калагёр* ‘шутник-старичок; рассказчик старичок’ [СРНГ 12: 333]).

С образом исполнителя тесно связан такой жанр церковной речи, как кондак: ворон. *конда́к* ‘прозвище гнусавого человека’ [СРНГ 14: 246], арх. *конда́к* ‘хитрый, злобный человек’ [СРНГ 14: 246]. Довольно необычный перенос названия жанра речи на атрибут ее исполнителя наблюдается в лексеме перм. *кондак* ‘пучок волос у церковных причетников, заплетенных в косу и подвязанных на затылке’: «Видно, церковник как-от идет; наза-

¹² В церковной иерархии дьякон и дьячок обозначают разных служителей культа, но поскольку их обозначения связаны этимологически, а функции, которыми наделяет эти фигуры народное сознание, практически не различаются, представляется возможным рассматривать дериваты этих слов недифференцированно.

¹³ *Ектения* ‘молитвословие, произносимое дьяконом или священником на богослужении, начинающееся с призыва к молитве и содержащее ряд прошений, после каждого из которых хор поет «Господи, помилуй» или «Поддай, Господи»’ [Скляревская: 90].

ди-то кондак» [СРНГ 14: 246]. Такое развитие значения может быть вызвано тем, что чтение кондака допускало отсутствие у церковнослужителей головного убора – и пучок волос на затылке становился яркой деталью, определяющей восприятие внешности церковнослужителя.

В заключение рассмотрим лексику христианской религии, связанную с **письменной речью**. Это слова *Библия* и *Евангелие*. Важными характеристиками этих книг являются **большой объем** (вгл. *библия* ‘что-либо, написанное в большом объеме’: «Эко я бахвалю-то, ты вон целую библию написала» [СГРС 1: 113], вгл. *евангелие* ‘о большом количестве написанного’: «Целое евангелие написала» [СГРС 3: 299]) и **крупные буквы**, которыми эти книги пишутся (влад. *по-евангельски (писать)* ‘крупными буквами (писать)’ [СРНГ 8: 311]). В связи с Библией отмечается фразеологизм карел. (рус.) *житейская библия* ‘биография’ [БСРП: 40], в котором Библия представляется как жизнеописание и этим сближается с Евангелием. На основе представления о большом количестве речи развивается семантика сочиненного текста: иркут. *библию составлять* ‘выдумывать, сочинять’: «Паря, ты мне библию составляешь» [СРНГ 40: 59]. С этим же связан **мотив сплетен** (сиб. *составлять библию* ‘наговаривать на кого-либо’ [БСРП: 40]), из которого, вероятно, развивается **мотив брани** (вгл. *составлять библию* ‘ругать, бранить кого-либо’ [БСРП: 40]). Кроме того, Библия осознается как определенный **свод жизненных норм и правил**: сиб. *по бесовской библии (жить)* ‘бесчестно’ [БСРП: 40].

Таким образом, лексика вербальной сферы христианской религии дает значительное количество производных в русских народных говорах. Анализ этого материала показывает, что носители диалекта уделяют основное внимание внешней стороне церковной речи, а не ее содержанию. В большинстве случаев эта лексика подвергается десакрализации, отрывается от церковной сферы и начинает употребляться в связи с бытовыми ситуациями. Довольно часто изучаемые лексические факты несут негативную оценку. Кроме того, слова, обозначающие церковную речь, в народном языке обладают различной степенью активности. Наиболее продуктивными в плане семантического развития оказываются слова *аминь* и *молитва*: это такие элементы речи,

по отношению к которым носитель народного сознания оказывается непосредственным субъектом действия, а не пассивным наблюдателем церковного обряда.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1994. – Т. 1–4.

Петкевич А.В. Жертвоприношение в русской символической картине мира: Магистерская диссертация / Уральский государственный университет. – Екатеринбург, 2007.

Седакова И.А. Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством) // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина 2003 г. Доклады российской делегации. – М., 2003.

Склярёвская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб., 2000.

Хелемендик А.В. Генетическая характеристика лексико-семантического поля ‘ругать (-ся) в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.

Список сокращений и словарей

АОС – Архангельский областной словарь. – М., 1980 –. Вып. 1.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1950–1965. – Т. 1 – 17.

БСПП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2008.

ДС – Словарь современного русского говора (д. Деулино Рязан. р-на Рязан. обл.). – М., 1969.

МАС – Словарь русского языка. – М., 1986–1987. – Т. 1–4.

НОС – Новгородский областной словарь. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Л., 1967–. Вып. 1–.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. – Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Екатеринбург, 1996.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – М., 1995–. Т. 1–.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области. – Волгоград, 2006. – Вып. 1–.

СлРЯ XI – XVII в. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–. Вып. 1–.

СОС – Смоленский областной словарь / Сост. В.Н. Добровольский. – Смоленск, 1914.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – СПб., 1994–2005. – Вып. 1–6.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск, 1964–1987. – Т. 1–7.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.; Л., 1965–. Вып. 1–.

ФСРГП – Фразеологический словарь русских говоров нижней Печоры.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983.

©Синица Н.А., 2011

Е.В. Сычёва

Ставрополь

Цветовые обозначения, формирующие индивидуально-авторскую картину мира (на материале очерков В. Пескова «Лесные глаза»)

Ключевые слова: идиостиль, коннотативный компонент лексического значения, картина мира.

Разностороннее лингвистическое изучение речевых возможностей человека предполагает изучение психолингвистических основ порождения и восприятия речи. В связи с этим следует отметить, что ментальное пространство человека состоит из многих элементов, одним из которых является цвет. В очерках В. Пескова он определён зрительно-визуальной образностью. Цветом пронизано всё повествование, сообщая адресату

эмоциональное состояние автора, позволяющее влиять на восприятие, оценку, описываемых событий.

Цветовое восприятие действительности связано с непосредственным физиологическим влиянием, а также ассоциативными знаниями предыдущего опыта. Окружающий нас мир всегда окрашен в какие-нибудь цвета, например, ахроматические: лексему *белый*, мы свяжем, скорее всего, с *чистотой, холодом, прозрачностью* т.е. не всегда «бесцветные» соединения смыслов связаны с обозначением цвета. Дефиниции цветообозначений обусловлены географическим местом средоточения национальной культуры, например, для культуры одного народа (Ирландия) доминантным является (хроматический) зеленый цвет, житель Африканского континента, скорее всего, не соотнесет лексемы *пустыня* и *зеленая*. В цветовой картине мира отражается весь опыт человеческого познания, языкового и концептуального, значимого для формирования национальной картины мира.

Традиционно выделяют три области исследования цвета: психологическую, эстетическую, физиологическую. Причем, по замечанию Л.Н. Мироновой, все эти факторы взаимосвязаны, порой их невозможно разделить [Миронова 1989: 12], ведь «цвет дает нам теплоту жизни, ощущения, эмоции и все неопишуемые нюансы опыта (переживания), которые интеллект не способен выразить или определить» [Говинда Лама Анагорика 1993: 137].

Цветовая картина мира В. Пескова на языковом уровне вербализуется в виде ряда средств и приемов: пейзажных, портретных описаний с использованием таких тропов, как метафоры и сравнения, усиливающие образность, эмоционально-оценочную функцию, вербализуемую в тексте. Следует заметить, что цветообозначения имеют качественный характер прилагательного и соотносятся с главным словом на основе закреплённых в узусе его цветовых обозначений, либо способных принять новую дефиницию. Цветовая метафорика очерков В. Пескова разнообразна по количеству и качеству создаваемых образов, определённые цвета характеризуют и настроение автора, и «настроение» окружающей его действительности: «Каждый год мы видим зеленое зарождение жизни и желтое увядание». Для описания Африки, например,

характерны желтые, коричневые краски («Кругом была сухая, желтая Африка»). В описании Русского Севера, Аляски, преобладают белые, голубые цвета: «<...>мы почти физически чувствуем дыхание Севера – блеск снега под низким солнцем, безмолвие белых равнин<...> затерянность человека в ледянящих душу и сердце диких пространствах». Здесь метафорический эпитет формирует смысловое поле семы ахроматического цвета и запускает механизм читательской рефлексии, т.е. восприятие цвета ассоциируется не с самим окрашенным объектом, а с формируемым им контекстом.

Для описания средней полосы России В. Песков использует всё существующее буйство красок, образующих цветовую палитру. Рассмотрим некоторые примеры цветообозначений, создающих стилевые признаки художественной публицистики, имеющей в своём арсенале языковые средства образительности, присущие языку художественной литературы. Использование цветообозначений играет важную роль в формировании художественно-публицистического стиля, так как отражает своеобразие творческой индивидуальности автора, его неповторимое образное видение мира, что влияет, в свою очередь, на образную мысль читателя. Образность в цветообозначении, тем выразительнее, чем точнее назван предмет. «Рисуя, я редко знаю, что значит мой образ<...>; я только вижу его живым перед собою – и смотрю, верно ли я рисую», – замечал И.А. Гончаров, говоря об образной конкретности. В. Песков, создавая поэтические образы природы, использует образительные средства художественной литературы, «рисую», достигает, осознанно или нет, активизации восприятия адресата, что является эффективным средством для достижения взаимопонимания коммуникантов – сравнение помогает пониманию.

В результате исследования, проведенного в рамках данной работы мы выявили основные тематические группы, которые включают объекты, обозначенные цветом. Принимая классификацию В.Г. Кульпиной [Кульпина 2001: 81-441], мы распределили цветообозначения следующим образом:

Природные объекты:

1. Цветообозначение небесных объектов.

2. Цветообозначение метеорологических объектов.
3. Цветообозначение флористических объектов.
4. Цветообозначение анималистических объектов.

Отметим, что идиостилевое поле *цвета*, в заявленных очерках, представлено шестью микрополями: «чёрный», «белый», «красный», «синий», «зелёный», «фиолетовый» с различной их градацией. Цвет у В. Пескова, – это объективные (внешнесобытийные) и субъективные (внутриличностные) знания, которые обусловили специфику авторского мировидения, отраженного в системе узуальных, символических и эстетических смыслов, не всегда связанных со смыслом только цветовым. Публицист мастерски использует метафорические переосмысления, сравнения, антитезы, приемы градации цветовых тонов для создания символических, эстетических, узуальных контекстов.

1. Цветообозначение небесных объектов

Лексема *солнце* связана с множеством слов, имеющих отношение к свету: солнце светит, свет солнца и т.д. В фольклоре солнце обычно красное, реже – золотое. У Василия Пескова: «Красным блюдом проплывает солнце над горизонтом» – артефактная метафора. «Красное солнце раскалённым кругом опускается в воду. Золотистый луч, как взмах руки на прощанье, светит в фиолетовой дымке». Антропоморфное сравнение («как взмах руки»). Причем, принимая во внимание, что осознаваемым цветом, наряду с серо-бело-черными тонами, у славян существовал красный цвет, в различных его градациях (например, Червонная Русь), до XVI в. лексема *красный* обозначала не цвет, а именно красоту, логично предположить, что полифония смыслов, вербализованных в данном контексте представляет собой именно глубинный смысл, отраженный в узусе цветообозначений. По замечанию Г.О. Винокура, «поэтический язык не существует без прочных корней в языке реальной действительности» [Винокур 1990: 129].

«...каждая веточка и соринка солнечным светом утопляется в снег и <...> постепенно весь снежный мир становится синим». Речь идет о наступлении сумерек, – здесь всё у Пескова переливается, блестит (*солнечный свет*, *снежный мир*). «Блеск сумерек» становится понятным, если учесть, что синий – не

цвет (в представлении древних славян), а степень яркости чёрного цвета, т. е. синий – это блестящий чёрный. На грамматическом уровне глагольная словоформа *утопляется* служит конкретизации происходящего: постепенное «погружение» в сумрак; помимо образности, в данном контексте реализуется категория диалогизма посредством диалектной лексики, характерной для разговорного стиля.

Лексема *луна* в русском языке обычно белая и голубая. У В. Пескова: «Она такая же красная, круглая и большая, как солнце сорок минут назад» и ещё: «<...> луна из красного пятака превращается в золотую монету». Уподобление солнцу – одна из метафор, реализующих эстетический замысел публициста.

2. Цветообозначение метеорологических объектов

У В. Пескова цветообозначения снега, инея и пр. – стереотипно-белые или синие (голубые). Его видение метеорологических объектов не расходится с закрепленными в узусе цветообозначениями. Интереснее в данном контексте метафоризация, позволяющая образнее, ярче обозначить природные явления:

«Я видел, как приходит зима. Вчера был праздник, а сегодня лес, прогулявший всё, до последней золотой копейки, стоит озябший, притихший.» – антропоморфная метафора («приходит зима»). Уподобление: лес предстаёт в образе промотавшегося кутилы, ожидающего расплаты за беспечность.

«Осень белит морозами траву, вставляет в лужи холодные стекла» – антропоморфная метафора («осень белит», «вставляет стекла»).

«Видишь деревню на берегу, слабо нарисованную углем. Временами рисунок как будто мелом запудрен» – антонимическое противопоставление. Традиционные ахроматические цвета «рисуют» тишину, спокойствие; лёгкую, воздушную поступь зимы, это достигается сравнением: «как будто мелом запудрен», метафорой: «слабо нарисованную углем».

«Сиж у огня. И слышу – идёт зима. Большая, белая, тихая. Поглядел кверху: тяжёлая туча, как корабль, наехала на высокую сосну, и полетели из тучи белые перья». Антропоморфная метафора («идет зима»), метафора сравнения: «полетели из тучи белые перья», собственно сравнения: «тяжёлая туча, как

корабль». Антонимические противопоставления: «сизу у огня» и «слышу – идёт зима», т.е. общую цветовую картину создают не явные цветообозначения, а контекст, в котором почти физически, на фоне огня (он может быть представлен красным цветом), что в свою очередь вызывает ассоциации тепла, ощущается приближение холода, которое усиливается метафорой: «полетели из тучи белые перья».

«Над лесом к окну движется белая пелена. Около рамы кружатся холодные мохнатые существа. Дом, не качаясь, плывёт в молочную темноту<...>». Антропоморфная метафора («движется белая пелена»).

Замечательно Песков «рисует» образ снега: «полетели из тучи (традиционно – чёрной, сизой – Е.С.) белые перья», «кружатся холодные мохнатые существа» Метафорический эпитет с семой ахроматического цвета позволяет запустить механизм читательской рефлексии, создаёт перспективу эмоционального восприятия объектов, создаваемых В. Песковым.

3. Цветообозначение флористических объектов

Цветообозначения ботанических сообществ – леса, садов, луга и т.д. традиционны. Лес, обычно зеленый, чёрный, золотой, у В. Пескова, в зависимости от времени года - многоцветный:

Осень. «В эти дни кажется, что земля начинает даже светиться. Вы замечали, наверно: идешь по лесу – свет! Думаешь, пятна солнца, а это два желтых клена стоят между ёлками, теплый красный свет идет от осины. Березняки наполнены белым матовым и пронзительно-жёлтым цветом. А глянет солнце – свет во сто крат умножается».

«Большой муравейник с зелёной травой по краям стал похож на белую лысую голову с зелёными волосами». «В садах фонарями светятся яблоки».

Зима. «Смеркается. Верхушки леса посеребрил иней». «День никак не может проснуться, выбраться из ледяной дымки. Солнце мягким светлым клубком повисло над перелесками».

«Первой ёлку наряжать стала природа. Мы у неё переняли – вешать на дерево украшения. Но что они в сравнении с янтарными припорошенными снежком ожерельями!».

Весна. «В воде пожар от зари <...> в чёрных дубах показалась

луна», «...ива при лунном свете зажгла фонари крупных пушистых цветов...».

«Замечаешь синий холод лесной речушки<...>. Огонь рябин.<...> Серебристые ниточки паутины на стерне за опушкой. Что ни шаг – новые краски».

Лето. «...стоим на краю большой зелёной равнины. Жёлтые брызги лютиков, малиновые головки луговых васильков, пушистые стебельки лисохвоста, зонтики слаткого купыря, плети луговой кашки и тонкие ниточки душистого колоска<...> плотное душистое разнотравье – идешь, и за тобой остаётся сыроватый и тёмный брод. Бежин луг...», «Остывающий плёс похож на темный котёл. В нём лениво плещутся рыбы, белый пар переливается через край и растекается по лугу».

4. Цветообозначение анималистических объектов

Очевидно, что объекты живой природы наше цветовидение способно наделять различными цветами, у В.Пескова:

«Безлюдно. Ходит вдалеке синяя лошадь», «В лунную ночь, когда утихает моторка, зайцы прыгают под окнами домика. Скрипнешь дверью – убегают в кусты, голубые, как привидения», «...то и дело видишь маленький плотик из мусора и осоки и на нём рыжеватого робинзона» (об ондатре – Е.С.). Но, в основном, цветообозначения совпадают с закреплёнными в узусе дифференциациями ахроматического цвета: «чёрная корова», «чёрный конь». «Заяц готов зимовать. Давно уже приобрёл он белые шаровары. А на этой неделе лесные портняжки сшили ему и белую куртку».

В результате исследования нам удалось представить эстетическую ценность цветообозначений в заявленных очерках В. Пескова. Осуществили классификацию цветовых единиц и выявили особенности их функционирования, распределили по тематическим группам. Отметим, что состав лексических единиц, обозначающих цвет, у Пескова совпадает с общеязыковым. Однако качественное значение лексемы дополняется индивидуально-авторским значением, которое вербализуется при помощи тропов: метафор, сравнений, протии-вопоставлений. Отметим, что для Пескова характерен приоритет зрительных ощущений, что говорит о его чуткости восприятия действительности и наблюдательности. Визуализация

реализуется за счёт использования концентрации цвето-обозначений, пейзажных описаний, образных средств, использования психологических деталей: звуков, ощущений, чувств.

Литература

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в современном русском языке. – М., 1975.

Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Филологические исследования. – М., 1990.

Говинда Лама Анагорика. Основы тибетского мистицизма согласно эзотерическому учению великой мантры ом мане падме хум. – СПб., 1993.

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л., 1977.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ им. Ломоносова. – М., 2001.

Миронова Л.Н. Цветоведение. – Минск, 1984.

Песков В.М. Лесные глаза. – М., 1979.

©Сычёва Е.В., 2011

Усани Нгамсаенгпруек

Таиланд

Национально-специфическое своеобразие наименования денежных единиц (в тайском языке в сопоставлении с русским)

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурологический комментарий, сопоставительный аспект.

Язык является одним из основных признаков нации. Историко-социальные факторы представляют собой основные внелингвистические стимулы языковой дифференциации. Тайский язык и русский язык принадлежат к разной группе языков. Таиланд и Россия находятся на разных континентах. Культура и представление внеязыковой действительности в тайском языке отличаются от картины мира носителей русского языка.

«Национальная специфика является важным фактором при компаративном изучении культурного своеобразия народов. Сравнительное изучение культуры народов возможно лишь благодаря особому универсальному семантическому языку или языку семантических примитивов» [Вежбицкая 1999: 293-303].

Согласно мнению В. фон Гумбольдта, языки являются не только средством выражения уже познанной действительности, но, более того, и средством познания ранее не известной. Их различие не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. Сравнение языков на этапе их совершенствования – это прежде всего сопоставление «мировидений», картин мира, создаваемых с помощью языков.

Обратимся к контрастивному описанию тайского и русского языка на анализе лексического фрагмента категории меры, в частности, специфике представления денежных единиц, что позволит продемонстрировать связь лексических единиц с внеязыковой действительностью, которая обусловлена культурно-историческими традициями народов, говорящих на этих языках.

На протяжении многих веков деньги являются важным средством в повседневной жизни человека, денежные единицы, названия которых изменялись, также играют важную роль в языке. При исследовании наименований денежных единиц в тайском и русском языках можно увидеть и сходство, и различие.

Происхождение названий денежных единиц во многих странах связано с историей развития денег как средства платежа. Раньше люди использовали натуральный товарообмен, при котором одна вещь менялась на другую без денежной оплаты. По мере развития общества люди пытались найти определенный эквивалент, с помощью которого можно было получить товары: камни, мех животных, украшение, ракушки, металлы и др. Известно, что с древних времен для покупки и продажи товаров славяне использовали различные предметы. В древнерусском языке существовали денежные единицы, названия которые произошли от названия вещей, которые использовались как посредник для обмена товаров, например, *куна* от названия меха куницы, *векша* от названия белки, меха белки. В частности, одной из наиболее распространенных форм денег в Древней Руси явля-

лись раковины каури. Так, в XII – XIV веках на Руси, в так называемый безмонетный период, каури также служили деньгами, их называли *ужовки*, *жерновки*, *змеиные головки*.

В Таиланде ракушки использовали в качестве денег с самого начала становления страны. Обычно тайцы покупали ракушки в других странах. В тайском языке называли ракушку *เบี้ย* (bia). Стоимость *เบี้ย* (bia) изменялась в зависимости от количества ракушек в Таиланде, приблизительно 800 – 1200 *เบี้ย* (bia) равен 1 *บาท* (pai). Слово *เบี้ย* (bia) обозначало разменную денежную единицу Таиланда до 1862 г. Благодаря тому, что слово *เบี้ย* (bia) существовало в языке длительный период времени, его семантика расширялась. Слово *เบี้ย* (bia) стало использоваться вообще в значении «деньги». Существуют фразы и пословицы, в которых слово *เบี้ย* (bia) имеет значение «деньги». Например, пословица *เบี้ยน้อยหอยน้อย* (bia noi hoi noi) значит «мало денег», фраза *เบี้ยปรับ* (bia prab) значит «платить штраф».

Среди вещей, которые использовали в качестве денег, люди предпочитали применять драгоценные металлы, главным образом золото и серебро, благодаря тому, что металл очень прочный и люди могли разделить металл на маленькие слитки. Русские женщины носили бусы из драгоценного металла – гривну (*грива* – шея). Украшения всегда были очень дорогим товаром. За гривну давали кусок серебра определенного веса. Этот вес называли *гривной*.

Серебро играло важную роль в денежной системе, мы можем найти отражение этого процесса в тайском языке, в котором существуют слова *เงิน* (ngoen) и *เงินตรา* (ngoen tra) в значении «деньги». Слово *เงิน* (ngoen) сначала обозначало драгоценный металл серовато – белого цвета. Тайцы использовали серебро в качестве денег, поэтому значение слова *เงิน* (ngoen) расширяется. Слово *เงิน* (ngoen) впоследствии стало обозначать средство обращения товаров, средство платежа и меру стоимости.

При использовании серебра тайцы разделяли серебро на маленькие слитки, что было неудобно, потому что, во-первых, надо измерять вес, а, во-вторых, проверять качество серебра. Продавцы серебра штамповали свои марки на слитках, чтобы га-

рантировать качество и вес серебряных слитков. Потом был закон о том, что только государство имело право делать серебряные слитки, поэтому с тех пор серебряные слитки сделаны под государственной маркой, что нашло отражение в тайском языке - так появилось слово เงินตรา (ngoen tra) «серебро, на котором был штемпель». Слово เงินตรา (ngoen tra) обозначает вещь, которую государство использует как средство обращения товаров и средство платежа, поэтому семантика слова เงินตรา (ngoen tra) более узкая, чем слова เงิน (ngoen). По сравнению со значением слова เงิน (ngoen) в тайском языке, в современном русском языке используется слово *деньги*. Считается, что слово *деньги* или в форме единственного числа *деньга* заимствовано из тюркского языка *тенге*. Слово *тенге* первоначально обозначало мелкую серебряную, а затем медную монету в странах Востока. В древнерусском языке слово *деньга* обозначало серебряную или медную монету достоинством в полкопейки. От слова *деньга* появилось еще одно слово «денежка», которое тоже обозначало медную монету стоимостью в полкопейки. Существительное «деньги» в современном русском языке используется только во множественном числе. Семантика слова «деньги» постепенно расширяется и обозначает не монету, как раньше, так называется посредник для обращения товаров или услуг.

В древнерусском языке слово *серебро* использовалось для обозначения денежной единицы, в современном русском языке слово *серебро* существует в значении «драгоценный металл». Серебром также называют мелкую разменную монету, в состав которой входит серебро и никель.

В настоящее время основными денежными единицами Таиланда являются слова บาท (bat) и สตางค์ (satang). บาท (bat) – главная денежная единица, а สตางค์ (satang) – разменная денежная единица.

Слово บาท (bat) впервые появилось как мера веса. Стоимость слитков зависела от веса используемого серебра. Это значит, что

тайцы использовали денежно – весовую систему, которая с течением времени трансформировалась в денежную.

Тайцы производили серебрянные слитки пяти размеров, они назывались: ไพ (pai) - приблизительно 0.5 грамм, เฟื้อง (fueang) - приблизительно 2 грамма, สลึง (salueng) – приблизительно 4 грамма, บาท (bat) – приблизительно 15 граммов и ตำลึง (tamlueng) - приблизительно 60 граммов. Среди этих денежных единиц слово บาท (bat) является главным, поэтому слово บาท (bat) сохранилось в системах мер веса и денежных единиц в тайском языке до сих пор.

Впоследствии в Таиланде перешли на десятичную систему и перестали использовать традиционную систему денежных единиц, поэтому слова ไพ (pai), เฟื้อง (fueang), สลึง (salueng), ตำลึง (tamlueng) перестали быть денежными единицами Таиланда. Появилось новое слово สตางค์ (satang). В десятичной системе существуют только слова บาท (bat) и สตางค์ (satang). Один บาท (bat) делится на 100 สตางค์ (satang). Слово สตางค์ (satang) значит одна сотая часть.

Сейчас национальной денежной единицей России является рубль, а разменной денежной единицей – копейка. Один рубль делится на 100 копеек. Происхождение слова *рубль* трактуется двумя путями: слово *рубль* происходит от глагола *рубить*, люди рубили гривну пополам и каждую часть гривны называли *рубль*. Второе толкование предполагает, что вес гривны и рубля был одинаков, но слово *рубль* обусловлено особенностями технологии. Корень *руб* означает «край, кайма, шов», поэтому слово *рубль* обозначало «слиток со швом».

Первоначально *копейка* называлась *новгородкой*. В XIV веке новгородская монета по весу вдвое превышала московскую. На аверсе *московки* изображался всадник с саблей, а на аверсе *новгородки* – всадник с копьем. В это время слово *копейка* входит в речевой обиход. Многие ученые связывали его со словом *копье*. Есть и другая версия: наименование слова *копейка* происходит от слова *копить*.

В результате проведенного сопоставительного анализа названий денежных единиц в тайском и русском языках можно сделать вывод, что они обусловлены национально-культурной спецификой. Слово *рубль* в русском языке отражает или действие разделения серебряных слитков, или технологию производства денег, слово *копейка* показывает перенос изображения предмета на его наименование. Ракушка была денежной единицей Таиланда, потому что большая часть страны находится у моря, в русском же эти раковины каури использовались очень мало, поэтому денежным эквивалентом служил мех животных, чего не было в тайском языке.

Очевидно, что общественные, культурные и исторические сферы сильно влияют на специфику тайского и русского языков. В справедливом утверждении Э. Сепира и Б. Уорфа лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинками мира». Необходимо подчеркнуть, что рассматривая язык в контексте культуры, можно утверждать, что наименования денежных единиц являются не просто конкретным фрагментом языковой картины мира, но также концептом культуры сопоставляемых языков.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.

Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Спасский И.Г. Русская монетная система. – М., 1962.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1940.

วิจิตรมาตรา (สง่า กาญจนาคพันธุ์). เรื่องตำนานการวัดดวงซ้ง. พระนคร: กระทรวงเศรษฐกิจ, 2496. (Книга о возникновении системы мер и весов, 1953).

นวัฒน์ เลขะกุล. เบี้ย บาท กษาปณ์ แบงก์. กรุงเทพฯ: สารคดี, 2547. (Книга о деньгах, 2004).

พจนานุกรมฉบับราชบัณฑิตยสถาน พ.ศ. 2542. กรุงเทพฯ: นานมีบุ๊คพับลิเคชั่น (Словарь тайского языка, 2003).

©Усани Нгамсаенгпрुक., 2011

Сведения об авторах

Андреева А.А., студент 4 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Баданина К.Г., студент 5 курса ФЛФ Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (Нижний Тагил).

Беликова Е.С., выпускник Уральского государственного педагогического университета 2011 г. по специальности «Связи с общественностью», стипендиат Президента РФ, магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, специалист отдела по связям с общественностью НОУ ВПО «Институт международных связей».

Вайсова А.А., студент 4 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Вискунова С.Б., выпускник Уральского государственного педагогического университета 2011 г. по специальности «Реклама», менеджер по рекламе ООО «Акцион-Пресс».

Воробьева Н.А., к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и русского языка, заместитель директора Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Голубева А.А., студент 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Иванова Е.Н., к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Капленко В.Н., к.ф.н., доцент кафедры новых информационных технологий в образовании Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кашина Н.В., магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кирилова Т.М., магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кукишинов К.А., магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кучко В.С., студент Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Лебедева Н.Л., студент 6 курса заочного отделения Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Моргунова Л.А., аспирант кафедры русского языка департамента филологии и массовых коммуникаций Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Мурадян Д.Г., студент 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Пятова Е.А., магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Романова Е.Н., студент 4 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Синица Н.А., магистрант Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Сычёва Е.В., соискатель кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института

Усани Нгамсаенгпруек, аспирант Российского университета дружбы народов (Москва).

Шебалов Р.Ю., к.ф.н, доцент кафедры общего языкознания и русского языка Института филологии, культурологии и меж-

культурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Содержание

Андреева А.А., Иванова Е.Н. Синтаксическая норма XVIII века в эпистолярных текстах.....	3
Баданина К.Г. Особенности восприятия общественно-политической лексики иноязычного происхождения.....	16
Беликова Е.С. Использование PR-средств в деятельности муниципальных органов власти: коммуникативный аспект..	22
Вайсова А.А., Иванова Е.Н. Редакторская правка XIX века в области графики и орфографии.....	29
Вискунова С.Б., Шебалов Р.Ю. Ретро-мотивы в современной рекламе: к постановке проблемы.....	40
Воробьева Н.А., Кукишинов К.А. Фразеологизмы с компонентами «черт» и «дьявол», характеризующие человека в русском и английском языках.....	48
Голубева А.А. Языковая игра как способ формирования философского познания (на примере загадки).....	51
Капленко В.Н. Ещё одно предположение о стиле С.Есенина.....	59
Кашина Н.В. Лингвокультурный анализ мифологемы <i>дорога</i>	63
Кирилова Т.М. Современные подходы к преподаванию русского языка.....	72
Кучко В.С. Фразеология со значением измены в любви в русских говорах.....	84
Лебедева Н.Л. Лингвокультурный анализ мифологемы <i>дом</i>	95
Моргунова Л.А. Социолингвистический аспект исследования детской речи.....	105
Мурадян Д.Г. Причины возникновения соотнесенного двуязычия в условиях недостаточного и успешного овладения чужим языком.....	110
Пятова Е.А. Причастный оборот: сущность изучаемого языкового явления.....	113
Пятова Е.А. Анализ мифологемы <i>золото</i> как компонента языковой картины мира.....	126
Романова Е.Н. К изучению межполушарной асимметрии учеников 5-11 классов.....	140

Синица Н.А. Церковная речь в зеркале русской диалектной лексики.....	146
Сычёва Е.В. Цветообозначения, формирующие индивидуально-авторскую картину мира (на материале очерков В. Пескова «Лесные глаза»).....	157
Усани Нгамсаенгпруек Национально-специфическое своеобразие наименования денежных единиц (в тайском языке в сопоставлении с русским).....	164
Сведения об авторах	171

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

LINGUISTICA JUVENIS

Выпуск 13

**Теоретические и методологические аспекты изучения
языкового сознания**

Сборник научных трудов молодых ученых

Корректор: Т.В. Гоголина

Оригинал-макет и дизайн обложки: О.Ю. Коновалова

Техническое редактирование: Е.Н. Иванова

Подписано в печать 12.10.2011 Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 10, 9. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет изготовлен и отпечатан

в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.